

Анатолий БЕЛЯКОВ

Олег МАТВЕЙЧЕВ

ВАТНИК СОЛЖЕНИЦЫНА

Москва • Книжный мир • 2018

Олег Матвейчев, Анатолий Беляков

Ватник Солженицына. – М.: Книжный мир, 2018. – 352 с.

ISBN

Александр Солженицын – лжец и доносчик, предавший свою Родину и близких, или Пророк, не понятый в Отечестве? Был ли он ключевой фигурой на шахматной доске холодной войны? Стоял ли за нобелевским лауреатом-антисоветчиком КГБ? Кто и зачем собирается превратить столетие со дня рождения Солженицына в мировое событие? Как косноязычные многотомники посредственного писателя почти стали мировыми бестселлерами? Стоит ли начинающим писателям учиться приемам самопиара у «вермонтского затворника»?

Новая книга Анатолия Белякова и Олега Матвейчева вскрывает второе дно «властителя дум» российской интеллигенции и рассказывает правду о том, какими путями Александр Солженицын пришел к мировой известности.

«Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

ISBN

© А.В. Беляков, 2018
© О.А. Матвейчев, 2018
© Книжный мир, 2018

ЛИЦЕДЕЙ НА СЦЕНЕ ИСТОРИИ

Отправляясь из Степлага в вечную ссылку, Солженицын захватил с собой потрепанный ватник. Уже в Кок-Тереке, пригласив к себе фотографа, он попросил сделать несколько снимков: портрет со страдальческой, затравленной миной; постановочную зарисовку «Обыск на проходе» и несколько других. Эти снимки впоследствии будут широко растиражированы, будут использованы как иллюстрации к «Архипелагу», а ватник будущий писатель-нобелиат заботливо сохранит, чтобы щеголять в нем перед благодарными зрителями и описывать его в мемуарах: «Моя жизнь в Рязани идет во всем... по-старому (в лагерной телогрейке иду с утра колоть дрова)»¹.

Этот ватник упомянут в своих воспоминаниях бывший генерал Петр Григоренко, геолог Анна Гарасева, журналист Виктор Буханов и многие другие. В этом ватнике запомнят его сотрудники московских журналов и соседи писателя по рязан-

---

1. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №.6. С. 32.

ской квартире и подмосковным дачам. В нем он будет напрашиваться на постой к своим знаменитым друзьям.

Осенью 1969 года опальный, но несгибаемый Солженицын попросится к Мстиславу Растроповичу и Галине Вишневской пожить на их даче в номенклатурном поселке Жуковка. Великая певица позже напишет в своих воспоминаниях: «В шесть часов утра приехал Александр Исаевич, оставил свои вещи, а сам уехал в Москву поездом... Заходим в дом, и я хозяйским глазом вижу, что ничего не изменилось, никакого нового имущества нет. Лишь на кровати в спальне узел какой-то лежит... Что же за узел такой? Оказывается, это старый черный ватник, стеганный, как лагерный, **до дыр заношенный**. Им обернута тощая подушка в залатанной наволочке, причем видно, что заплатки поставлены мужской рукой, так же, как и на ватнике, такими же большими стежками... Все это аккуратно связано веревочкой, и на ней висит алюминиевый мятый чайник. Вот это да. Будто бы человек из концентрационного лагеря только что явился и опять туда же собирается. У меня внутри точно ножом полоснуло»².

В этом ватнике – весь Солженицын. Мастер самопрезентации, творец и главный редактор собственной жизни. *Мостырицик*, если выражаться в терминах из «Архипелага», *лепила*.

Огромное количество фотографий, на которых запечатлен Солженицын в кругу семьи, на отдыхе или в других непубличных обстоятельства, дают, однако, понять, что кроме стеганой фуфайки у пи-

---

2. Вишневская Г.П. Галина. Минск, 1997. С. 483-484.

сателя было немало опрятной и вполне приличной одежды. Однако когда ему было необходимо произвести впечатление на людей, особенно при первом знакомстве, он надевал именно ее.

В свой ватник Солженицын облачился и при задержании 12 февраля 1974 года. Первый зам Генпрокурора СССР Михаил Маляров потом рассказывал корреспондентам Агентства печати «Новости», мол, сразу же обратил внимание на то, что всемирно известный «борец за свободу» был одет в старую, потрепанную одежду – видимо, по замыслу Солженицына, его одежда должна была изображать рублище. «Даже рыбак, – сказал Маляров, – возвращающийся с рыбалки в ненастный день, выглядит изысканнее»³.

Когда Александру Исаевичу был зачитан текст указа о лишении его гражданства, он объявил свою последнюю просьбу: «Я не хотел бы появиться за границей в **маскарадном костюме**, который надел при задержании»⁴.

Просьба писателя была удовлетворена. «Репортеры многочисленных западных газет и агентств, встретившие самолет из Советского Союза, на борту которого находился Солженицын, единодушно упомянули в своих сообщениях прекрасную коричневую меховую шапку нежданного гостя и прочие детали его гардероба»⁵.

Подобный маскарад, впрочем, любили устраивать и другие знаменитости, любившие напустить на себя флеру простонародности.

---

3. Королев Б., Помазнев В. Дело №3-47-74 // В круге последнем. М.: Изд-во АПН, 1974. С. 30.

4. Королев Б., Помазнев В. Дело №3-47-74. С. 32.

5. Королев Б., Помазнев В. Дело №3-47-74. С. 32.

Лев Толстой, говорят, любил дожидаться у себя в Ясной Поляне московского экспресса и в ту самую минуту, когда поезд следовал мимо его тульского поместья, выйти босиком да в рубахе навывпуск в поле с плугом. «Барин пашет», – с удовольствием отмечали прильнувшие к окну пассажиры.

Показная скромность была отличительной чертой Мао Цзэдуна. Во время «Великого похода» 1930-х годов он демонстративно подбирал брошенные солдатами изорванные сандалии: «Починю и буду носить»; в Яньани он наряжался в куртки с огромным количеством заплат и питался простой чумизой. Да и его быт в Запретном городе не отличался особой прихотливостью – большую нужду он справлял прямо в саду, на глазах у своего референта, стоявшего с лопатой за спиной Великого Кормчего.

Что ни говори, а то, какими вещами окружает себя человек, может сказать о его натуре, намерениях, мотивах его поступков больше, чем любые из его слов, ведь вещь – это просто временно отчужденное «я», кусочек души, отбывающий ссылку в мире грубой материальности.

Вы можете молчать – все скажут за вас ваши вещи.

Фарс, водевиль, трагикомедия с переодеваниями – вот, чем была жизнь Солженицына. Ватник и стоптанные ботинки были тщательно продуманным реквизитом к спектаклю его жизни. Скитания по чужим дачам в поисках «укривища» от якобы страшной опасности – частью детально разработанного сюжета. Громкие воззвания и «письма вождем» – ключевыми сценическими монологами.

Роль же его была аллегорическая – весь русский народ.

От этой роли Александр Исаевич не отступался даже наедине с собой и своей любимой пишущей машинкой «Рене». Играть – так играть каждую минуту. В конце концов, лицедей он или банщик?

«Лицедейство», кстати, на древнегреческом – ὑπόκρισις, что также означает «лицемерие», «притворство».

«Не верю!» – кричал Станиславский, когда видел фальшивую, неорганичную игру актера.

Солженицыну – верили. Им восхищались, его жалели, его почти боготворили, называли титаном и светоносцем, голосом миллионов, не догадываясь, что все, за что его любят и чему сочувствуют – всего лишь хорошо продуманный образ, что все это сделано на продажу.

И все бы ничего, если бы свой талант актера, режиссера и собственного антрепренера Солженицын использовал как-нибудь безвредно, во имя чистого искусства. Так нет же – свою жизнь и свою лиру Солженицын посвятил дискредитации советской власти и разрушению своей страны. И вот ведь какое дело – у него это получилось! Забодал теленок дуб!

Все советские диссиденты вышли из бутафорского ватника Солженицына, чтобы рвать на части свою родину.

Нет, не джинсы и батник развалили СССР, как принято считать, а кирзачи и ватник...

КАК СТАТЬ ЗВЕЗДОЙ

А.Б.

Прежде, чем приступить к повествованию, давай с тобой, Олег Анатольевич, определимся, о чем же мы будем писать. Кажется, за последние лет тридцать ни о каком писателе не выходило столько книг и статей, как о Солженицыне. Причем, одинаково активно пишут о нем как сторонники, так и противники.

В серии ЖЗЛ переиздана биография Солженицына, выполненная в жанре жития святых авторства Людмилы Сараскиной – 1000 страниц, и стоит ту же тысячу. И то ли еще будет! Ведь того гляди состоится столетие писателя, и к нему приурочены сотни публикаций, мероприятий, экранизаций. Досок наоткрывали мемориальных – в Москве, например, на Тверской, 12, на фасаде дома, где его арестовали перед высылкой – сам Степашин на открытии речь сказал. А во Владивостоке памятник уже несколько лет стоит – местные жители к нему очень равнодушны и с показательной регулярностью «оскверняют» его различными надписями.

**Установкой памятника Солженицыну в их городе
владивостокцы остались недовольны.**

Фото: Max Shinkarenko

Может, город какой переименуют – вот, Рязань, вроде подходит. Путин, думаю, будет не против – он Солженицына душевно любил и чай к нему ездил пить.

В этой юбилейной свистопляске участвовать не сильно хочется.

С другой стороны, больше стало появляться и критических работ, ядовитых даже. Их авторы подняли тяжеленные пласты архивной информации, собрали горы воспоминаний, тщательно изучили каждую букву, каждую точку и тире у Солженицына, чтобы разоблачить все популярные мифы об этом писателе, поймать его на вранье и подлости. Это, в частности, старейшие наши публицисты Владимир Бушин и Михаил Лобанов, яркий лите-

ратуровед Бенедикт Сарнов, историк, доктор наук Александр Островский.

На этом поле нам просто и делать нечего – тут все перепахано. Вообще, разоблачать Солженицына, смеяться над его дурновкусием и лицемерием давно стало общим местом.

Но есть одна поляна, на которой нам, безусловно, есть, где развернуться. Все пишут – с разных, подчас полярных точек зрения – как Солженицын стал тем, кто он есть. Мы же расскажем, как **стать** Солженицыным – как приобретать друзей и оказывать влияние на людей, как уважать себя заставить. Как стать **звездой**. Ведь, что ни говори, а Александр Исаевич – выдающийся мастер самопиара, мало, кому удавалось настолько эффективно привлекать к себе внимание всего мира, пропагандировать свои идеи, все время находиться в повестке дня. В этом умении ему трудно отказать.

О.М.

Давно следовало обратить внимание на чисто технологическую сторону дела.

Главный миф о Солженицыне – это миф о самородке, крутом от природы. Потому, мол, и слушали его миллионы людей по всему миру, что, будто бы, сама земля русская через него вещала свою черную земную правду.

Между тем, сама природа мифа в том и состоит, что он маскирует сделанность, технологичность того или иного высказывания, той или иной идеологии обличием естественности.

Но если западные постструктуралисты – Ролан Барт, группа «Тель Кель», вплоть до Умберто Эко –

ставили перед собой задачу разоблачить мифы массового сознания, обнаружить сделанность тех вещей, которые претендуют на естественность, и обучить людей «семантической герилье» против властного дискурса, то мы преследуем чисто проповеднические цели: представить путь Солженицына в виде системы неких стратагем и поставить ее на службу людям, чтобы, пользуясь этой системой, люди могли добиваться успеха в своих делах.

А.Б.

Ну и, естественно, не грех и еще раз напомнить читателям, что за фрукт был этот Солженицын. Ведь он не просто продолжает издаваться огромными тиражами – в 2008 году его включили в школьную программу, а это уже не шутки! Ведь именно Солженицын несет прямую ответственность за весь этот идеологический беспредел, который царит и в России, и в окрестных странах. Именно он дал мощное пропагандистское оружие в руки недругов нашего государства, воспитал «пятую колонну» и целый социальный класс национал-предателей. А мы еще удивляемся, откуда в людях столько ненависти к нашей истории, откуда все эти мифы о «трупозакидательстве» во время войны, о «бессмысленных» жертвах в блокадном Ленинграде, о власти, которая по самой своей природе ненавидит народ?

Тут надо не просто открывать глаза на некую правду – не раз это уже делалось. Тут нужны политические решения!

О.М.

Да, тридцать лет восхваления Солженицына не прошли даром! Впрочем, и время, когда он считался «запретным плодом», тоже работало на него.

Лично я впервые услышал о Солженицыне из интервью поп-звезды Томаса Андерса из «Модерн Токинг» – он сказал, что именно по его книгам он представляет себе жизнь в СССР. Только после этого я в 1985 году заинтересовался, кто этот Солженицын, и мне тайно принесли «Архипелаг Гулаг», зачитанный до дыр, прошедший не один десяток рук. И это не в Москве и Питере, это в далеком сибирском городке. Среди столичной интеллигенции вообще нет никого, кто бы его не прочел. Вся элита, все Сахаровы и Ростроповичи были одержимы Солженицыным и подавали пример всем остальным.

Кстати, первой моей еще подростковой реакцией на Солженицына было неприятие. Оно было вызвано несколькими факторами, но главное – языком. Так уж получилось, что 3-4 месяца в году, начиная с грудного возраста и до 16 лет, я проводил в деревне у бабушки в Поволжье – это значит, что почти четверть своей жизни на тот момент я провел среди сельских людей. Я прекрасно знал народный язык, умел на нем говорить, а если учесть, что мой родной Новокузнецк строили люди со всей страны, и мои сверстники также были горожанами только в первом поколении, то, общаясь с многочисленными родителями своих друзей и близких, я получал представление о говоре очень разных мест. Я и сейчас могу подражать не меньше чем десятку

разных диалектов и акцентов. Бывая в любой местности, легко перехожу на местный говор. Позже я побывал в 60 регионах России и имел возможность узнать, как там говорят. Уже тогда, в 16 лет, язык Солженицына мне показался ненатуральным, искусственным, совершенно лубочным. Но мне говорили, что я просто придираюсь, и не след обижать великого писателя, да и не в языке его заслуга, а в смелости – кто еще нам правду скажет, совкам забитым?

Совками никому слыть не хотелось, и потому на советских кухнях Солженицын был чтивом №1. И не только на советских кухнях.

В 1998 году я путешествовал по Германии и общался с молодым немцем, который не знал даже имен Гегеля и Канта. Но он знал Солженицына. Он показывал мне какой-то зиндан в средневековом замке на экскурсии, и, не зная перевод на русский, кричал, тыкая в подземелье: «Гулаг, Гулаг, Гулаг!»

Позже я еще несколько раз путешествовал по Германии, и в двух гостиницах (на Боркуме и во Фрайбурге, то есть на юге и на севере) обнаружил в номерах книги для чтения, всего в двух – из десятка гостиниц! Но в обеих, наряду с Фредериком Форсайтом и Стивеном Кингом, были книги Солженицына! Это настоящий популярный писатель, на его тиражах в Европе выросло целое поколение! Люди могут не знать Толстого, Чехова, Достоевского и тем более – Пушкина, но Солженицына знают все – сотни миллионов!

А через Солженицына у них складывается впечатление о нашей стране и нашей истории. Плохое

впечатление. Потому нас и боятся, и презирают, и все время пытаются каким-то гуманистическим ценностям обучить.

А.Б.

Мое знакомство с творчеством Солженицына тоже состоялось где-то в 1986 году. Я в десятом классе учился, и один мой школьный товарищ, сын зубного врача (почти что творческая интеллигенция), принес мне «Один день Ивана Денисовича», распечатанный на фотобумаге в карманном формате – чтобы проще его было под матрасом прятать. Тогда ходили легенды о том, как за такого Солженицына можно было 15 лет получить. И в хранении запрещенной литературы было что-то эротическое. У меня у самого адреналинчик подскочил, когда мне эту книжку вручали. Философ Гачев чуть позже напишет известный текст о сексуальной природе страха. Но, надо сказать, тогда и фотографии Сталина тоже были из разряда запрещенной литературы. У нас в районе их продавали глухонемые по рублю – как, к слову, и порнографические календарики. Верхом смелости было приладить такую фотографию под лобовое стекло машины – я имею в виду, как ты понимаешь, портрет генералиссимуса.

В «Иван Денисыч» я, надо сказать, не нашел ничего такого уж скандального и антисоветского (об «Архипелаге» я тогда знал только из бюллетеня «Аргументы и факты», который был в то время малотиражным пособием для лекторов). Но вот что у меня до сих пор, как гвоздь, в башке торчит – все эти «маслице-фуяслице», «смехуёчки» и прочие эле-

менты лагерного фольклора, щедрой горстью рассыпанные по повести ее автором. Да и, собственно, фени там богато. Что ни говори, а насытил Александр Исаевич наш язык блатными словечками. Нам, россиянам XXI века, уже не требуется объяснять, что такое *стукач*, *шестерка*, *понты*, *кантоваться*, *ссучиться*...

Он сам всю жизнь кичился знанием уголовного арго и тюремными повадками. А среди широких народных масс это и вовсе в моду вошло. «Радио Шансон» до сих в каждом такси звучит.

О.М.

Осмысление истинной роли Солженицына и трезвая оценка его литературного таланта пришли не сразу. Тот же Бушин, тот же Войнович – непримиримые критики нашего «самовидца» – изначально были его большими поклонниками. А на Западе он и вовсе был «священной коровой», критиковать его считалось почти неприличным.

Между тем, после вручения Солженицыну Нобелевской премии интерес к его персоне подстегнуло появление его первых биографий. И биографии эти не проходили согласования у их главного действующего лица, а значит, содержали непричесанную правду. Многие факты из своей жизни Солженицын, конечно же, не хотел обнародовать. И потому разразился гневными филиппиками в адрес своих первых жизнеописателей Давида Бурга и Джорджа Фейфера – свою книгу «Солженицын» они выпустили еще в 1972 году. «Считаю беззастенчивым и безнравственным – писал он, – составлять

биографию писателя при его жизни, но без его согласия. Такие действия ничем не отличаются от сыска, полицейского или частного»⁶.

Ясное дело, хочется ведь предстать перед западной публикой гламурным и глянцевым, а они копаются в прошлом, выискивают интересненькое...

В общем, автор знаменитого «Письма к съезду писателей» сам захлопотал о вводе цензуры – ну, хотя бы в отношении публикаций о его неподсудной персоне. В качестве, так сказать, «пресс-релиза», «мурзилки» он предложил своим будущим биографам литературные воспоминания «Бодался теленок с дубом» и «Угодило зернышко промеж двух жерновов». Ну и в «Архипелаге», конечно, немало содержится мемуарных свидетельств.

А.Б.

Вообще, «Теленок», который увидел в свет уже за рубежом, в феврале 1975 года – это редкий по саморазоблачению документ. Человек, учивший «жить не по лжи», даже не скрывал, что обманывал и лицемерил перед теми, кто ему доверял и готов был искренне помогать. До чего отвратительны, например, его нападки на Твардовского, которого когда-то он сам называл своим литературным отцом, уничтожающие оценки прочих друзей и знакомых, в том числе, уважаемых писателей и даже диссидентов. Не удивительно, что мемуары Солженицына вызвали скандальный резонанс и привели к сокращению круга его поклонников и единомышленников.

---

6. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №12. С. 56.

Александр Исаевич с самодовольством приводит слова кого-то из своих московских приятелей, что в «Теленке» он оставил «своим будущим биографам *выжженную землю*»⁷. Но важно иметь в виду и то, что все свои жизнеописания – и «Гулаг», и «Теленка», и «Зернышко» – Солженицын всю жизнь редактировал, создавая разные версии одних и тех же событий в зависимости от конъюнктуры. В этом смысле он являлся человеком с непредсказуемым прошлым. Он всегда тонко чувствовал, в каком амплуа в тот или иной момент лучше предстать перед аудиторией, что выпятить, а о чем умолчать.

Так что его главное произведение – не «Красное колесо», которое он, по его собственным уверениям, писал 55 лет (иные и не живут столько!), и не «Архипелаг Гулаг», сделавший ему имя на Западе, а сама его жизнь, которую он превратил в литературное произведение.

И эта книга ему удалась – в отличие от большинства его крупных текстов.

Впрочем, давай расскажем обо всем по порядку.

---

7. Солженицын А.И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. №9. С. 102.

МЕЖДУ ТОЛСТЫМ И ДОСТОЕВСКИМ

Что необходимо, чтобы стать великим? Природное тщеславие и вера в собственную исключительность.

Скромный человек просто постесняется претендовать на достойное место в истории. Ему даже с девушкой познакомиться трудно – стоит себе в сторонке, шапку мнет нерешительно, глазами моргает. Куда уж ему на Нобелевку рассчитывать или хотя бы на статью в Википедии!

Люди тщеславные, как правило, и цели ставят перед собой великие. И часто их достигают. Помните хоть Сальвадора Дали, хоть Наполеона. Да хотя бы Гюго, который все мечтал, что Париж будет когда-нибудь переименован в «Гюгополис», да так и не дождался. Но в памяти потомков все же остался, как и планировал – в качестве великого писателя.

Неизвестно, были ли у Солженицына подобные амбиции, может, он даже рассчитывал, что в его честь не то, что город – страну переименуют.

Факт тот, что тщеславия у него было хоть отбавляй, а это уже первый шаг к успеху.

«Во всей мировой литературе не было писателя, который так много и охотно, так вдохновенно и возвышенно говорил бы и писал о себе, как Александр Солженицын, – утверждает исследователь творчества Солженицына Владимир Бушин. – С кем он себя при этом только не сравнивает, кому только не уподобляет! То – титану Антею, сыну Посейдона, бога морей, и Геи, богини земли, побеждавшему всех противников, а то – храброму да ловкому царевичу Гвидону из пушкинской сказки. То пишет о себе как о библейском израильтянине Давиде, поразившем пращой гиганта Голиафа, а то – как о русском бунтаре Пугачеве. Или изображает себя бесстрашным героем вроде Зигфрида, что ли, сражающимся сегодня против Дракона, а завтра – против Левиафана»⁸.

Стратегема № 1

Убедите себя в собственной исключительности. Поставьте перед собой грандиозные задачи.

Свою особую роль в этом мире Александр Исаевич видел – ни больше, ни меньше – в том, чтобы служить Десницей Божьей в борьбе с Мировым Злом и Ложью. «Я – только меч, хорошо отточенный на нечистую силу, заговоренный рубить ее и разгонять, – объясняет он в своем “Теленке”. –

8. Бушин В.С. Александр Солженицын. Гений первого плевка. М.: Изд-во Алгоритм, 2005. С. 128-129.

О, дай Господи, не переломиться при ударе. Не выпасть из Руки Твоей»⁹.

И в его подвижничестве страна нуждается буквально каждую минуту. Владимир Войнович приводит такой эпизод из жизни Солженицына: «Родственников где-то в Ставрополье проведаль (в сопровождении телевизионщиков), выпил с ними по рюмочке и – дальше. На просьбу родственницы: “Погостил бы еще” – без юмора отвечает: “Некогда, Россия ждет”»¹⁰.

А велик ли Александр Исаевич? Не то слово. Солженицын – «человек-гора»¹¹, именно так именует себя в «Зернышке». Писатель, которому ну, может, три-четыре человека в мировой истории были равными по величию.

Первая жена Солженицына Наталья Решетовская вспоминает: «Читала книгу Бердяева “Достоевский”. Александр Исаевич не захотел ее даже раскрыть. Этому не следует удивляться. Ведь он как-то сказал мне, что чувствует себя между Достоевским и Толстым»¹².

«Бедный Достоевский, – сокрушается Александр Островский. – Не дотянул до Солженицына»¹³.

Но только ли Достоевский?

-
9. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №8. С. 57.
  10. Войнович В.Н. Портрет на фоне мифа. М.; München: Im Werden Verlag, 2008. С. 74 / URL: http://imwerden.de/pdf/voynovich_portret_na_fone_mifa.pdf
  11. Солженицын А.И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2001. №4. С. 129.
  12. Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. М.: Советская Россия, 1990. С. 371.
  13. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. М.: Яуза; Пресском, 2004. С. 469.

В «Теленке» Александр Исаевич с самым серьезным видом (как подобает только человеку исключительной скромности) приводит слова, будто бы сказанные ему осенью 1965 года Корнеем Чуковским: «О чем Вам беспокоиться, когда Вы уже поставили себя на второе место после Толстого»¹⁴.

Значит, не только Федор Михайлович не сумел подняться до уровня Великого писателя земли русской, но и Чехов, и Некрасов, и Гоголь, и Лермонтов, и даже Пушкин. И с этим спорить? Ведь ни у кого из них нет такой эпопеи, которую написал Александр Исаевич – мы имеем в виду «Красное колесо». А все собрание сочинений Михаила Лермонтова уместается в двух томах. Разве можно поставить его рядом с тридцатитомным собранием сочинений Солженицына?

В 1985 году филолог Лев Копелев, видя, как прогрессирует мания величия Солженицына, напомнил своему другу по шарашке: «Толстой объяснял, что каждый человек – это дробь: числитель – то, что о нем думают другие, а знаменатель – то, что он сам о себе думает. Я долго не замечал, как все нарастал, как “медленно взрывался” твой знаменатель»¹⁵.

Самовлюбленность и уверенность в собственной непогрешимости – качества, как правило, чуждые большому писателю, да и просто мыслящему человеку. Великие писатели знали падения и разочарования, они сжигали свои книги, как Гоголь «Мертвые души», они начинали жизнь заново,

---

14. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №12. С. 13.

15. Копелев Л. Письмо Солженицыну // Синтаксис. № 37. Париж. 2001. С. 101.

как Лев Толстой, они просто всю жизнь разрывались от противоречий, как Достоевский. Не таков Солженицын, он сразу и прочно сел на любимого конька «гарантированной правоты», с которого удобней всех судить, и так и не слез с него до конца жизни. Ни разу в жизни его взгляды не претерпели изменения, он ни в чем ни разу не покался и ни за какие прошлые ошибки не попросил прощения. А за что просить, ошибок-то не было...

Но, может быть, «человек-гора» действительно открыл миру какие-то великие истины?

Известно, что великие писатели влияют на великих философов. Так, например, Ницше был восхищен Достоевским, Мартин Хайдеггер, величайший философ XX века, в своих книгах ссылаясь на Толстого и Достоевского, а уж Камю или Сартр – тем более. Другой великий философ XX века, правда, во всем противоположный Хайдеггеру – Людвиг Витгенштейн – выучил русский язык только чтобы читать Достоевского. После книг Солженицына число людей в мире желающих учить русский, наоборот, заметно убавилось, как и вообще число людей, положительно относящихся к России.

Какие истины нам открыл Солженицын в своем творчестве, какие грани бытия? Что «коммунизм – это плохо»? Ну, тут он ничего нового не придумал по сравнению с Гитлером и Геббельсом. Какой философ, прочитав Солженицына, нашел там откровение? Действительно, есть один фанат Солженицына – Андре Глюксман, французский философ, друг и адвокат Шамиля Басаева – террориста, особенно любившего захватывать роддома и школы, брать в заложники и убивать детей и беременных

женщин. Всякий поклонник Солженицына, бездумно повторяющий, что он «пророк и великий русский писатель» должен понимать, что он в этой же компании!

И вот еще одна черта к портрету самовлюбленного тщеславца: Солженицын страстно, просто до одури любил фотографироваться, он испытывал просто маниакальную тягу к позированию. Каждая его фотография – это отдельный мхатовский этюд.

Вот он в офицерском мундире, на плечах – старлейские погоны. Три четверти оборота, взгляд одухотворенный, решительный.

Вот он в казахстанской ссылке – взгляд пронизывающий, слегка из-под бровей, вымученная складка на лбу символизирует мудрость, пришедшую с нелегким опытом.

Постановочное фото «Обыск на проходе».
В роли зека – Александр Солженицын

А вот известное фото – Солженицын в ватнике – съжившийся от холода, загнанный, но не сломленный. Впервые увидев этот снимок, многие наверняка задавались вопросом: неужели в кровавом Гулаге не только фотографировали зеков, но и выдавали им художественный снимок при освобождении? Да нет же – фотография сделана уже позднее. Как признается сам Солженицын, он просто позировал специально нанятому фотографу¹⁶.

А вот посмотрите, как трогательно он держит за ручку Наталью Алексеевну, приехавшую к нему на фронт, как ласкает ее нежным взглядом.

А вот он уже с Натальей Дмитриевной: и взглядом, и поворотом головы, и осанкой он дает понять зрителю, что здесь – чувства особые.

А вот он на похоронах Твардовского – изображает вселенскую скорбь, но почитайте его «Теленка» – как он только не поносил за глаза своего благодетеля, давшего ему путевку в большую литературу!

Но что фото! Фотографии – лишь иллюстрации к его поистине уникальной биографии, которую Солженицын, не доверяя журналистам и историкам, всю жизнь создавал сам. По свидетельству его друга детства Николая Виткевича, материалы для своих будущих биографов Солженицын начал готовить еще в студенческие годы: «Саня уже в Ростове собирал материалы для своей биографии. Он собирал и классифицировал свои фотографии и письма»¹⁷.

---

16. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг // Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 7. М.: ИНКОМ НВ, 1991. С. 42.

17. Цит. по: Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. М.: Прогресс, 1978. С. 40.

Эти письма также предназначались будущим бытописателям, хотя формально они были адресованы друзьям, жене, матери. Да что там письма – любую записку в жилконтору Солженицын создавал как произведение, которое должно пережить века, и заранее находил ей место в своем будущем собрании сочинений.

Позднее Солженицын возьмется за мемуаристику, которая навсегда останется его основным жанром, напишет «Архипелаг», «Теленка», «Зернышко», потом будет до бесконечности их выправлять, редактировать, дописывать. В них он не просто отретуширует некрасивые факты собственной жизни – в них он предстанет равновеликим всей своей стране, всей эпохе. Великие исторические события померкнут на фоне любого, даже самого банального жизненного отправления Пророка и Титана.

Ну как тут не вспомнить Фому Опискина, про которого говорили: «Такого самолюбия человек, что уж сам в себе поместиться не может»¹⁸...

---

18. Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 3. Л.: Наука, 1972. С. 28.

РОЖДЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Трудная биография для писателя – первое дело. О чем может поведать человек, не захвативший полным черпаком нужды и горя, не нюхнувший пороха, не переживший личностного перерождения?

В том, что Солженицын – человек бывалый и много повидавший, сомневаться не приходится. Однако надо учесть, что для тех лет его биография не была чем-то из ряда вон выходящим. Вот как описывала в июне 1968 года его жизненный путь «Литературная газета» перед тем, как обвинить его в антисоветизме: «А. Солженицын – человек многоопытный, получивший высшее физико-математическое образование, работавший преподавателем. Последние годы Великой Отечественной войны Солженицын провел на фронтах в качестве командира зенитной батареи¹⁹, имеет награды. Незадолго до окончания войны он был осужден по обвинению в антисоветской деятель-

---

19. Это не так, но об этом позже.

ности и отбывал наказание в лагерях. В 1957 году реабилитирован»²⁰.

Участие в войне, лагеря – через это прошли в то нелегкое время миллионы людей. Да и высшее образование уже не считалось уделом лишь привилегированного сословья.

О статье в «Литературке» мы расскажем чуть позже – она станет важной вехой на жизненном пути Солженицына, заставив узнать о нем самые широкие круги советской общественности. Поклонники уже опального к тому времени писателя начнут целую кампанию против «травли» их кумира. Парадоксальным образом прицепятся даже к эпитету «многоопытный». Вот как напишет главному редактору «Литературной газеты» Александру Чаковскому взволнованный кибернетик Валентин Турчин:

«Приводя биографические сведения о Солженицыне, Вы называете его человеком “многоопытным”. Вы, очевидно, не можете не знать, что выражение “многоопытный” применяется только по отношению к жуликам. Какое право имеете Вы говорить так о солдате, защищавшем Родину от фашистов, о гражданине, незаслуженно пострадавшем от сталинского произвола, о писателе, каждая строчка которого свидетельствует о его искренности, о его любви к людям?»²¹

---

20. Идеиная борьба. Ответственность писателя (Редакционная статья «Литературной газеты») // Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962-1974 / Сост. В. Глоцер, Е. Чуковская. М.: Русский путь, 1998. С. 348.

21. Письмо физика В.Ф. Турчина А. Чаковскому, редактору «Литературной газеты», 28.6.68 // Дело Солженицына. Т. 1. Париж: Editions de la Seine. 1970. С. 131.

Миф о героическом военном прошлом Солженицына, «незаслуженных» преследованиях и уже тем более его человеколюбии («великий гуманист!») жив и в наши дни – несмотря даже на вал разоблачившей его литературы.

Свой предлагерный опыт Солженицын описывает как череду ошибок и оступок. Непростыми, по уверениям будущего писателя, были уже его детские годы.

Солженицын утверждает, что помнит себя примерно с трех-четырёх лет, т.е. с 1921-1923 годов: «Первое, действительно первое воспоминание в моей жизни, какое только есть: меня взрослые подняли на руки в церкви, во время службы, чтобы я видел, как через церковь, полную людей, проходят несколько чекистов, вот в таких остроконечных шапках, конечно не снимая их, как в церкви полагается, с топотом идут в алтарь и начинают отнимать там священные предметы. Это мое первое воспоминание, я с ним начал жизнь»²².

«Эпизод явно символический, – пишет Александр Островский, – Из него явствует, что будущий пророк и праведник начал осознавать себя человеком не где-нибудь, а в божьем храме! И мир, который впервые запечатлелся в его памяти, он увидел, вознесенный, как ангел, матерью над толпой.

Этот мир сразу же предстал перед ним разделенным на своих и чужих, на людей, имеющих идеалы, тянущихся к богу, и грабителей-безбожников, облеченных земной властью, посягающих на церковные реликвии.

---

22. Солженицын А.И. Пресс-конференция в Лондоне, 11 мая 1983 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. С. 107.

Что здесь правда, что вымысел, известно только Александру Исаевичу. Но бесспорно: вспоминная или же придумывая этот эпизод, он стремился подчеркнуть, что с самого начала своей жизни был среди верующих и с самого начала стал свидетелем торжества грубой силы, которая не могла не вызвать в его детской душе удивление, возмущение и осуждение»²³.

Свое детство будущий нобелиат представляет бедным и чуть ли не полуголодным. Широко известна переданная Станиславом Говорухиным в его фильме «Александр Солженицын» история о том, как залив однажды свои штанишки чернилами, мальчик так и проходил в них пять лет – то ли с первого класса по шестой, то ли с пятого по десятый.

«И вот вам уже готова “Легенда о сиротских штанах Великого Отшельника”, – пишет Владимир Бушин. – И разве не диво, что творцы легенды не задались при этом простейшим вопросом: можно ли на попку шестиклассника натянуть штаны с попки первоклассника, тем более – на семнадцатилетний зад с попки пятиклассника?»²⁴

Противоречит «Легенда о штанах» и воспоминаниям самого Солженицына, согласно которым он имел в детстве велосипед – вещь, по тем временам, цены немалой, и постоянно путешествовал по Военно-Грузинской дороге, по Крыму, по Украине. То есть, мог себе позволить больше, чем его сверстники. В Ростове-на-Дону, куда семья Солженицыных переехала в 1924 году из родного Кисловод-

23. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 13.

24. Бушин В.С. Честь и бесчестие нации. М.: Республика, 1999. С. 99.

**Дом в курортном Кисловодске,
в котором в 1918 г. родился Солженицын,
принадлежал его тетке, Ирине Ивановне Щербак**

**«Роллс-ройс» дяди Солженицына Романа Щербака
(в 1910 г. таких машин на всю Россию было всего девять).
На заднем сиденье его жена Ирина и сестра Таисия –
будущая мать Солженицына**

ска, его мать работала стенографисткой, и работы у нее хватало. Да и много ли надо на семью из двух человек?

Рожденный в первый послереволюционный год, выросший в религиозной семье, Солженицын сетует на вынужденную расколотость его сознания. С одной стороны – правда Октября, пионерские костры, с другой стороны – истина Евангелия. И то, и другое было для него равноценным, равно-великим.

Жарко-костровый, бледно-лампадный

Рос я запутанный, трудный, двуправдый»,

– напишет Солженицын в автобиографической поэме «Дороженька»²⁵.

В школе активный мальчик был бригадиром, старостой класса, редактором стенгазеты. Вместе со всеми он был принят в пионеры, вместе со всеми вступил в комсомол. Примерно в девять лет у него появилось стремление к литературному творчеству, он начал сочинять стихи²⁶. По свидетельству его супруги Натальи Решетовской, они сохранились и сданы в архив с пометкой «Не для печати»²⁷.

Стихи эти были «очень плохие и очень подражательные»²⁸, но их автор уже в ту пору имел большие амбиции. Его одноклассник Виткевич отметит не без ехидства: «Уже в младших классах

25. Солженицын А.И. Дороженька // Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 18. Раннее. М.: Время, 2016. С. 39.

26. Солженицын А.И. Интервью с Даниэлем Рондо для парижской газеты «Либерасьон». Кавендиш, 1 ноября 1983 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. Ярославль, 1997. С. 195-196.

27. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 16.

28. Решетовская Н.А. В споре со временем. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1975. С. 6

он готовился стать будущим великим писателем. Я помню ученические тетрадки с надписями “Полное собрание сочинений. Том I. Часть 1-я”»²⁹.

Юный Солженицын свято верил в идеалы революции, старательно учился и во всем хотел быть первым. Еще один его одноклассник Кирилл Симонян вспоминал: «Саня в детстве был очень впечатлителен и тяжело переживал, когда кто-нибудь получал на уроке оценку выше, чем он сам. Если Санин ответ не тянул на “пятерку”, мальчик менялся в лице, становился белым, как мел, и мог упасть в обморок. Поэтому педагоги говорили поспешно: “Садись. Я тебя спрошу в другой раз”. И отметку не ставили. Такая болезненная реакция Сани на малейший раздражитель удерживала и нас, его друзей, от какой бы то ни было критики в его адрес»³⁰.

Неподсудный Солженицын, впрочем, сам требовал от своих товарищей неукоснительной дисциплины. Тот же Симонян потом рассказывал: «Он, будучи старостой класса, с каким-то особым удовольствием записывал именно нас: меня и Лиду [Ежерец] – самых близких друзей в дисциплинарную тетрадь, – мы молчали. Бог с ним»³¹.

В старших классах Солженицын решит стать актером, станет активным участником драмкружка и даже попробует поступить в студию Завадского, но провалится (голос оказался слабым, несценическим)³².

---

29. Виткевич Н. «Меня предал Солженицын...» // В круге последнем. С. 139.

30. Цит. по: Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 5.

31. Цит. по: Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 5.

32. Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 6

Свое актерское дарование он потом будет при-
менять всю жизнь в другой области. А жаль, не раз-
глядели парня, может, и история человечества по-
шла бы иначе – Гитлеру вон тоже зарубили в юно-
сти карьеру художника...

После школы Солженицын поступил на
механико-математический факультет Ростовского
университета. Отучившись три курса, в 1939 году
вместе с Николаем Виткевичем и Кириллом Симо-
няном он поступает также на заочное отделение в
элитный Московский институт истории, филосо-
фии и литературы (МИФЛИ). Вскоре Солженицын
женится на однокурснице Решетовской и удосто-
ился сталинской стипендии за примерную учебу и
активную комсомольскую работу.

Именно в то время, в период 1936-1938 годов, в
Москве проходили печально знаменитые открытые
процессы над «троцкистами-правоуклонистами». Одновременно по всей стране проводились собра-
ния рабочих и студентов, в едином порыве клей-
мивших «врагов трудового народа». Участвовал
в них и Солженицын, ведя себя, по свидетельству
его однокурсника Эмиля Мазина, как «верный
ленинец»³³. Справедливость обвинений и право-
мерность репрессий, похоже, не особо волновали
получавшего сталинские денежки мальчика. Если
он этого не знал, тогда что же это за огромные ре-
прессии? Или он, как все, считал, что все нормаль-
но, и сажают тех, кого следует?

В общем, маменькин сынок и карьерист был
пока всем доволен и к режиму претензий не имел.

---

33. Афанасьева Е. Личное дело студента Солженицына // Москов-
ский комсомолец. 1991. 5 марта.

22 июня 1941 года Солженицын встретил в столице, куда он приехал сдавать сессию. И вот он в Сокольническом военкомате – с вопросом, может ли он, иногородний студент-заочник, мобилизоваться в Москве? «Оказалось – никак нельзя, – напишет Солженицын в автобиографической повести “Люби революцию”. – Значит: скорей домой! – для того, чтоб оттуда скорей же в армию! Московские тротуары горели у него под ногами»³⁴.

Официальная агиография сообщает, что, прибыв в трехдневный срок в Ростов, Александр Исаевич «осаждал свой военкомат, требуя немедленной отправки на передовую. Но – *таких* призывников не брали»³⁵. Почему же? И каких *таких*? Таких – это «ограниченно годных в военное время» по здоровью. Много позже Солженицын будет махать этой формулировкой перед носом злопыхателей, мол, в военкомат я ходил, но там «велели ждать»³⁶.

«Свежо предание, да верится с трудом, – сомневается писатель-фронтовик Григорий Бакланов. – Хватило здоровья лагеря одолеть, до восьмидесяти пяти лет дожить и только идти на войну, где могут убить, здоровья не хватало»³⁷.

Справку об ограниченной годности к строевой службе, по свидетельству Решетовской, Саня выхлопотал перед самой войной – он «боялся,

---

34. Солженицын А.И. Люби революцию // Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 18. Раннее. М.: Время, 2016. С. 260.

35. Сараскина Л.И. Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 175.

36. Солженицын А.И. Потёмщики света не ищут // Комсомольская правда. 2003. 23 окт.

37. Бакланов Г. Кумир. Избранные части из новой книги // Сетевой журнал «Заметки по еврейской истории». 2004. №42 / URL: <http://berkovich-zametki.com/Nomer42/Baklanov1.htm>

что ... военная служба повредит осуществлению планов»³⁸. Выправить ее помог отец Лиды Ежерец Александр Михайлович. Он же, кстати, заступился за своего юного тезку, когда того забрали в первые годы войны у хлебной очереди – по указу «о сеятелях паники и распространителях слухов». Через четыре года Солженицын ответит на это щедрой благодарностью, написав на свою одноклассницу донос.

А пока выпускник университета устраивается учителем математики в школе небольшого городка Морозовск Ростовской области, и только в середине октября, наконец, получает повестку и попадает... в грузовой конный обоз – и это в условиях острого дефицита офицерских кадров!

Пять месяцев Солженицын служит в Приволжском военном округе подсобным рабочим на конюшне обозно-гужевого батальона. Потом, в марте 1942 года, он получает направление в Костромское артиллерийское училище, где на протяжении семи месяцев отрабатывает «тигриную офицерскую походку и металлический голос команд»³⁹. «Постоянно в училище мы ... высматривали, где бы тяпнуть лишний кусок, – вспоминает Солженицын о том времени, – ревниво друг за другом следили – кто словчил. Больше всего боялись не доучиться до кубиков (слали недоучившихся под Сталинград)»⁴⁰.

Не особо, как мы видим, хотелось будущему писателю под Сталинград...

---

38. Афанасьева Е. Наталья Решетовская – память полувека // Комсомолец. Ростов-на-Дону. 1990. 9 октября.

39. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг // Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 5. М.: ИНКОМ НВ, 1991. С. 120.

40. Там же.

1 ноября 1942 года курсанту-артиллеристу «навинчивают кубики» – присваивают звание лейтенанта – и через несколько дней зачисляются в 9-й Запасной разведывательный артиллерийский полк, расквартированный далеко за линией фронта – в Саранске.

В феврале 1943 года Солженицын попадает на фронт. В своем «Письме к съезду писателей» он будет уверять, что **всю войну** провоявал командиром батареи⁴¹. Мы видим, однако, что «зацепил» он лишь от силы два последних года, когда Красная армия уже перешла в решительное наступление по всем фронтам, и ее победа стала вопросом только времени. Причем, воявал он никаким не «зенитчиком», и не собственно даже артиллеристом, никаких пушек он не заряжал и по врагу не стрелял. В звуковой батарее радиоразведки и пушек не было – только приборы, позволяющей слушать звуки боя и определять, где что стреляет, летит или едет. От противника такие части находились даже дальше, чем артиллерия обычная.

Позднее Солженицын будет стыдиться в одной из своих статей поэта Давида Самойлова, фронтового пулеметчика, что тот недолго пробыл в пехоте, а после ранения получил назначение при штабе. А ведь сам-то Александр Исаевич служил там, куда и пули не долетали, и ни разу ранен не был.

Это и не удивительно, ведь, в отличие от всех других родов войск, звуковой разведке предписывается отступать при малейшем колебании фронта – нельзя рисковать чрезвычайно дорогой техни-

---

41. Солженицын А. Письмо IV съезду писателей СССР // Слово пробивает себе дорогу. С. 215.

кой! Так что опасность ранения была сведена здесь до фронтового минимума.

Время от времени Солженицын ездит в отпуск в Ростов, а в мае 1944 года даже вызывает к себе на фронт жену – погостить. На батарее мужа Наталья Алексеевна пробыла около месяца, впоследствии она вспоминала: «В свободное время мы с Саней гуляли, разговаривали, читали. Муж научил меня стрелять из пистолета. Я стала переписывать Санины вещи»⁴².

**На «передовой» у Солженицына –
тишь да божья благодать!..**

---

42. Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 41.

Надо понимать, что вызывать жену из Ростова на фронт не просто, это полстраны надо проехать и фальшивые документы выправить – скорее всего, у Солженицына сложились самые теплые отношения с командирами.

А вот подчиненных Солженицын любил помучить, поиздеваться над ними любил. О чем не постеснялся признаться в «Архипелаге»:

«Я метал подчиненным беспорные приказы, убежденный, что лучше тех приказов и быть не может. Даже на фронте, где всех нас, кажется, равняла смерть, моя власть возвышала меня. Сидя, я выслушивал их, стоящих по “смирно”. Обрывал, указывал. Отцов и дедов называл на “ты” (они меня на “вы”, конечно). Посылал их под снарядами сращивать разорванные провода, чтобы только шла звуковая разведка и не попрекало начальство (Андреяшин так погиб). Ел свое офицерское масло с печеньем, не раздумываясь, почему оно мне положено, а солдату нет. Уж, конечно, был у нас на двоих денщик (а по-благородному “ординарец”), которого я так и сяк озабочивал и понукал следить за моей персоной и готовить нам всю еду отдельно от солдатской... Заставлял солдат горбить, копать мне особые землянки на каждом новом месте и накатывать туда бревешки потолще, чтобы было мне удобно и безопасно. Да ведь позвольте, да ведь и гауптвахта в моей батарее бывала, да! ... Еще вспоминаю: сшили мне планшетку из немецкой кожи (не человеческой, нет, из шоферского сидения), а ремешка не было. Я тужил. Вдруг на каком-то партизанском комиссаре (из местного райкома) увидели такой как раз ремешок – и сняли: мы же ар-

мия, мы – старше! ... Вот что с человеком делают погоны»⁴³.

Вот так! Погоны у него, видите ли, виноваты!..

У Солженицына много досуга, и он проводит его с пользой. Учится курить, экспериментирует с алкоголем («Представь себе, веселит, хоть и 100 грамм всего. Я их – кувырк!..»⁴⁴ Много читает – «Жизнь Матвея Кожемякина» Горького, книгу об академике Павлове, следит даже за журнальными новинками – прочитал, например, в «Новом мире» пьесу «Глубокая разведка» Александра Крона⁴⁵. Не оставляет Саня и своих литературных упражнений – сочиняет рассказы и шлет их ворохами в Москву на суд известным писателям – Федину, Лавренёву, Тимофееву. Побывавший у него на батарее Николай Виткевич писал 9 июля 1943 года Решетовской: «Саня сильно поправился. Все пишет всякие турусы на колесах и рассылает на рецензии»⁴⁶. Московские писатели отмалчиваются, либо же отвечают сугубо дипломатически.

А еще Солженицын ведет активную переписку с друзьями и знакомым. На это он не жалел времени ни в обозе, ни в училище, ни на батарее. Но вот что удивительно: тон его переписки загадочным образом меняется с тех пор, как он попадает на фронт.

Поначалу, как и все советские люди, Солженицын радуется успехам Красной армии, восхищается мудростью вождя, верит в победу. Вот, например, строки из письма жене, написанного

---

43. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 121.

44. Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 29.

45. Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 31, 41, 45.

46. Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 30.

в ноябре 1942 года из костромского училища, находившегося за сотни километров от фронта:

«Летне-осенняя кампания заканчивалась. С какими же результатами? ... Их подведет на днях в своей речи Сталин. Но уже можно сказать: сильна русская стойкость! Два лета толкал эту глыбу Гитлер руками всей Европы. Не столкнул! Не столкнет и еще два лета!»⁴⁷.

И это в ноябре 1942 года, когда враг стоял в двухстах километрах от Москвы, добрался до Кавказа и рвался за Волгу в Сталинграде!

Однако после коренного перелома в ходе войны, когда успехи советской армии становились все весомее, а победа – все ближе, тон солженицынских корреспонденций менялся на желчный и злобный. В первую очередь, это касалось переписки с Николаем «Кокой» Виткевичем, с которым Саня встретился на фронте.

Образцовый офицер, любимец командиров, Солженицын обсуждает с товарищем недостатки командования, оснащения армии. Амикошонствует и по-плебейски хамит, называя Сталина «Паханом», а Ленина – «Вовкой». Размышляет, кто первопричина Зла – Вовка, породивший преступный ленинизм, или Пахан, предавший его идеалы? Планирует, что будет делать после войны – как будет государство перелицовывать? Понятно, один он ничего не сможет – нужна организация. А не вступит ли в нее его добрый друг и единомышленник Кока Виткевич?

Как уверял впоследствии Виткевич, переписка с Солженицыным не была равноценной и двусторонней. То же утверждали и другие адресаты дважды

---

47. Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 25.

орденоносца, коих насчитывалось с полдюжины. В их числе был Кирилл Симонян и его жена Лидия Ежерец. На рубеже 1943-1944 годов они получили от Солженицына письмо с резкой критикой в адрес Сталина. «Мы ответили ему письмом, – уверял Симонян, – в котором выразили несогласие с его взглядами, и на этом дело кончилось»⁴⁸.

Такого же характера ответ послал и случайный знакомый, морской офицер Леонид Власов.

«Итак, человек написал и послал не одно письмишко с какой-то эмоциональной антисталинской репликой, а много писем по разным адресам, и в них – целая политическая концепция, в соответствии с которой он поносил не только Сталина, но и Ленина, – пишет Владимир Бушин. – Спрашивается, что оставалось делать сперва работникам военной цензуры, прочитавшим кучу “крамольных писем” Солженицына? ... Где, когда существовала государственно-политическая система, которая на составителей подобных “документов” взирала бы равнодушно? Все это усугублялось еще и тем, что Сталин являлся Верховным Главнокомандующим армии, а его критик Солженицын – армейским офицером, рассылавшим сверстникам и сверстницам на фронте и в тылу письма, направленные на подрыв авторитета Верховного Главнокомандования. В любой армии, в любой стране подобные действия офицера в военное время, на фронте будут расценены не иначе как военное и государственное преступление в пользу врага. Тем более, если враг еще находится на родной терзаемой земле»⁴⁹.

---

48. Цит. по: Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. С. 80.

49. Бушин В.С. Александр Солженицын: Гений первого плевка. С. 107-108.

Свое дальнейшее «впадение в тюрьму» Солженицын объяснит потом мальчишеством и наивностью⁵⁰. Но неужели боевой офицер-разведчик не знал, все письма с фронта проходят обязательную перлюстрацию? А если знал, то соображал, верно, что самим фактом написания и отправки подобных писем он подвергал риску не только себя (что, в общем-то, для борца с Системой является нормальным), но и адресатов своих писем.

Так что тут вырисовывается только два варианта объяснения – либо Солженицын был клинический дурак, либо хотел, чтобы его списали в теплый тыл. Неважно, в каком статусе – либо признав невменяемым, либо в качестве преступника. Хоть тушкой, хоть чучелом – лишь бы подальше от мест, где могут убить.

Именно к этому мнению пришел, в частности, Кирилл Симонян, уверенный, что все объясняется трусостью его давнего приятеля:

«Когда Солженицын впервые понял, что может умереть, он начал испытывать панический страх. Даже на войне чувство значимости собственной личности, которое он культивировал в себе с детства, не позволило ему предоставить свою судьбу воле случая. Он ясно видел, как, впрочем, и каждый из нас, что в условиях, когда победа уже предрешена, предстоит еще через многое пройти и не исключена возможность гибели у самой цели. Единственной возможностью спасения было попасть в тыл. Но как? Стать самострелом? Расстреляют как дезертира. **Стать моральным самострелом** было в этом случае для Солженицына наилучшим выхо-

---

50. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 101.

дом из положения. А отсюда и этот поток писем, глупая политическая болтовня»⁵¹.

Арестовали Солженицына 9 февраля 1945 года, ровно за три месяца до Победы. Его подразделение располагалось на тот момент в Восточной Пруссии, на берегу Балтийского моря.

За собой Солженицын потянул всю «преступную группу» – одноклассников Виткевича, Симоняна, Ежерец, случайного попутчика Власова и... собственную жену Наталью Решетовскую, дав на них показания на следствии.

Виткевич будет осужден фронтовым трибуналом и приговорен к «десятке» по статье 58 пункт 10 (антисоветская агитация). Солженицына будут судить в Москве и после недолгого следствия 7 июля вынесут приговор по двум статьям: 58 пункт 10 (антисоветская агитация) и 58 пункт 11 (создание антисоветской организации) – восемь лет исправительно-трудовых лагерей, на два года меньше, чем Виткевичу.

«Меня не покидало ощущение, что я наказан неоправданно строго, – вспоминал много позднее Виткевич, – но тогда я объяснял это фронтовым характером трибунала, суровостью военного времени. Ничего плохого о роли в этом Солженицына и думать не мог.

День, когда уже на свободе я увидел протоколы допроса Солженицына, был самым ужасным в моей жизни. Из них я узнал о себе то, что мне и во сне не снилось, что я с 1940 года систематически вел антисоветскую агитацию, что я вместе с Солженицыным пытался создать нелегальную организа-

---

51. Цит. по: Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. С. 82.

цию, разрабатывал планы насильственного изменения политики партии и государства... В первый момент я подумал, что это опять какой то "прием". Но не только подпись была мне хорошо знакома, не оставлял сомнений и почерк, которым Солженицын собственноручно вносил дополнения и исправления в протоколы, каждый раз при этом расписываясь на полях.

Ужас мой возрос, когда я увидел в протоколе фамилии наших друзей, которые тоже назывались лицами с антисоветскими настроениями и потенциальными членами организации, – Кирилла Симоняна, его жены Лиды Ежерец (по мужу Симонян) и даже жены Александра – Натальи Алексеевны Решетовской.

На допросах всех их Солженицын характеризовал как матерых антисоветчиков, занимающихся этой деятельностью еще со студенческих лет. Более того – этот момент непроизвольно врезался мне в память – Солженицын сообщил следователю, что вербовал в свою организацию случайного попутчика в поезде, моряка по фамилии Власов и тот, мол, не только не отказался, но даже назвал фамилию своего приятеля, имеющего антисоветские настроения.

Для чего говорилось все это? Если мы с Солженицыным действительно болтали о политике, то при чем тут Симонян, Лида, Наташа! Для чего он рассказывал о совсем уж случайном знакомстве в поезде? Ответ на это до некоторой степени давал конец протокола первого допроса. Следователь упрекнул Солженицына, что тот не искренен и не хочет рассказывать все. Александр ответил, что хо-

чет рассказать все, ничего не утаивает, но, возможно, кое-что забыл. И к следующему разу он постарается вспомнить.

И он вспомнил... Да, ведь тогда, в 1945 году, мне тоже советовали вспомнить “всё”, рекомендовали брать пример с Солженицына. Но что я мог вспомнить?! А Александр “вспомнил” и заслужил более мягкое отношение следствия и суда. Как иногда полезна хорошая память!»⁵²

Потом Солженицын еще будет удивляться, что друзья отнесутся к его предательству, скажем так, с недоумением. Обращаясь к Симоняну, он, в частности, напишет: «Когда в 1956 я вернулся после лагеря, после ссылки, после рака – и от Лиды [Ежерец] узнал, что ты на меня в претензии: как это так, утопая, я обрызгал тебя на берегу»⁵³.

Обрызгал... Это в том смысле, что пускай он, Солженицын, оказался стукачом и иудой, но ведь он и отсидел, а оговоренный им Симонян отделался легкой нервотрепкой. Ну, так, позвольте, Симонян не виноват в том, что оказался невиновным, сорри за нелепый каламбур.

Из всей несостоявшейся «антисоветской организации» помимо Солженицына реально пострадал лишь Виткевич. Остальные... не были даже допрошены.

Комментируя этот факт, Наталья Решетовская отмечает, что это как-то «не согласуется с “теорией” Солженицына, что достаточно было назвать имя человека с добавлением в его адрес любого, самого абсурдного обвинения, и тот оказывался в ла-

---

52. Виткевич Н. «Меня предал Солженицын...» С. 140-141.

53. Солженицын А.И. Сквозь чад. С. 50.

гере». И продолжает: «Но, надеюсь, он не жалеет, что ошибся в безупречности своей теории и что мы остались на свободе»⁵⁴.

Наталья Алексеевна была слишком хорошего мнения о своем муже, чуть не засадившем ее в тюрьму. Солженицын искренне жалел, что его друзей минула его нелегкая участь. Так, в конце 1960-х, обращаясь в «Архипелаге» к Кириллу Симоняну, уже известному хирургу, профессору медицины, Солженицын досадовал: «Ах, **жаль, что тебя тогда не посадили!**»⁵⁵. Видите ли, тот посмел бросить ему, великому писателю, упрек в односторонней оценке жизни.

Симоняна, к слову, Солженицын пытался посадить не единожды – сам Кирилл Семенович узнал об этом уже в 1952 году, когда его вызвали в КГБ. Следователь положил перед ним объемистую тетрадь в 52 страницы; профессор сразу узнал неподражаемый мелкий почерк своего школьного друга.

«Я начал читать и почувствовал, как у меня на голове зашевелились волосы», - рассказывал впоследствии Симонян в интервью чешскому журналисту Томашу Ржезачу. – Силы небесные! На этих пятидесяти двух страницах описывалась история моей семьи, нашей дружбы в школе и позднее. При этом на каждой странице доказывалась, что с детства я якобы был настроен антисоветски, духовно и политически разлагал своих друзей и особенно его, Саню Солженицына, подстрекал к антисоветской деятельности»⁵⁶.

---

54. Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 72.

55. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 102.

56. Цит. по: Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. С. 93.

Самое подлое было то, что формально Солженицын ничего не придумал, но все факты он преподнес совершенно иезуитски, где надо – преувеличив до крайности, где надо – приписав им совершенно иной смысл или поменяв причину и следствие. Этот метод он еще не раз использует как в литературном, так и в всяком прочем творчестве.

Перед уходом, написав объяснение, Симонян обратился к следователю:

«– Скажите, зачем Солженицын сделал это перед самым окончанием срока заключения?

– Интересно, а как вы сами это объясняете? – ответил мне следователь вопросом на вопрос.

Я врач, поэтому для меня было легче найти объяснение. И я истолковал этот случай как следствие транса.

– Транса? – с насмешкой переспросил следователь. – Скажите мне, доктор, как может транс сочетаться с холодным расчетом? Да он просто **дрянь-человек**»⁵⁷.

Это реноме Солженицын оправдывает еще не раз...

Солженицын с Виткевичем некоторое время будут отбывать наказание вместе – в марфинской шарашке. Писатель потом выведет своего друга в романе «В круге первом» в образе раскаявшегося стукача Руськи Доронина. Когда Виткевич об этом узнает, их пути разойдутся уже навсегда...

---

57. Цит. по: Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. С. 94.

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВЕТРОВА

Сама по себе аббревиатура «ГУЛАГ» не несет в себе устрашающего смысла, расшифровываясь как Главное управление лагерей и мест заключения. В каждой стране, где действует пенитенциарная система, есть и государственный орган, в ведении которого находится исполнение наказаний в соответствии с законодательством, управление исправительными учреждениями и т.д. В современной России это – Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН). В СССР 1930-1960 гг. это был ГУЛАГ.

Стараниями Солженицына слово «Гулаг» стало синонимом страшного государственного механизма, перемалывающего в своих жерновах миллионы ни в чем неповинных людей, высасывающего из них без остатка все жизненные силы. И казалось бы, кому, как не Александру Исаевичу выносить такие суждения, ведь в местах лишения свободы он провел долгих восемь лет своей жизни, и наверняка уж горя и лишений хлебнул полной ложкой?

Однако именно его тюремная история и может служить доказательством старого тезиса, что и в тюрьме все несчастливы по-разному.

Первой вехой на лагерном пути Солженицына стал Ново-Иерусалимский лагерь, куда новоиспеченный «каторжанин» был направлен в августе 1945 года. В этом учреждении, обслуживавшем кирпичный завод, Солженицын сразу занял командирскую должность – его назначили сменным мастером глиняного карьера, что позволяло ему не сильно перетруждаться. Под его началом работало примерно человек двадцать, и, раздав им задания, он «тихо отходил и прятался от своих подчиненных ... за высокие кручи отваленного грунта, садился на землю и **замирал**»⁵⁸. Не иначе, наслаждался видами природы. «Зона Нового Иерусалима ... премиленькая, – пишет он в “Архипелаге”, – она окружена не сплошным забором, а только переплетенной колючей проволокой, и во все стороны видна холмистая, живая, деревенская и дачная, звенигородская земля»⁵⁹.

В «премиленькой» подмосковной зоне наш герой провел около месяца, после чего его перевели в лагерь №121, который находился в Москве на Калужской заставе⁶⁰. Его заключенные занимались строительством жилых домов в этом престижном районе, в одном из них позднее будет жить певец Андрей Макаревич (д. 37). В новом лагере на Большой Калужской Солженицын стал завпроизводством, а потом помощником нормировщика.

---

58. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг // Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 6. М.: ИНКОМ НВ, 1991. С. 118.

59. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 112.

60. Сейчас это почти центр – Ленинский проспект, д. 30, площадь Гагарина, рядом – Нескучный сад.

«Нормированию я не учился, – признается Солженицын, – а только умножал и делил в свое удовольствие. У меня бывал и повод пойти бродить по строительству, и время посидеть»⁶¹.

Сидел он на самой верхотуре своей стройки, откуда открывался чудесный вид на Москву:

«С одной стороны были Воробьевы горы, еще чистые. Только-только намечался, еще не было его, будущий Ленинский проспект. В нетронутой первозданности видна была Канатчикова дача. По другую сторону – купола Новодевичьего, туша Академии Фрунзе, а далеко впереди за кипящими улицами, в сиреновой дымке – Кремль...»⁶²

Чем больше Солженицын любовался на Москву, тем больше он ее ненавидел: «Все зло, державшее нас, было сплетено здесь. Кичливый город, никогда еще так, как после этой войны, не оправдывал он пословицы: *Москва слезам не верит!*»⁶³...

В общем, работа попала Солженицыну не слишком пыльная. Но и она казалась мечтательному нормировщику чересчур тяжелой, и он хватался за каждую возможность облегчить себе долю. Однажды в лагерь на Калужской был переведен из Матросской Тишины ансамбль Московского УИТЛК⁶⁴. «Какая удача! – образовался Солженицын. – Вот теперь-то я к ним пробьюсь!» Однако устроиться в «крепостной театр», как он его называл, неудавшемуся актеру оказалось задачей непосильной: «Сколько я ни бился – попасть в тот ансамбль мне не удалось»⁶⁵.

---

61. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 183.

62. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 183.

63. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 183.

64. Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний.

65. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 308-309.

Судьба опять оказалась милостивой к Александру Исаевичу – труппу вскоре перевели с Калужской, а годом позже прошел слух, что грузовик, на котором актеры ехали на очередной концерт, попал под поезд. «Никогда мы сами не знаем, чего хотим, – комментирует Солженицын. – Сколько уже раз в жизни я страстно добивался не нужного мне и отчаивался от неудач, которые **были удачами**»⁶⁶.

Обратили внимание? Не как-нибудь, а **удачей** назвал Солженицын трагическую гибель актеров. Может, просто выразился неудачно писатель-нобелиат? Или же эта оговорка не случайна? Узнаем чуть позже...

В начале зимы 1945 года в жизни Александра Исаевича произошло важное событие – он **стал стукачом**. В «Архипелаге» он уверяет, что сам он не такой – просто опер в процессе вербовки переиграл его с помощью хитрых психологических приемчиков – апеллировал к высоким чувствам, нажимал на слабые места. В общем, уговорил, черт языкастый.

И вот он уже дает согласие сообщать информацию о готовящихся побегах:

«– *Можно. Это – можно*»⁶⁷,

подписывает соответствующий документ и получает оперативную кличку: «Ветров».

«...И я вывожу в конце обязательства – “Ветров”. Эти шесть букв *выкаляются* в моей памяти позорными трещинами. ...

А уполномоченный прячет мое обязательство в сейф – это его выработка за вечернюю смену, и лю-

66. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 310..

67. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 230.

безно поясняет мне: сюда, в кабинет, приходиться не надо, это навлечет подозрение. А надзиратель Сенин – доверенное лицо, и все сообщения (доносы!) передавать незаметно через него.

Так ловят птичек. Начиная с коготка»⁶⁸.

Впоследствии Александр Исаевич будет убеждать своих читателей, что на самом деле сделка с тюремными властями была его «маленьким достижением», ведь обязательство он дал «слишком частное» – всего лишь сообщать о готовящихся побегам. При этом за все это время он так ни на кого и не наступал⁶⁹. Видимо, надеялся он, что документы, которые бы пролили свет на его деятельность на новом поприще, уничтожены при реабилитации. Однако побывавшему в сентябре 1974 года в СССР швейцарскому криминалисту Франку Арнау удалось заполучить оригинал рукописного доноса «Ветрова» с некоторыми ведомственными пометками на полях.

Вот его текст:

«В свое время мне удалось по вашему заданию сблизиться с Иваном Мегелем. Сегодня утром Мегель встретил меня у пошивочной мастерской и полугагадочно сказал: “Ну, все, скоро сбудутся пророчества гимна, кто был ничем, тот станет всем”. Из дальнейшего разговора с Мегелем выяснилось, что 22 января з/к Малкуш, Коверченко и Романович собираются поднять восстание. Для этого они уже сколотили надежную группу, в основном, из своих – бандеровцев, припрятали ножи, металлические трубки и доски. Мегель рассказал, что сподвижники Романовича и Малкуша из 2, 8 и 10 бара-

---

68. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 231.

69. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 231.

ков должны разбиться на 4 группы и начать одновременно. Первая группа будет освобождать «своих». Далее разговор дословно: «Она же займется и стукачами. Всех знаем! Их кум для отвода глаз тоже в штрафник затолкал. Одна группа берет штрафник и карцер, а вторая в это время давит службы и краснопогонников. Вот так-то!» Затем Мегель рассказал, что 3 и 4 группы должны блокировать проходную и ворота и отключить запасной электродвижок в зоне.

Ранее я уже сообщал, что бывший полковник польской армии Кензирский и военлет Тищенко сумели достать географическую карту Казахстана, расписание движения пассажирских самолетов и собирают деньги. Теперь я окончательно убежден в том, что они раньше знали о готовящемся восстании и, по-видимому, хотят использовать его для побега. Это предположение подтверждается и словами Мегеля «а полячишка-то, вроде, умнее всех хочет быть, ну, посмотрим».

Еще раз напоминаю в отношении моей просьбы обезопасить меня от расправы уголовников, которые в последнее время донимают подозрительными расспросами.

20.1.52. Ветров».

На донесении сверху написано: «Сов. секретно. Донесение с/о Ветров от 20/1 -52 г.»

Пометка на полях: «Доложено в Главное управление лагерей МВД СССР. Усилить наряды охраны автоматчиками». Подпись: Стожаров.

Пометка внизу: «Верно: начальник отдела режима и оперработы». Подпись: Стожаров⁷⁰.

---

70. Ветров, он же Солженицын // Военно-исторический журнал. 1990. №12. С. 74-76.

В рабочих материалах к неопубликованной книге о Солженицыне «Без бороды» Арнау отмечает: «Хотя документ и подлинный, фактические события были полностью искажены, что привело к страшным последствиям.

В действительности в лагере не планировалось никакого восстания, небольшая группа заключенных лагеря “Песчаный” (находился вблизи Караганды) намеревалась 22 января 1952 года пойти к руководству лагеря, чтобы просить его перевести некоторых других заключенных, которые сидели в карцере, ... в обычный лагерь. ... В связи с тем, ... что Ветров представил подготовку всего этого как вооруженный заговор “бандеровцев”, ... это привело к тяжелым последствиям»⁷¹.

А именно – по митингующим был открыт огонь на поражение. Сам же «Ветров» после данного инцидента был переведен в лазарет, что и явилось той самой мерой защиты от мести заключенных, которую Солженицын выклянчил у лагерного начальства.

Свою книгу о Солженицыне Арнау окончить не успел – 11 февраля 1976 года он умер от инсульта в больнице города Мюнхена. Некоторые результаты его расследования, в т.ч. факсимиле указанного доноса, были опубликованы во 2-м номере гамбургского журнала «Neue Politik» за 1978 год под заголовком «Советской службе безопасности. Сообщение провокатора Ветрова – он же Александр Солженицын. Из посмертных документов Франка Арнау»⁷².

Вообще, надо заметить, что из лагеря в лагерь Солженицын переходил подозрительно часто,

---

71. Ветров, он же Солженицын. С. 77.

72. Перевод статьи см.: Ветров, он же Солженицын // Военно-исторический журнал. 1990. №12. С. 72-77.

и должности там получал, как правило, исключительно *блатные*.

Сам он, впрочем, склонен был объяснять свое редкостное везение умением правильно себя преподнести. «Архипелаг – это мир без дипломов, мир, где **аттестуются саморассказом**, – пишет он. – Зэку не положено иметь никаких документов, в том числе и об образовании. Приезжая на новый лагпункт, ты изобретаешь: за кого бы себя на этот раз выдать?»⁷³...

Умение *раскидывать чернуху* Солженицын начал оттачивать именно в Калужском лагере, куда в январе 1946 года приехал с учетными карточками Гулага сотрудник «органов». «Важнейшая графа там была “специальность”, – вспоминает Солженицын. – И чтоб цену себе набить, писали зэки самые золотые гулаговские специальности: “парикмахер”, “портной”, “кладовщик”, “пекарь”. А я прищурился и написал: “ядерный физик”. Ядерным физиком я отроду не был, только до войны слушал что-то в университете, названия атомных частиц и параметров знал – и решился написать так»⁷⁴.

Хитрован надеялся на то, что приберут его в какую-нибудь из «шарашек» – так называли в ту пору закрытые конструкторские бюро, где трудились заключенные. А в шарашках и маслом кормят, и люди в целом интеллигентнее – есть, с кем поговорить о счастье народном и прочей метафизике.

Повезло ему, что по указанной им специальности не пришлось поработать ни дня – иначе вскрылся бы обман, и не видать больше Солженицыну «блатных» должностей.

---

73. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 170.

74. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 409.

**Здание «марфинской шарашки»,
она же п/я 37, НИИ автоматики,
ныне – Концерт «Автоматика»**

Однако на Райских островах побывать ему все же удастся – почти четыре года проведет он на них в тепле и сытости. Сначала в Рыбинске, в филиале КБ Туполева (ныне НПО «Сатурн»). Затем – в Загорске. И, наконец, – в Марфинской спецтюрьме в Останкино (НИИ автоматики), описанной в рома-

не «В круге первом». В шарашках он используется по специальности – в качестве математика, работает библиотекарем и даже переводчиком с немецкого, хотя языка совершенно не знает. Много пишет и читает, заказывая книги... из самой Ленинки⁷⁵, перед сном в наушниках слушает по радио музыку, в обеденный перерыв валяется во дворе на травке или спит в общежитии, а в выходные дни (их набиралось до 60), часа три-четыре играет в волейбол.

Кормили в спецтюрьме вкусно и сытно. По воспоминаниям товарища Солженицына по шарашке Льва Копелева, на завтрак можно было покушать вкусной пшенной каши и получить добавки; обед состоял из трех блюд: мясной суп, густая каша с мясом и кисель; на ужин – запеканка. Хлеба выдавали по 500 граммов в сутки⁷⁶.

Вечера зеки коротали «над стаканом дымящегося шоколада» («дымящийся шоколад» фигурировал в ранних изданиях «Круга». Позднее по совету своей жены Натальи Дмитриевны Солженицын заменил шоколад на какао⁷⁷, чтобы не выглядел быт советских заключенных совсем уж вольготным, а то уж прямо ни дать, ни взять – Версаль какой-то).

В общем, «бациллы» хватало.

И вдруг 19 мая 1950 года лафа закончилась. Солженицын был этапирован в Бутырскую тюрьму, откуда в августе был направлен в Степлаг – особый лагерь в Экибастузе. Чем же объяснялась столь внезапная перемена участи?

---

75. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 296.

76. Копелев Л. Утоли мои печали. Харьков: Права людини, 2011. С. 15, 81.

77. Солженицын А.И. В круге первом // Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 1. М.: ИНКОМ НВ, 1991. С. 198.

В «Архипелаге» Солженицын предложил героической версии своего расставания с шарашкой: «Я вдруг потерял вкус держаться за эти блага. Я уже нащупывал новый смысл тюремной жизни... Казенную работу нагло перестал тянуть. Дороже тамошнего сливочного масла и сахара мне стало – распрямиться»⁷⁸.

«Оказывается, в лагерях не нужно было “тянуть” “казенную работу” и можно было “распрямиться”, – искренне удивляясь, комментирует данную версию Александр Островский. – Правда, это видел и понимал только А.И. Солженицын. Остальные заключенные, которым был доступен только старый “смысл тюремной жизни”, называли лагерь “каторгой”, а “шарашки” – “райскими островами”. Непонятно лишь, зачем открывший “новый смысл тюремной жизни” Александр Исаевич написал свой “Архипелаг”?»⁷⁹

Другая версия транслируется писателем в «Круге первом». Согласно ей, Солженицыну-Нержину было предложено перейти из акустической лаборатории в математическую группу, он отказался, и за это вообще был выперт с шарашки.

Это объяснение тоже вызывает сомнения. Вряд ли Солженицын был такой дурак, что стал бы рисковать своим теплым местом по такому поводу. Хотя... Кто знает?

Уже в эмиграции Солженицын предложил третью версию: «Я в артикуляционной группе лепил безжалостные приговоры престижным секретным телефонным системам и за то загремел в лагерь»⁸⁰.

78. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 28.

79. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 75.

80. Солженицын А.И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2001. № 4. С. 100.

На первый взгляд, эта версия кажется наиболее предпочтительной – правдоруб занимается любимым делом. Но в том-то и соль, что в случаях, когда появлялся риск лишиться комфорта, Совесть Нации предпочитал промолчать и *затихариться*. Об этом мы еще расскажем ниже.

В общем, так или иначе з/к Солженицын попадает в далекий Экибастуз и получает новое имя – Щ-232. Здесь он и пробыл весь свой оставшийся срок.

Солженицын надевает *лагерный клифт* – казенный ватник – и *мантулит* сначала на общих работах, а потом – шесть месяцев – каменщиком. И вроде даже литейщиком – хотя в профессиональной терминологии так и не разобрался, объяснял в «Архипелаге», что тачечные колеса отливают на зонах из самодельных вагранок⁸¹. «Чушь! – возмущается Бушин. – Вагранка существует для плавки металла, никакие отливки в ней немыслимы. Этого нельзя не узнать, проработав литейщиком хоть два дня»⁸².

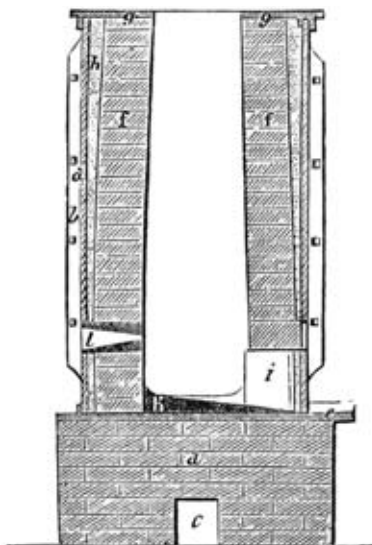
Потом Щ-232 перевели на «*придурочью*» должность, он стал нормировщиком в автомастерских, в бригаде Дмитрия Панина (также переведенного с марфинской шарашки) – ходи себе с папочкой нормативных документов, проверяй, считай да записывай. А когда весной 1951 года Панин пошел на повышение в инженеры, Солженицын занимает его место и становится бригадиром. «С бригадирской должностью, – пишет Решетовская, – Саня справляется, она кажется ему **необременительной**. Чувствует себя здоровым и бодрым»⁸³.

---

81. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 62.

82. Бушин В.С. Александр Солженицын: Гений первого плевка. С. 275.

83. Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 121.

Пресловутая вагранка

А с чего бы ему унывать? Весь свой срок Саня хорошо питался и понапрасну себя не утруждал. Жена и ее сердобольные родственницы слали и лично привозили ему посылки, да такие, что он не стеснялся даже привередничать: «Сухофруктов больше не надо, а махорку лучше бы не №3, а №2 или №1 – №3 уж очень легок»⁸⁴. Это писал он в декабре 1950 года из Степлага, своего самого тяжелого заключения. И далее: «Особенно хочется мучного и сладкого. Всякие изделия, которые Вы присылаете – объедение»⁸⁵. «Это голос, это речь, это желания не горемыки, изможденного непосильным трудом и голодом, а сытого лакомки, имеющего отличный аппетит»⁸⁶, – отмечает Владимир Бушин.

84. Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 116.

85. Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 116.

86. Бушин В.С. Александр Солженицын: Гений первого плевка. С. 146.

В другой раз страстотерпец Солженицын пишет жене: «Посасываю потихоньку третий том “Войны и мира” и вместе с ним твою **шоколадку**»⁸⁷. А на дворе, между прочим, стояли первые послевоенные годы с их очередями, дефицитом, недоеданием...

На очередной руководящей должности Солженицын пробыл чуть меньше года, а именно – до описанного выше усмирения «бандеровских волнений», ключевую роль в котором сыграло донесение «Ветрова». Подавив мятеж, 28 января 1952 года лагерная администрация созвала собрание бригадиров, в котором участвовал и наш герой. А на следующий день, когда заключенные вернулись на работу, Солженицын исчез.

Видимо, по случайному совпадению у него внезапно обострилась опухоль яичка, и Солженицына положили в госпиталь. После великолепно проведенной операции (доктора привезли из другого лагеря!) он провел в лазарете две недели и, что любопытно, вышел он из него уже под другим именем – Щ-262. Работать послали Солженицына, как бывало уже не раз, в библиотеку.

Что это была за опухоль – доподлинно неизвестно. В 1955 году Солженицын отправит на имя Хрущёва очередное прошение о помиловании, где называет ее раком («метастаза семиномы в брюшинные лимфатические железы»⁸⁸). Но как тогда у него получилось так быстро ее победить? Чудо, не иначе!..

Самому арестанту о диагнозе не доложили, и на онкологический учет не поставили. И потом, когда Солженицын уже находился в ссылке, целый

---

87. Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 80.

88. Столяров К.А. Палачи и жертвы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. С. 351.

год ни у кого из врачей даже не возникало подозрений насчет рака – «никто в Кок-Тереке не мог даже определить, что за болезнь»⁸⁹. В «Теленке» он, однако, пишет, что у него «тотчас же в начале ссылки – проступили метастазы рака»⁹⁰. Вероятнее всего, в «Теленке» диагноз болезни был назван ретроспективно. Ведь не мог же человек, зная, что ему грозит смерть, на протяжении почти целого года ничего не делать для своего спасения.

В январе 1954 года, когда Солженицын уже провел в ссылке почти год, его направили на лечение в Ташкент. Пройдя курс рентгенотерапии, в марте он выписывается со значительным улучшением.

Свое лечение в ташкентской клинике он опишет в «Раковом корпусе». А позднее, выступая 22 сентября 1967 года на заседании Секретариата Правления Союза писателей СССР, он расскажет: «Я давал повесть на отзыв крупным онкологами – они признавали ее с медицинской точки зрения безупречной и на современном уровне. Это именно рак, рак как таковой»⁹¹.

Неизвестно, кому именно давал свою книгу Солженицын, но те специалисты, которым хватило терпения дочитать ее до конца, в один голос утверждают, что с медицинской точки зрения течение болезни и процесс лечения описаны совершенно некомпетентно⁹².

Сегодня пока еще не удалось найти документы, которые бы достоверно подтвердили или опро-

---

89. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 295.

90. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 8.

91. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С. 145.

92. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 103.

вергли, что Солженицын мужественно боролся именно с раком. Но то, что свою болезнь он активно использовал в создании мифа о своей персоне – факт медицинский.

Но бог с ним, с чудесным исцелением – тут еще на один факт хочется внимание обратить: совершенно бесплатно ведь лечили его, «врага народа», в кровавом Гулаге; сегодня уж не знаем, какие миллионы отвалил бы он за свои операции и онкотерапию. И не стыдно ему потом было писать о лагерных лазаретах как части репрессивной системы, призванной загубить как можно больше невинного народа! А ведь не только лечили – Виткевичу тому же в Воркуте зубной мост сделали, да такой, что он с ним он до конца жизни проходил. Там, где лечат зубы, людей не уничтожают!

«Да он даже не сидел ни разу!» – в определенных кругах эту фразу используют в качестве презрительной характеристики малоопытного человека. В смысле, «жизни не видел». Интересно, что убеждение в том, что тюрьма дает уникальный жизненный опыт, без которого – никак, разделяли и разделяют и некоторые представители просвещенного сословия. Лев Толстой, например, от чистого сердца сожалел о том, что никогда не был в заключении. Солженицын его понимает: «С какого-то мгновенья этот гигант стал иссыхать. Тюрьма была, действительно, нужна ему, как ливень засухе»⁹³.

Солженицыну в этом отношении повезло. Свой личный опыт заключения он оценивает как безусловно полезный, гордится им. Вместо негодования и проклятий он произносит: «Благословение тебе, тюрьма, что ты была в моей жизни!»⁹⁴

---

93. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 385.

94. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 385.

Стратегема № 2

Станьте соавтором эпохи, постарайтесь не во вред себе поучаствовать во всех ее важнейших событиях. Бравируйте своим уникальным жизненным опытом.

«По мнению Солженицына, пребывание в неволе может быть парадоксальным образом полезно для писателя, ... позволяя переступить через все социальные барьеры и “понять доподлинно” образ жизни и мироощущение простого мужика, – пишет филолог Павел Спиваковский, гордый за своего кумира. – Таким образом, перед писателем открывается возможность преодолеть, казалось бы, абсолютно неизбежную для него односторонность и плодотворно соединить в себе две культуры, два мировидения: простонародное и элитарное (интеллигентское)»⁹⁵.

Герой романа «В круге первом» профессор Челнов, блестящий математик и редкий мудрец, писавший в графе «национальность» не «русский», а «зэк», говаривал: «Только зэк наверняка имеет бессмертную душу, а вольняшке бывает за суетою отказано в ней»⁹⁶.

Ту же мысль повторяет и физик-оптик Илларион Герасимович, по мнению которого, «преуспевающих, близоруких, не тертых, не битых вольняшек жалеть было бы **так же странно, как не резать на сало свиней**. У вольняшек не было бессмертной

95. Спиваковский П. Академик Александр Исаевич Солженицын (к 85-летию со дня рождения) // Известия Российской Академии наук. Сер. лит. и языка. М.: Наука, 2003. Т. 62, № 6. С. 62-67.

96. Солженицын А.И. В круге первом. МСС. Т. 1.С. 198.

души, добываемой зеками в их бесконечных сроках, вольняшки жадно и неумело пользовались отпущенной им свободой, они погрязли в маленьких замыслах, суетных поступках»⁹⁷.

Это надменное арестантское самохвальство было не чуждо и Солженицыну. Если о себе – боевом офицере он пишет чуть ли не с презрением, то себя – заключенного он гордо возносит над серой биомассой не хлебавших баланды обывателей. Уж он-то повидал, и бессмертную душу добыл, и мудрости черпанул из арестантской миски полной ложкой – «закалился в адском пламени XX века», как выразился о нем поэт Константин Кедров.

А стало быть, только он и имеет право критиковать, насмехаться, гневаться, топтать ножкой, учить настоящей жизни. Он – а не какой-нибудь там Достоевский.

Вообще, о Достоевском и, в особенности, – о его «Записках из Мертвого дома» Солженицын пишет с нескрываемым раздражением. Дескать, разве он страдал? У него и каторга – не каторга, а просто праздник какой-то. Кто уж и страдал – так это я!..

«С присущим только ему напором и дотошностью он перебирает пункт за пунктом едва ли не все обстоятельства ареста и условий каторжной жизни Достоевского и постоянно твердит одно: насколько мне было тяжелее! – пишет Бушин, приглашая читателя сравнить условия заключения двух русских писателей:

«Достоевского арестовали 23 апреля 1849 года, ему шел 28-й год. Солженицына – 9 февраля 1945 года, ему шел 27-й год. Первого арестовали

---

97. Солженицын А.И. В круге первом // Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 2. М., 1991. С. 217.

по доносу, он знал имя доносчика Антонелли, и, естественно, досадовал на свою оплошность, терзался тем, что доверился предателю. Второму пенять было не на кого, с помощью провоцирующих писем другу он посадил себя сам, и не только не мучился несправедливостью, но считал это закономерным.

Понимая закономерность своего ареста, Солженицын признавал: “У меня был, наверное, самый легкий вид ареста, какой только можно себе представить. Он не вырвал меня из объятий близких, не оторвал от дорогой нам домашней жизни... Лишил только привычного дивизиона да картины трех последних месяцев войны”.

Все это так, – но, кроме того, арест и отправка в Москву “лишили” еще и опасности быть убитым. Достоевский ничего подобного сказать о себе не мог. Словом, если у одного действительно был самый легкий, возможно, и спасительный арест, то у другого – самый тяжелый.

За арестом – приговор. Достоевскому на Семеновском плацу объявили, что он приговорен к смертной казни. И только после жуткой психической экзекуции он услышал новый приговор: четыре года каторги. Ничего похожего на эти десять минут ожидания смерти Солженицын не пережил, он с самого начала твердо был уверен: больше десяти лет ему не грозит, а получил меньше. Они оказались в неволе почти ровесниками, но здоровье у них разное. У Достоевского развилась, осложнилась эпилепсия, приобрел еще и ревматизм. П.К. Мартьянов, знавший Достоевского по каторге, вспоминал: “Его бледное, испитое, землистое лицо, испещренное темно-красными пятнами, никогда

не оживлялось улыбкой, а рот открывался только для отрывистых и коротких ответов по делу. Шапку он нахлобучивал на лоб до самых бровей, взгляд имел угрюмый, сосредоточенный, неприятный, голову склонял наперед и глаза опускал в землю”...

Совсем иной человеческий облик запечатлен теми, кто знал в годы неволи Солженицына. Так, В.Н. Туркина, родственница Н.А. Решетовской, написала ей из Москвы в Ростов, когда он находился на Краснопресненской пересылке: «Шурочку видела. Она (!) возвращалась со своими подругами с разгрузки дров на Москве-реке. Выглядит замечательно, загорелая, бодрая, веселая, смеется, рот до ушей, зубы так и сверкают. Настроение у нее хорошее”. Право, сдается, что не столько ради конспирации (уж очень наивен прием!), сколько для полной передачи облика человека, пышущего здоровьем, автор письма преобразил Александра Исаевича в молодую девушку.

Позднейшие портреты Шурочки, опираясь на его собственные письма, рисует сама Решетовская. Лето 1950 года, Шурочку везут в Экибастуз: “Он чувствует себя легко и привычно, выглядит хорошо, полон сил и очень доволен последними тремя годами своей жизни”.

Нельзя не принять во внимание и то, что Достоевский со своей эпилепсией и ревматизмом почти весь срок провел в Омске да Семипалатинске, т.е. в суровых условиях сибирского климата, а вполне здоровый Солженицын вкусил этого климата лишь в последние два с половиной года своего срока, большую часть которого он обретался в благодатных умеренных краях Центральной России:

в Москве, Новом Иерусалиме, снова в Москве, в Рыбинске, Загорске, опять в Москве. Да и с сибирским климатом Шурочке удивительно повезло: за свои два умеренных лета и три такие же зимы ему не довелось познать и малой доли того, что познал Достоевский за полновесные десять зим и девять лет....

А каковы были сами условия заключения? Тут начать надо, конечно, с жилья.

В "Записках" герой-повествователь рассказывает: "Когда смеркалось, нас всех вводили в казармы, где и запирали на всю ночь. Мне всегда было тяжело возвращаться со двора в нашу казарму. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освещенная сальными свечами, с тяжелым, удушающим запахом. Не понимаю теперь, как я выжил в ней десять лет. На нарах у меня было три доски: это было все мое место. На этих же нарах размещалось в одной нашей комнате человек тридцать народу". Вот еще один выразительный штришок: "Ночью наступает нестерпимый жар и духота. Хоть и обдает ночным холодком из окна, но арестанты мечутся на своих нарах всю ночь, словно в бреду. Блохи кишат мириадами" и т.д. Так жил герой Достоевского, так жил и сам писатель.

А наш мученик? Он описал в "Архипелаге" несколько помещений, в которых коротал свой срок. Напомним одно из них: "К нам добавили шестого (заключенного), и вот перевели полным составом в красавицу 53-ю. Это - дворцовый покой! Высота этажа в пять метров. А окна!.." Наш страдалец сменил несколько мест заключения, но ни одно его жилье невозможно сравнить с каторжной берлогой Достоевского. Даже в Экибастузском осо-

благе он жил все-таки не в смрадной и блохастой людской скученности, а в отдельной комнате всего с тремя или четырьмя соседями и спал не на общих нарах вповал, а на кроватке с матрасиком, подушечкой, одеяльцем, – вот не знаем насчет пододеяльничка»⁹⁸.

Бушин дотошно сравнивает и другие аспекты каторжной жизни в XIX и XX веках – одежду, обувь, условия труда, распорядок дня, особенности питания и досуга – и везде сравнение оказывается не в пользу версии Солженицына. Это, конечно, отнюдь не говорит о том, что свой срок «молодой Ветров» отбывал на курорте – несвобода, как говорится, всегда хуже свободы.

Это отмечает и сам Бушин: «Любое пребывание на фронте может для человека кончиться трагически, и любая служба там полезна для общего дела победы; в то же время любая неволя, даже если она с зеленой травкой и волейболом, полуночными концертами и заказами книг в Ленинке, с послеобеденным сном и писанием романов, – все равно тягость и мука. И мы не стали бы столь сурово говорить ни о фронте, ни о каторге Солженицына, если бы он, напялив личину пророка, объявив себя Мечом Божьим, в первом случае не оказался бы хвастуном, а во втором, то и дело талдыча о своем христианстве, не стал бы так злобно глумиться над каторгой Достоевского с ее кандалами и вшами, смрадным ложем в три доски и тараканами во щах, с ее тяжким трудом и тремя нерабочими днями в году»⁹⁹

---

98. Бушин В.С. Александр Солженицын: Гений первого плевка. С. 137-141.

99. Бушин В.С. Александр Солженицын: Гений первого плевка. С. 166.

РУКОПИСЬ, СПРЯТАННАЯ В БУТЫЛКЕ

В заключении Солженицын не только наедал бока на шоколаде и вкусной выпечке, но и активно творил. Жажда писательства проснулась в нем летом 1946 года в бутырском застенке: «С той камеры, – вспоминал он позднее, – потянулся... я писать стихи о тюрьме»¹⁰⁰.

Свой творческий путь он продолжил в марфинской шарашке, где, «нагло перестав тянуть» казенную работу, трудился для вечности, сочиняя поэмы. «Этой страсти я отдавал теперь все время»¹⁰¹, – напишет Солженицын в «Архипелаге».

Поэтом, как потом объяснит Александр Исаевич, он стал поневоле, поскольку выучить наизусть стихи легче, чем прозу. «Память – это единственная записка, где можно держать написанное, где можно пронести его сквозь обыски и этапы, – отмечал он. – Поначалу я мало верил в возможности

---

100. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 418.

101. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 28.

памяти и потому решил писать стихами»¹⁰². Лишь много позже он обнаружил, «что и проза неплохо *утолакивается* в тайные глубины того, что мы носим в голове»¹⁰³. «Под конец лагерного срока, поверивши в силу памяти, я стал писать и заучивать диалоги в прозе, *маненько* – и сплошную прозу. Память вбирала! Шло. Но больше и больше уходило времени на ежемесячное повторение всего объема заученного»¹⁰⁴.

Собрание тюремных сочинений включало в себя «Лагерные стихи», поэмы «Дороженька» и «Прусские ночи», пьесы «Пир победителей» и «Пленники». Все вместе это составляло 12 тысяч строк¹⁰⁵, или примерно 300 страниц. Запомнить наизусть и носить в голове много лет такой объем текста, согласитесь, – задача, непосильная для простого человека. Но не для зека, обретшего бессмертную душу! «Освобожденная от тяжести суетливых ненужных знаний, память арестанта поражает емкостью и может все расширяться. Мы мало верим в нашу память!»¹⁰⁶

Тот же объем, 12 тысяч строк, имеет поэма Гомера «Одиссея», передававшаяся изустно через долгие три столетия, прежде чем ее записали на свитках во второй половине VIII в. до н.э. Филологи долгое время не могли понять, как, каким образом можно запомнить наизусть литературное произведение такого размера? Лишь в конце 1920-х годов гарвардские филологи Милмэн Пэрри и Аль-

---

102. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 72-73.

103. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 73.

104. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 8.

105. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 73.

106. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 73.

берт Лорд доказали на огромном фольклорном материале, что жизнь эпоса в веках основывается на передаче не готовых текстов, а набора средств, используемых при порождении песни – сюжетов, канонических образов, стереотипных словесно-ритмических формул. Поэмы в тысячи строк исполнители не учили наизусть, а фактически каждый раз создавали в процессе исполнения, пользуясь этими формулами как словами языка.

Так поступал, например, босниец Авдо Меджедович, с которым Пэрри и Лорд познакомились во время одной из своих балканских экспедиций. Размер его устной поэмы «Женитьба Смаилагича Мехо», кстати, также превышал 12 тысяч строк¹⁰⁷.

Но то – формулы, Солженицын же уверяет, что помнил все именно наизусть, слово в слово. Ну не Фунес ли, чудо памяти?

Стратегема № 3

Придумайте себе сверхспособность. Поражайте рассказами о ней аудиторию.

Феномен Солженицына поражал воображение современников долгие годы, пока в 1999 году не вышел новый сборник его произведений «Протеревши глаза». Кроме прочего в него вошло доселе неизвестная автобиографическая повесть «Люби революцию», пять первых глав которой, по словам писателя, были написаны на шарашке в Марфино. То есть, получается, что еще с 1948 года Солжени-

107. Лорд А.Б. Сказитель. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. С. 94.

цын носил в голове, помимо 300 страниц поэзии, еще и около 200 страниц прозы!

Видимо, понимая, что с историей о своей феноменальной памяти он чутка перегнул палку, Солженицын не стал держаться прежних показаний и признался, что повесть эту он писал самым обыкновенным способом – пером по бумаге, подтвердив это сканами своей рукописи¹⁰⁸. Уходя по этапу из Марфино, автор, по его словам, отдал нетленку на хранение тамошней сотруднице – «Анечке», А.В. Исаевой»¹⁰⁹.

Эпизод этот, впрочем, – не вот тебе какое откровение, он описывается еще в романе «В круге первом» – перед отправкой на этап Глеб Нержин передает Симочке свое наследие, спрятанное в папках с материалами по артикуляции¹¹⁰.

Если в марфинской шарашке невозможно было писать, то зачем тогда он просил жену «привезти ему побольше чистой бумаги, карандашей, перьев, чернил в чернильницах-непроливайках, английские учебники и словари»¹¹¹? В Марфино Солженицын не просто писал – он писал за большим столом с множеством ящичков¹¹², нисколько не таясь.

Ну, ладно, может, на то она и шарашка, что там допускается послабление режима, а, допустим, в Экибастузе все совершенно иначе? В «Архипелаге» Солженицын так и пишет: «Карандаш и чистую бумагу в лагере иметь можно, но нельзя иметь на-

---

108. Солженицын А.И. Протеревши глаза. М.: Наш дом – L'Age d'Homme, 1999. С. 300-301, 306-307.

109. Солженицын А.И. Протеревши глаза. Супербложка.

110. Солженицын А.И. В круге первом. МСС. Т. 2. С. 293.

111. Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 61.

112. Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 77.

писанного (если это – не поэма о Сталине). И если ты не придуряешься в санчасти и не прихлебатель КВЧ¹¹³, ты утром и вечером должен пройти обыск на вахте»¹¹⁴.

«В этих словах нетрудно заметить два противоречия, – отмечает Александр Островский. – Во-первых, если заключенным разрешалось иметь “карандаши и чистую бумагу”, то, разумеется, для того, чтобы они писали. А если писать все-таки было можно, то почему нельзя было хранить написанное? И, во-вторых, при чем здесь “обыск на вахте”? Неужели имея в лагере “карандаши и чистую бумагу” вполне законно, заключенные могли писать только тайно за пределами лагеря?»¹¹⁵

Противореча себе же самому, Александр Исаевич чуть ли не на следующей же странице «Архипелага» рассказывает, как заключенный Степлага Арнольд Раппопорт «уже не первый год терпеливо» составлял «универсальный технический справочник» и одновременно писал «в клеенчатой черной тетрадке» целый трактат «О любви»¹¹⁶. Тут же вспоминается им и «тверичанин Юрочка Киреев – поклонник Блока и сам пишущий под Блока»¹¹⁷. Упомянет он и з/к Альфреда Штекля, написавшего в лагере целый роман¹¹⁸.

Сохранились свидетельства и о лагерных опытах самого Солженицына. «Мне запомнилось, – вспо-

113. КВЧ – культурно-воспитательная часть.

114. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 73.

115. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 89.

116. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 81.

117. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 82.

118. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 120-121.

минал бывший з/к и замкомандира крейсера “Аврора” Борис Бурковский, – что он, лежа на нарах, читал затрепанный том словаря Даля и записывал что-то в большую тетрадь»¹¹⁹.

Куда делась эта тетрадь – неясно. Согласно Солженицыну, все, что он писал, он немедленно выучивал, а бумажки – сжигал.

В декабре 1952 года Солженицын, отбывший свой срок заключения, отправляется в ссылку. Прибыв в место назначения – казахский городок Кок-Терек – поселенец услышал новость: 5 марта 1953 года в Москве скоропостижно скончался Сталин. В жизни Солженицына и всей страны начался новый этап.

Первое время Солженицын проедал свои привезенные из Степлага хозрасчетные заработки¹²⁰, затем пришлось искать работу. Солженицын устраивается учителем в школу, в свободное время продолжая работу над пьесой «Пленники». Осенью того же года у него обострилась болезнь яичка, и писатель стал готовиться к смерти. «Грозило погаснуть с моей головой и все мое лагерное заучивание, – пишет Солженицын. – Это был страшный момент в моей жизни: смерть на пороге освобождения и гибель всего написанного, всего смысла прожитого до тех пор»¹²¹.

Во имя будущих поколений писатель решил, наконец, поверить бумаге свои бессмертные произведения – «торопился мелко-мелко записывать и скручивал листы по несколько в трубочки, а тру-

---

119. Слово пробивает себе дорогу. С. 180.

120. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 282.

121. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 295.

бочки наталкивал в бутылку из-под шампанского, у нее горлышко широкое. Бутылку я закопал на своем огороде – и под новый 1954 год поехал умирать в Ташкент»¹²².

В эту самую бутылку автор умудрился запихать все свое литературное наследие (то ли 12, то ли, если посчитать повесть «Люби революцию», 18 тысяч строк).

Чтобы проверить, возможно ли сделать это с текстом подобного объема, мы советуем читателям попробовать переписать «Илиаду» Гомера максимально убористым почерком на как можно более тонкой бумаге и проверить, удастся ли уместить написанное в бутылке? Мы лично пробовали сто раз – не получается.

Получив в Ташкенте «12 тысяч рентгенов»¹²³ (ну, прямо-таки, магическое число – оно появится в биографии писателя еще не раз), Солженицын, живой и румяный, в конце февраля 1954 года возвращается в Кок-Терек и покупает себе... дом¹²⁴. «За калиткою был – арык, и степь, и каждое утро восход»¹²⁵.

Из Ташкента он привез фотоаппарат (дорогая вещь!) Нанял фотографа, попозировал ему в ватнике – и так, и эдак, и с подвыпердом. А затем стал использовать камеру по прямому назначению.

122. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 8.

123. Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 33.

124. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 295.

125. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 295.

**Ссылный А.И. Солженицын делает селфи
с помощью зеркала.
Кок-Терек, середина 1950-х гг.**

«За одним ремеслом, – пишет Солженицын, – потянулось другое: самому делать с рукописей микрофильмы (без единой электрической лампы и под солнцем, почти не уходящим в облака – ловить короткую облачность). А микрофильмы потом – вделать в книжные обложки, двумя готовыми конвертами: Соединенные Штаты Америки, ферма Александры Львовны Толстой. Я никого на Западе более не знал, но уверен был, что дочь Толстого не уклонится помочь мне»¹²⁶.

---

126. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 8.

«Невольно вспоминаешь чеховского Ваньку Жукова, который адресовал свое письмо почти также: “На деревню дедушке”, – иронизирует Александр Островский. – Разница заключается только в том, что Ваньке было всего девять лет, и он не имел университетского образования»¹²⁷.

В феврале 1956 года состоялся XX съезд КПСС, на котором Первый секретарь ЦК партии Никита Сергеевич Хрущёв выступил с закрытым докладом «О культе личности и его последствиях», обвинив И.В. Сталина в уничтожении им политических оппонентов и санкционировании массовых репрессий. Это выступление стало для Хрущёва важнейшим этапом в борьбе за власть – таким образом он наносил удар по таким ближайшим соратникам Сталина, как Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов, Микоян, и обосновывал их дальнейшее отстранение от власти.

За день до закрытия съезда, 24 февраля 1956 года, Солженицын пишет на имя Хрущёва очередное ходатайство о помиловании, дублируя его Генеральному прокурору СССР Роману Руденко и заместителю председателя Совета министров СССР Анастасу Микояну.

«Совершенно неожиданно в апреле 56 года, – писала Решетовская в своих первых воспоминаниях, – я получила от Сани письмо. Он сообщил мне, что его освободили от ссылки со снятием судимости»¹²⁸. 28 мая Александр Исаевич продал свой домик и 20 июня, выкопав свою бутылку, навсегда покинул Кок-Терек.

---

127. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 105.

128. Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 136.

" АВТОР, КОТОРОГО ЖДАЛИ "

24 июня 1956 года на московском вокзале Солженицына встречали Лев Копелев и Дмитрий Панин. На следующий день Копелев, философ и литературовед, преподаватель Московского полиграфического института, отметил в дневнике: «С. приехал к нам на дачу. **Сумка рукописей**¹²⁹ ... Читает стихи – тоска заключенного о далекой любимой. Искренние, трогательные, но все же книжные, ... очень интересные пьесы: “Пир победителей” – мы в Восточной Пруссии... “Республика труда”. Лагерный быт... “Декабристы” – дискуссии в тюремной камере... Я всего до конца и не услышал, **заснул** где-то после половины»¹³⁰.

Путь Солженицына лежал во Владимир – возвращаться на свою малую родину он почему-то не захотел. Уже через несколько дней Александр Исаевич получил место в Межиновской сельской

---

129. Как из бутылки из-под шампанского вытряхнулась целая сумка бумаг – непонятно. Должно быть, Солженицын был из тех, «кто хорошо знаком с пятым измерением».

130. Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве. 1956-1980. М.: Книга, 1990. С. 74-75.

школе Курловского (сейчас – Гусь-Хрустального) района. Тогда же он встретился со своей бывшей женой Решетовской, с которой заочно развелся еще в 1948 году. В начале февраля 1957 года они повторно заключили брак.

В июле 1957 года Солженицыны переезжают в Рязань, где Александр Исаевич устраивается учителем физики и астрономии среднюю школу №2. Это была знаменитая школа, в свое время ее закончили академик Иван Павлов, писатель Константин Симонов и жена Ленина Надежда Константиновна Крупская.

Педагогом он считается первоклассным. Ученики позднее будут рассказывать, что благодаря Солженицыну они полюбили физику, что уроки он ведет очень интересно, с увлечением, очень любит свой предмет¹³¹.

Однако посвящать все свое время преподаванию Солженицыну совсем не хочется. Едва поступив в школу, он попросил директора ограничить его учебную нагрузку 15 часами в неделю, а через год – уменьшить ее еще, до 2/3 ставки (12 часов). «Последнее время он имел девять уроков в неделю, – писал в 1963 году журналист Виктор Буханов. – Отсюда его более чем скромный заработок – 50 рублей в месяц»¹³². Коллеги видят объяснение перехода Солженицына на полставки его нестяжательством.

Казалось бы, ходатайство Александра Исаевича о реабилитации означало признание лояльности по отношению к власти, однако Солженицын за-

---

131. Буханов В. У Солженицына в Рязани // Слово пробивает себе дорогу. С. 45.

132. Буханов В. У Солженицына в Рязани. С. 47.

тевает тихую фронду, готовя шило, чтобы исподтишка вонзить его в самое уязвимое место советской власти.

Для начала он решил отправить свои произведения за границу. По тем временам это уже само по себе было криминалом, за это вскоре поплатятся Юлий Даниэль и Андрей Синявский. А если принять во внимание содержание «Прусских ночей» и «Пира победителей», со страниц которого в самом неприглядном виде представляли офицеры советской контрразведки, то их публикация за рубежом могла тянуть на новый срок. По утверждению Солженицына, первоначально он думал использовать иностранных туристов или дипломатов, затем особые надежды стал возлагать на Льва Копелева: «Из нашей зэческой компании он раньше и ближе всего стоял к столичным литературным кругам, к иностранцам»¹³³.

Но пока это ему никак не удавалось, и Солженицын пытается обличать язвы общества через советскую прессу. В 1959 году он бичует работу отечественной почты, допустившей задержку с доставкой ему письма – заметка «Почтовые курьезы» появилась в рязанской областной газете «Приокская правда». В 1960 году обрушивается с едкой сатирой на железнодорожных кассиров, продавших два билета на одно и то же место (газета «Гудок», куда была послана нетленка, от публикации воздержалась). В ноябре того же года направляет в «Литгазету» статью «Эпидемия автобиографий», в которой ругает Эренбурга и Паустовского, опубликовавших свои мемуары в «Новом мире» – де-

---

133. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С. 38.

скать, нескромно это, некрасиво. Эта заметка тоже не была напечатана.

Как-то мелко для автора, который творил для истории и к тому времени уже написал повесть «Щ-854», позже широко известную как «Один день Ивана Денисовича»...

Повесть об одном дне из жизни советского заключенного Ивана Шухова Солженицын закончил в октябре 1959 года. Одним из первых его читателей стал Лев Копелев.

«Перед Октябрьскими праздниками в Рязань приехал Копелев прочесть лекцию о Шиллере, – вспоминала Наталья Решетовская. – Ночевал у нас. Прежде он хвалил Санины пьесы. А тут, перелистав рукопись “Ивана Денисовича”, отмахнулся от нее, небрежно бросив: “Это **типичная производственная повесть** в духе социалистического реализма. Да еще перегружена ненужными деталями”. Саня очень расстроился от подобного приговора»¹³⁴.

В октябре 1961 года в Москве состоялся XXII съезд КПСС, принявший новую Программу партии, где ставились задачи по наращиванию производства молока и мяса, выдвигался лозунг: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» и объявлялось, что уже к 1980 году советское общество перейдет к распределению «по потребности», то есть, станет «в основном коммунистическим». Кроме того, съезд не только открыто подверг критике культ личности Сталина, но и оценил его политику репрессий как преступление. Партийный форум закрывал Хрущёв: «Наши цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи!»

---

134. Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 49.

Работа пошла. В советских журналах стали готовиться публикации об ужасах сталинской эпохи. Солженицын почувствовал благоприятную конъюнктуру.

8 ноября 1961 года писатель едет в Москву ко Льву Копелеву и заявляет о своем желании опубликовать повесть «Щ-854». Посоветовавшись, друзья решили передать ее в «Новый мир», через знакомую Копелева – сотрудницу редакции Анну Самойловну Берзер. Что и было сделано на следующий день.

Рукопись Солженицына Берзер отнесла главному редактору журнала Александру Твардовскому лишь 8 декабря. По уверению Александра Исаевича, целый месяц его повесть мыкалась по редакции, от нее отмахивались, даже не читая. Но существует также мнение, что весь этот месяц талантливая Берзер просто переписывала сырой и неудобочитаемый текст Солженицына, приводя его к необходимой кондиции.

Жена Синявского Мария Розанова признается, что «заподозрила, что лучшие вещи – “Один день” и “Матренин двор” – были хорошо отредактированы в “Новом мире”, где текстами занималась замечательный редактор Ася Берзер. Может, это ее работа, я не знаю. Но не могу поверить, что “Матренин двор” и “Красное колесо” написала одна рука»¹³⁵.

В самом деле, ни прежде, ни позже ничего сравнимого с первыми новомирскими публикациями из-под пера Солженицына не выходило.

---

135. Розанова М. «Солженицын полоснул меня таким взглядом, что я поняла – это враг на всю жизнь» / [Интервью взял М. Чикин] // Комсомольская правда. 1999. 13 января.

Более определенно выражается бывший американский посол в Москве Джейкоб Бим, писавший о Солженицыне: «Один из его бывших русских редакторов рассказывал мне, что его первые рукописи содержали массу красноречивого, но непереваренного материала, который требовалось организовать в понятное целое. Оригинал его “Одного дня из жизни Ивана Денисовича” ... был в три раза длиннее окончательного варианта и перегружен вульгаризмами и... пассажирами, которые нуждались в редактировании»¹³⁶.

Вот как описывал свое удовольствие от текста Твардовский: «Принес домой две рукописи – Анна Самойловна принесла мне их перед самым уходом, положила на стол. “Про что?” – спрашиваю. “А Вы почитайте, – загадочно отвечает, – это вот про крестьянина”. Знает же хитрюга мою слабость. Вот и начал с этой, про крестьянина, на сон грядущий, думаю, страничек двадцать полистаю... И с первой же побежал на кухню чайник ставить. Понял – не засну же. Так и не заснул»¹³⁷.

Повесть дебютанта он прочитал в ту ночь два раза подряд.

11 декабря Солженицын получил телеграмму от Твардовского с приглашением в Москву и уже на следующий день впервые переступил порог редакции «Нового мира». Побеседовав с рязанским самородком, Твардовский распорядился заключить с ним договор по высшей принятой у них ставке. «Один аванс – моя двухлетняя зарплата»¹³⁸, – по-

---

136. Beam J. Multiple Exposure: An amer. Ambassador's unique perspective on East-west iss. N.Y., 1978. P.232-233. Цит. по: Островский А. Солженицын. Прощание с мифом.

137. Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве. С. 79.

138. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 20.

ражается Солженицын. Предоплата составила громадную по тем времена сумму 1800 рублей.

«За тот декабрь, – пишет Солженицын, – еще два раза мне пришлось приезжать в Москву... В те приезды я и привез Твардовскому: несколько лагерных стихотворений, несколько “Крохоток” побезобиднее и рассказ “Не стоит село без праведника”, облегченный от самых непроходимых фраз»¹³⁹. «Крохотки» и стихи были встречены без восторга, а «Не стоит село без праведника» было решено печатать под названием «Матренин двор».

А в это время Твардовский готовился к тому, чтобы представить повесть Солженицына в ЦК КПСС. «Он действовал мудро и хитро: собрал отзывы самых именитых писателей, – вспоминал Копелев. – Чуковский назвал повесть “литературным чудом”. Маршак писал, что “мы никогда себе не простим, если не добьемся публикации”. Федин и Эренбург считали необходимым печатать»¹⁴⁰. А пока собирались отзывы литературных светил, повесть ушла в самиздат, ее читали не только в Москве и Ленинграде, но и в Киеве, Одессе, Харькове, Горьком¹⁴¹.

3 июля Твардовский передал рукопись, снабженную ворохом рекомендаций, помощнику Хрущёва по идеологии Владимиру Семеновичу Лебедеву.

Рассказывая о том, как «Один день Ивана Денисовича» появился в печати, Солженицын подчеркивает случайный характер этой публикации¹⁴².

---

139. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 21.

140. Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве. С. 78-79.

141. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 25.

142. Солженицын А.И. Из телеинтервью компании CBS (интервью ведет Уолтер Кронкайт). Цюрих, 17 июня 1974 // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. Ярославль, 1996. С. 97.

Однако такие вещи тогда так просто не делались. Прежде всего, оказывается, в конце августа – начале сентября в Пицунде Лебедев познакомил с повестью не только Хрущёва, но и двух влиятельных членов тогдашнего Президиума ЦК КПСС Ворошилова и Микояна¹⁴³. После того, как они втроем одобрили ее, было решено передать повесть в ЦК КПСС.

12 октября вопрос о судьбе повести был вынесен на заседание Президиума и принято решение о ее публикации. 20-го Хрущёв принял Твардовского и сообщил ему об этом, заявив: «Вещь жизнеутверждающая и написана, я считаю, с партийных позиций»¹⁴⁴. Печатать повесть было решено в ближайшем 11-м номере, о чем главред немедленно телеграфировал Солженицыну.

Шумный успех «Одного дня Ивана Денисовича» – такое название дал повести Твардовский взамен невнятного «Щ-854» – начался... еще до ее выхода в свет.

18 октября в «Известиях» появилась рецензия Константина Симонова «О прошлом во имя будущего». Патриарх советской словесности рассыпался в комплиментах автору еще не изданной повести: «лаконичная и отточенная проза больших художественных обобщений»; «крупный художник, **органически чуждый соблазну создавать литературу ужасов и сенсаций**»; «уверенная рука зрелого, своеобразного мастера»¹⁴⁵.

---

143. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х гг. // Знамя. 2000. № 6. С. 129.

144. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х гг. С. 135.

145. Симонов К. О прошлом во имя будущего // Слово пробивает себе дорогу. С. 19-21.

22-го в «Литературной газете» публикуется статья Григория Бакланова «Чтоб это никогда не повторилось». Главный посыл: «Иван Денисович» – это книга, которую ждали. «После нее становится совершенно очевидно, что писать так, как писали еще недавно, нельзя уже»¹⁴⁶.

23-го в главной газете страны – «Правде» – выходит статья Владимира Ермилова «Во имя правды, во имя жизни». Автор провозглашает: «В нашу литературу пришел писатель, наделенный редким талантом, и, как это свойственно истинным художникам, рассказал нам такую правду, о которой невозможно забыть и о которой нельзя забывать, правду, которая смотрит нам прямо в глаза»¹⁴⁷.

26 ноября на заключительном заседании Пленума ЦК КПСС выступил Хрущёв. Перечисляя достижения советской литературы последнего времени, он назвал фамилию Солженицына.

При этом повесть «автора, которого ждали» до сих пор не была напечатана.

В этот день Александр Исаевич снова едет в Москву. Дела расписаны едва ли не по минутам. «На следующий же день – вспоминала Решетовская, – он будет в театре “Современник” читать художественному совету пьесу. Через день должен встретиться с представителем “Роман-газеты” и впервые присутствовать на спектакле в “Современнике”. Надо принять переводчиков на английский и французский языки, фотокорреспондента ТАСС, побывать в издательстве “Советский писатель”, в “Новом мире”, где ждет гонорар, и накопилась почта, по-

---

146. Бакланов Г. Чтоб это никогда не повторилось // Слово пробивает себе дорогу. С. 22.

147. Ермилов В. Во имя правды, во имя жизни. По страницам литературных журналов // Слово пробивает себе дорогу. С. 28.

видаться с друзьями, развить и начать новые интересные знакомства с Анной Ахматовой, Варламом Шаламовым, вдовой писателя Булгакова»¹⁴⁸.

27 ноября Всесоюзное радио познакомило своих слушателей с автобиографией Солженицына, накануне переданной писателем корреспонденту ТАСС П.И. Косолапову. На следующий день в «Московской правде», в «Советской России» и во многих республиканских и областных газетах была опубликована разосланная агентством ТАСС статья Косолапова под названием «Имя, новое в нашей литературе». В статье, в частности, говорилось: «Сам факт появления подобного произведения – красноречивое свидетельство того, что **времена культа личности Сталина ушли безвозвратно**. Коммунистическая партия, смело разоблачившая последствия культа личности, сделала все, чтобы времена эти никогда не повторились»¹⁴⁹.

Пишет центральная газета – пойдя опровергни!

В тот же день появилась хвалебная статья Александра Дымшица в «Литературе и жизни», а 1 декабря «Учительская газета» опубликовала статью И. Кашкадамова «Учитель с улицы Революции». В тот же день, 1 декабря, был сдан в набор №1 (277) «Роман-газеты» на 1963 год, полностью состоящий из «Одного дня Ивана Денисовича». Для оформления обложки была проведена фотосессия. Солженицын вспоминал о ней: «То, что мне нужно было, выражение замученное и печальное, мы изобразили»¹⁵⁰.

---

148. Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 83.

149. Косолапов П. Имя, новое в нашей литературе // Слово пробивает себе дорогу. С. 43.

150. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №.6 С. 33.

**Заявка Солженицына на место в большой литературе была убедительной – в считанные дни его повесть разошлась почти миллионным тиражом.
Фото на обложке: А. Лесс**

Лишь в начале декабря, когда имя Солженицына уже приобрело широкую известность, 11-й номер «Нового мира» пошел к читателям.

«Согласитесь, это очень мало напоминает ту картину, которая позднее была нарисована им самим, – говорит Александр Островский. – Если допустить, что повесть Солженицына появилась в печати случайно, как объяснить, что еще до выхода

ее в свет весь советский информационный аппарат был мобилизован на то, чтобы сделать ей рекламу. Осечка действительно произошла, но она была связана не с тем, что цензура случайно пропустила повесть, а с тем, что типография, в которой печатался одиннадцатый номер “Нового мира”, не смогла уложиться в установленный график, в результате чего рекламный аппарат начал публиковать рецензии тогда, когда повести еще не было»¹⁵¹.

Стратегема № 4

Ваша заявка о себе должна быть яркой. Уже потом можно будет расслабиться и подогреть к себе интерес скандалами, интригами, преследованиями.

Слава, которая внезапно свалилась на голову новоявленного титана русской словесности, была поистине ошеломительной.

«Когда [повесть] наконец появилась в журнале, то всюду только и слышно было: “У тебя нет одиннадцатого номера?” “Где достать «Новый мир»?”, – писал в 1963 года восторженный Владимир Бушин. – В газетных киосках журнал был расхвачан моментально, в библиотеках на него записывались в длинные очереди, хотя люди еще не знали имени автора и путали его фамилию (“Сложеницын?.. Солженицын?.. Сонженицын?”), не подозревая, что это имя, возможно, они запомнят вскоре надолго»¹⁵².

151. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 138.

152. Бушин В. Из статьи «Герой – жизнь – правда» // Слово проби-
вает себе дорогу. С. 59.

Критики отмечали невероятную гражданскую и художественную смелость Солженицына, «прямоту его правды»: вот молодец, все как есть сказал о том, о чем и молчать-то боялись. Вот только забывали они почему-то, что на дворе уже 1963 год, а XX съезд партии прошел еще в 1956-м, да и тогда большой смелости не надо было, чтобы лягнуть уже три года как мертвого вождя и его режим. «Солженицынская смелость – это смелость человека, первым вступившего на **разминированное поле**», – заметит остроумный Лев Копелев¹⁵³.

Солженицын получает чемоданы писем, к нему выстраиваются в очередь западные корреспонденты, кое-кто сознательно встает при встрече на колени, с магнитофона на магнитофон переписывается история о том, как Солженицын съездил в Москву на электричке. Всесоюзное общество «Международная книга» заключает договоры на издание повести с английским, парижским, итальянским, американским и западногерманским издательствами.

«Дни его расписаны с утра до вечера, дружеские и деловые встречи плотно следуют одна за другой. Телефон звонит не умолкая: даже Военная коллегия Верховного суда жаждет позвать к себе писателя. Переводчики ждут консультаций. “Советский писатель” намерен печатать “Один день” отдельной книгой. ... Театр “Современник” хочет ставить пьесу¹⁵⁴... На обеде у вдовы Михаила Булгакова гости поднимают бокалы за писателя ушедшего

---

153. Цит. по: Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. С. 148.

154. Речь идет о пьесе «Свеча на ветру», мягко говоря, не отличавшейся художественными достоинствами. Завлит «Современника», ознакомившись с текстом, дипломатично резюмировал: «При первом чтении это интересно, но вторично уже не читается». Пьеса не пошла.

и писателя “внезапно родившегося”. ... Настойчиво ищет встречи Шостакович, хочет сочинить оперу “Матренин двор” и сам собирается писать либретто»¹⁵⁵...

Анна Ахматова, прочитав «Денисовича», вынесла резолюцию: «Эту повесть о-бя-зан прочитать и выучить наизусть – каждый гражданин изо всех двухсот миллионов граждан Советского Союза»¹⁵⁶.

Личное знакомство вызвало у поэтессы еще больший восторг: «Све-то-но-сец! – сказала она торжественно и по складам. – Свежий, подтянутый, молодой, счастливый. Мы и забыли, что такие люди бывают. Глаза, как драгоценные камни»¹⁵⁷.

Так Солженицын вошел в большую литературу.

Своеобразным знаком признания стало вовлечение неожиданного триумфатора в смеховую культуру шестидесятых. «Раз зачислив Солженицына в “свои” – за правду, – шестидесятники втягивали его, не очень-то спрашивая, в свой КВН. Примечательно, что в новогодний (1964) комплект «крокодильских» пародий включен и “А. Матренин-Дворин” – в компании с “Володимером Сологубиным” (Владимир Солоухин), “Аксилием Васеновым” (Василий Аксенов) и “Ягуаром Авваловым” (Лев Овалов – автор “Майора Пронина”)»¹⁵⁸.

До тошноты серьезному Солженицыну, однако, вряд ли хотелось быть своим в этой коdle шестидесятников с их гитарами, Окуджавами, физиками

155. Сараскина Л.И. Солженицын. С. 501-502, 534.

156. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. Т. 2. М.: Со-
гласие, 1997. С. 512.

157. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 532.

158. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое
литературное обозрение, 1998. С. 255.

и лириками, бородатой романтикой, счастливой беззаботностью и прочими бездуховными погрешностями. «Тот прием отстранения, который господствовал в 60-е, был ему глубоко чужд и даже отвратителен – ирония, юмор, смех. ... Юмор ему, по всей видимости, враждебен совершенно. Не зря он клеймит оппонента характерным рядом: “бодрячок, весельчак и атеист”¹⁵⁹, не зря призывает к серьезности полемики: “избавьте нас от ваших остроумных рассуждений”¹⁶⁰ – явно не видя в остроумии ничего, кроме словоблудия, не зря пренебрежительно поминает кумиров 60-х Ильфа и Петрова»¹⁶¹.

Дальнейшая писательская карьера «писателя, которого ждали», продвигалась, как по маслу.

В декабре 1962 года начинающего автора, который даже не был членом Союза писателей, пригласили на встречу руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, куда допускалась только культурная и политическая элита. На встрече Твардовский представил Александра Исаевича Хрущёву, познакомиться с Солженицыным подошел секретарь ЦК КПСС, главный идеолог партии Михаил Суслов.

Вскоре после этой встречи, под Новый год, Солженицына приняли в Союз писателей РСФСР – «без обычной процедуры, без поручительств, даже сперва без заявления»¹⁶². «Звали меня, чтобы в пол-

---

159. Солженицын А.И. Образованщина // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. С. 119.

160. Солженицын А.И. Образованщина. С. 115.

161. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. С. 254-255.

162. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 48.

часа выписать мне московскую квартиру... я гордо отказался»¹⁶³.

Вступив в Союз писателей, 1 января 1963 года Солженицын оставит свое учительское ремесло и полностью посвятит себя литературе. Жаль! Возможно, школа на ул. Революции прославилась бы и новыми Ландау и Капицами, а наша страна осталась бы в своих старых границах...

В марте пошли первые деньги из-за границы. Для валютных поступлений Солженицыны заводят счет во Внешторгбанке. Предложили Солженицыну и новую квартиру в Рязани – трехкомнатную. Писатель отказался, заявив, что имеет право на большую¹⁶⁴.

В декабре 1963 года Солженицыны купили машину – свой первый «Москвич» семейная чета шуточно прозвала «Денисом»¹⁶⁵.

За несколько дней до Нового года имя Солженицына, автора всего лишь четырех (!) опубликованных произведений (помимо «Ивана Денисовича» в «Новом мире» вышли рассказы «Матренин двор», «Случай на станции Кочетовка» и «Для пользы дела») было внесено в «лонг-лист» кандидатов на соискание Ленинской премии – беспрецедентный случай! Александр Исаевич с волнением следил за работой Комитета по Ленинским премиям, постепенно отсеивающего менее достойных. Независимо от его решения, Солженицын оставался в выигрыше: победит – хорошо, не победит – будет повод, свалив неудачу на политическую ангажи-

---

163. Там же.

164. Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. №2. С. 68.

165. Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 189.

Под капотом «Дениса».
Крым, 1966 г.

рованность конкурса, записаться в диссиденты и заручиться поддержкой фрондирующей интеллигенции внутри страны и зарубежных «друзей».

Из 19 фигурантов «лонг-листа» в скором времени осталось семеро, из тех были отобраны двое – Солженицын и Олесь Гончар; последний и стал лауреатом. Мало кто расценил тогда, в середине апреля 1964 года, поражение недавнего триумфатора и любимца властей как один из симптомов скорых перемен в руководстве партии...

17 апреля Хрущёв отметил свое семидесятилетие. С высокой трибуны его поздравляли первые лица страны и выдающиеся деятели искусств. В ответной речи сказал: «Семьдесят – это не возраст».

Ровно через полгода, 17 октября, газеты опубликовали сообщение: «Пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу Н.С. Хрущёва об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета министров СССР в связи с **преклонным возрастом** и ухудшением состояния здоровья». Эта «просьба» официально оформляла недобровольный уход на пенсию.

«Ближайшие соратники, поздравлявшие Хрущёва весной, уже тогда составили против босса заговор в пользу Леонида Брежнева, вручавшего “нашему дорогому Никите Сергеевичу” третью звезду Героя Соцтруда. Лето прошло в осторожных переговорах с членами ЦК – обеспечивалось единодушное голосование по главному оргвопросу.

“Хрущ” – так называли главу партии и правительства на этих посиделках – надоел всей элите своими бесконечными нововведениями, сотрясав-

шими руководящий класс. Кампании последних лет – особенно хозяйственные – явно провалились. Борец с культом Сталина не противился созданию собственного, довольно комичного. В целом исчерпанность хрущевского десятилетия выглядела очевидной, и заговорщики набрали сторонников довольно легко – от участия в дворцовом перевороте не отказался ни один из приглашенных.

**На свое семидесятилетие
Хрущёв получил орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».
До «сковыра Никиты» (по выражению Солженицына)
оставалось всего полгода.
(Фото из журнала «Огонек», №18, 1964 г.)**

Расширенное заседание Президиума ЦК собирают, когда Хрущёв отдыхает в Пицунде. Его упрощают прилететь на следующий день – якобы на совещание по сельскому хозяйству. Отпускник возвращается в Москву, а там ему предъявляют

категорическое требование подписать заявление об отставке и отказаться от выступления на пленуме. Хрущёв тогда произнесет фразу, которую будет потом много раз повторять: самое главное, что я сделал, – что меня можно снять простым голосованием, тогда как Сталин велел бы всех арестовать. Постановление пленума ЦК КПСС предрешено – не обсуждая доклад идеолога Суслова о перегибах и личной нескромности правителя, Хрущёва делают персональным пенсионером союзного значения. ...

После пленума пройдут местные партактивы – на них объяснят, что такое волюнтаризм. Это слово четверть века прослужит единственной оценкой хрущёвского правления; сама фамилия Хрущёв будет под запретом»¹⁶⁶.

«Оттепель» закончится, а вместе с ней – и вольница для Солженицына. Его разоблачения «ужасов сталинизма» перестали быть актуальными и востребованными – перед руководством страны вставали новые задачи...

---

166. Парфёнов Л. Намедни. 1961-1970. Наша эра. М.: Колибри, 2009. С. 108.

СМЕЕШЬ ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ?

22 августа 1968 года, через день после ввода в Чехословакию танков стран Варшавского договора, поэт Александр Галич написал:

*И все так же, не проща,
Век наш пробует нас -
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!*

Фраза Галича звучала как призыв, и этот призыв был услышан.

Через три дня, 25 августа, на Красную площадь вышли «семеро смелых» – непримиримые интеллигенты Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов и Виктор Файнберг. Устроившись у Лобного места, они развернули лозунги – «Руки прочь от ЧССР!», «Позор оккупантам!» и проч. – и стали ждать реакции. Каковая

последовала незамедлительно – буквально через минуту демонстрантов вежливо обступили сотрудники органов в штатском. Вскоре двое активистов будут посажены, троих сошлют, еще троих упекут в психушку.

Где же находился все это время правдоруб и защитник угнетенных Александр Солженицын?

Пять дней, прошедших с 21 августа, во избежание героизма он просидел на своей дачке под Обнинском¹⁶⁷. Идти на площадь? Рисковать свободой? Рискуют пусть *кто дурней!*

Это потом уже, через годы, сочиняя «Теленка», Солженицын будет уверять, что в те дни ему на месте не сиделось: «Подошвы горели бежать, ехать. И уже машину я заводил (ручкой)»¹⁶⁸. Да только подумалось ему вдруг: а стоит ли? Ведь то, что сейчас только и надо – это поставить свою подпись под тремя словами: «Стыдно быть советским!» Но, – рассуждает борзовский сидень, – никто из знаменитостей, ни Ростропович, ни Сахаров, ни Капица, этого не подпишет – побоятся, а то и *«захлопочут искорежить»* его немногословный текст. А значит, и он ничего подписывать не будет: «Зарычал мотор – а я не поехал».

И то ведь: а вдруг накажут? Срежут голову под танковый гул, незаметно. А ведь сколько еще не сделано, и главного не сказано!

Нет, – рассуждает Солженицын, – крикнуть-то я способен. «Но вот что: главный ли это крик?

167. Свою дачу Солженицын величал высокопарно: «Рождествона-Истье», а его жена Наталья Алексеевна называла ее по имени прежнего владельца дачи Борзова – «Борзовкой».

168. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №7. С. 98.

Крикнуть сейчас и на том сорваться, значит: такого ужаса я не видел за всю свою жизнь. А я видел и знаю много хуже, весь “Архипелаг” из этого, о том же я не кричу? все пятьдесят лет из этого – а мы молчим? Крикнуть сейчас – это отречься от отечественной истории, помочь приукрасить ее. **Надо горло побережь для главного крика.** Уже недолго осталось. Вот начнут переводить «Архипелаг» на английский язык...»¹⁶⁹

В Москву Александр Исаевич прибыл лишь 26 числа – для знакомства с академиком Андреем Сахаровым. Возможно, помимо прочего предметом их беседы были и пражские события, однако ни на какие поступки Солженицына это не подвигло.

Его не оказалось даже среди 95 деятелей науки и культуры, подписавших письмо протеста против обвинительного приговора незадачливой «семерке». Александр Исаевич перестраховался и здесь: а вот как начнутся репрессии против несогласных – оно ему надо?

«Угрожаемый автор» дул на воду: ни актера Игоря Квашу, ни писателя Виктора Некрасова, ни других подписантов власть не тронула. Их петицию просто проигнорировали. В чисто технологическом отношении это было, кстати, совершенно правильно.

Бережь горло для главного крика – у Солженицына это получалось замечательно.

В начале шестидесятых партия и правительство начали борьбу с «лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда» – подпольны-

---

169. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №7. С. 98.

ми цеховиками, промысловиками, фарцовщиками, находившими лазейки работать на себя, а не на государство. Под раздачу попал и поэт Иосиф Бродский, арестованный и представший перед судом «за тунеядство» в феврале 1964 года – он не состоял в Союзе писателей и, значит, не считался профессиональным литератором. «Литературный трутень» (именно так был ославлен Бродский на страницах газеты «Вечерний Ленинград») был приговорен к пятилетней ссылке в «места, не столь отдаленные»¹⁷⁰ – а именно в деревню Норинская Архангельской области.

И тут, на закате хрущевской эпохи, случилось что-то новенькое – началась широкая общественная кампания в защиту поэта. Появилось обращение к советскому руководству, подписантами которого стали многие писатели, музыканты, ученые¹⁷¹. Было предложено присоединиться и Солженицыну. Однако сделать это он отказался наотрез¹⁷². Дело в том, что именно в это время фамилия писателя фигурировала в списке кандидатов на Ленинскую премию. Подписать за Бродского означало для Солженицына собственноручно вычеркнуть себя из этого списка. Свобода и доброе имя какого-то там Бродского этого, конечно, не стоили.

Благодаря заступничеству советской интеллигенции Бродский пробудет в ссылке всего

170.оборот «места, не столь отдаленные» появился в российском судебном обиходе XIX в. – так назывались территории для ссылки арестантов, находящиеся в относительной близости от столицы – в отличие от «отдаленных» Сибири, Забайкалья, Колымы и Сахалина.

171.Словечко «подписант» получает распространение именно тогда, в связи с процессом Бродского.

172.Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве. С. 104.

полтора года. В 1972 году он эмигрирует, а в 1987-м получит Нобелевскую премию по литературе. К проигнорировавшему его Солженицыну Бродский до конца жизни будет относиться с пиететом, называя его «Гомером советской власти» и сравнивая «Архипелаг Гулаг» с «Илиадой»¹⁷³. Солженицын же будет свысока давать уникальному поэту советы, как правильно писать стихи, и обвинять его в элитаризме и отсутствии «человеческой простоты»¹⁷⁴.

Поберег себя, единственного, Солженицын и зимой 1965-1966 года, отказавшись постоять за писателей-диссидентов Андрея Синявского и Юлия Даниэля. С конца пятидесятых под псевдонимами, соответственно, Абрам Терц и Николай Аржак они печатали на Западе дурашливые пасквили о жизни в Советском Союзе. Хитроумный КГБ псевдонимы разгадал и авторов отловил. Судили их по статье 70-й: «Антисоветская агитация и пропаганда». На процессе Синявский настаивал на своем праве на инакомыслие и объяснял свое поведение «стилистическими разногласиями с советской властью».

5 декабря, в день Конституции, на Пушкинской площади в Москве состоялся политический митинг. Цель его заключалась в том, чтобы выразить протест по поводу преследования Даниэля и Синявского и потребовать у государства соблюдения политических свобод, разрешенных Основным

---

173. Бродский И. География зла // Литературное обозрение. 1999. № 1. С. 4-8.

174. Солженицын А. В. Иосиф Бродский – избранные стихи // Новый мир. 1999. №12.

**Бродский в ссылке.
Элегантный ватник ему определенно к лицу**

законом СССР. Готовили митинг соратники Солженицына по антисоветской фронде поэт Александр Вольпин¹⁷⁵ и прозаик Владимир Буковский, и Александр Исаевич, находясь в те дни в Москве, не мог о нем не знать. За несколько дней до митинга Солженицын исчез из Москвы. И 5 декабря, в то самое время, как спецслужбы ловили на Пушкинской правозащитников с их нелепыми и наивными плакатами¹⁷⁶, он уже грелся у теплой печки на хуторе Хаава¹⁷⁷.

В январе 1966 года суд приговорил Даниэля к пяти, а Синявского – к семи годам строгого режима. В последнем слове подсудимые горячо рассуждали о невозможности судить художественное произведение по Уголовному кодексу – мысль, определенно близкая Солженицыну. Как же ведет себя совесть нации? Совесть нации вновь не при чем. Через Николая Тимофеева-Ресовского Александру Исаевичу было передано для подписи письмо в защиту осужденных диссидентов¹⁷⁸, однако тот отказался его подписать, заявив, что **«не подобает русскому писателю печататься за границей»**.

---

175. Поэт Александр Вольпин (сын Сергея Есенина) и сам был не без грешка – в 1961 г. он издал в Лондоне сборник стихов «Весенний лист».

176. По итогу мероприятия за решеткой оказались около двадцати человек.

177. На принадлежавшем вдове биолога Порты Марте хуторе Хаава Солженицын провел две зимы. Это место близ Тарту он именновал исключительно изящно: «Укрывище». От кого ему надлежало в те дни укрываться, впрочем, непонятно. От властей, бегавших за ним с ордерами на квартиру и прочими *ништяками*? Или, может, от назойливой либеральной интеллигенции, то и дело пытавшейся втянуть его в какую-нибудь правозащитную историю?

178. Всего под письмом в защиту Даниэля и Синявского поставили свои подписи 62 писателя.

«Меня обескуражил не отказ, а его мотивировка», – отмечала позднее жена Синявского Мария Розанова¹⁷⁹. «Самое забавное, – подчеркнула она, – что к тому времени все рукописи Солженицына уже были за границей»¹⁸⁰.

Уточним, что к этому времени Солженицын успел совершенно официально напечатать за границей «Ивана Денисовича» и несколько рассказов и даже получить за них гонорар. Что касается произведений, которые не могли быть опубликованными в Советском Союзе по идеологическим соображениям, то их еще в октябре 1964 года тайно вывез за рубеж Вадим Леонидович Андреев, сын известного русского писателя.

Впоследствии Солженицын выскажется о Даниэле и Синявском в другом тоне: «Как когда-то Пастернак отправкой своего романа в Италию, так теперь Синявский и Даниэль за свое писательское душевное двоение беспokoянным принятием расплаты, – открывали пути литературы и закрывали пути ее врагов. У мракобесов становилось простора меньше, у литературы – больше»¹⁸¹. Но даже комплименты в устах Солженицына хуже яда. «Признав таким образом историческое значение процесса Синявского и Даниэля и смелого (“беспокоянного”) их поведения на этом процессе, он все-таки не преминул попенять им за их “душев-

179. Бетелл Н. Путешествие англичанина в поисках России. М.: Эгмонт-Россия Лтд., 2002. С. 21.

180. Розанова М. «Солженицын полоснул меня таким взглядом, что я поняла – это враг на всю жизнь» / [Интервью взял М. Чикин] // Комсомольская правда. 1999. 13 января.

181. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 94.

ное двоение”, – отмечает литературовед Бенедикт Сарнов. – Тоже, наверно, в оправдание давешнего своего отказа выступить в их защиту»¹⁸².

Со своей теорией главного крика Солженицын подходил не только к себе. Александр Исаевич и других отговаривает от активных действий, мол, глупо это все, нешто не понимаете? Делом надо заниматься, готовить горло к Главному Крику.

В начале 1969 года Солженицын знакомится с известным правозащитником – бывшим генералом Петром Григоренко, имевшим широкие связи в диссидентском движении. Среди его друзей числились Людмила Алексеева, Лариса Богораз, Александр Гинзбург, Наталья Горбаневская, Сергей Ковалев, Лев Копелев, Анатолий Марченко, Анатолий Якобсон и др. Григоренко приехал к Солженицыну в деревню Давыдово Рязанской области – еще одно «укривище» писателя – и провел там около суток. По воспоминаниям б/генерала, все это время Солженицын пытался отговорить его от правозащитной деятельности. «Преступно, – заявлял он, – допускать, чтобы такой человек бегал по судам и писал воззвания в защиту арестованных, воззвания, на которые власти не обращают внимания». Вместо этого Александр Исаевич предлагал Григоренко взяться за перо и внести свой вклад в создание «правдивой истории» Великой Отечественной войны¹⁸³. Но переубедить гостя ему не удалось.

В мае 1969 года Григоренко арестовали, а ровно через год академик Сахаров организовал кампа-

---

182. Сарнов Б. Феномен Солженицына. М.: Эксмо, 2012. С. 462.

183. Григоренко П. Воспоминания // Звезда. 1990. №12. С. 168-171.

нию в защиту Петра Григоренко и еще одного арестанта, Анатолия Марченко – и предложил Солженицыну принять в ней участие. Однако Александр Исаевич отказался, заявив: **«Они избрали свою судьбу сами»**¹⁸⁴.

«Они избрали свою судьбу сами»... Не правда ли, как-то странно звучит эта фраза в устах человека, назначившего себя главным борцом с режимом? Типа, так им и надо, сами виноваты! Это он о своих товарищах по сопротивлению. А не он ли писал: «Стыдно быть историческим романистом, когда душат людей на твоих глазах. Хорош бы я был автор “Архипелага”, если б о продолжении его сегодняшнем – молчал дипломатично»¹⁸⁵.

А ведь молчал – и почитал это верхом благоумия. Ему ли, великому, размениваться на Бродских? Его ли царское дело писульки подписывать? Какой в этом толк? Пусть напишут в «Спортлото»!

Нет, перед ним стоят задачи куда грандиознее!..

«Десятилетиями я ощущал себя, может быть, единственным горлом умерших миллионов – против главного нашего всеобщего Врага. Таился, готовился, потом бился, и положил все свои жизненные силы, и едва не саму жизнь, и рвал ту Твердыню подкопами, конспирацией, “Иваном Денисовичем”, “Кругом”, “Корпусом”, “Архипелагом”»¹⁸⁶.

Другими словами, пока не пришло время для Главного Крика, можно отсиживаться в «укриви-

184. Сахаров А.Д. Воспоминания // Знамя. 1991. №1. С. 182.

185. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №8. С. 10.

186. Солженицын А.И. Угодило зернышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания // Новый мир. 2000. №9. С. 137.

цах», приспособливаться, идти на сделки с совестью, лебезить перед властью – с тем лишь, чтобы обеспечить себе максимально комфортные условия существования.

«Сила моего положения была в **чистоте имени от сделок**», – хвастался Солженицын в «Теленке»¹⁸⁷. Ой ли, Александр Исаевич? Хитрите!..

В 1963 году у Солженицына случился спор с Твардовским относительно очередной пьесы на лагерную тему «Олень и шалашовка» – ввиду весьма сомнительных художественных достоинств этого произведения главред «Нового мира» не рекомендовал автору передавать ее театрам для возможной постановки. Взволнованный Солженицын тут же позвонил... Владимиру Лебедеву. Обставлено это было так, как будто писатель просит у помощника Хрущёва не высочайшей поддержки, а «товарищеского совета коммуниста». «Мне будет очень больно, – уверял его Александр Исаевич, – если я в чем-либо поступлю не так, как этого требуют от нас, литераторов, партия и **очень дорогой для меня Никита Сергеевич Хрущёв**»¹⁸⁸.

По результатам телефонного разговора с писателем Лебедев составил справку для своего босса, которая заканчивалась так: «Солженицын просил меня, если представится возможность передать его самый сердечный привет и наилучшие пожелания Вам, Никита Сергеевич. Он еще раз хочет заверить Вас, что он хорошо понял вашу отеческую заботу

---

187. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 73.

188. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. Б.м.: Родина, 1994. С. 5, 6.

о развитии нашей советской литературы и искусства и постарается быть достойным высокого звания советского писателя»¹⁸⁹.

От постановки пьесы «сверху» было рекомендовано воздержаться. Отдавший ее было в «Современник», Солженицын послушно забрал ее обратно. Слово начальства – закон!

В общем, на борца с властью Солженицын не тянул. Вспомним, с каким волнением он ожидал Ленинской премии и как переживал, когда она досталась не ему. Выходит, получить награду из рук преступного режима не считал *за падло*. Даже награду имени презираемого им Ленина – *Вовки*.

Комментируя эту историю, Владимир Войнович признается: «Из литераторов моего круга я не знаю никого, кто бы так легко и беспардонно врал и льстил партийному руководителю»¹⁹⁰. Это реноме Солженицын оправдывает еще не раз.

17 июля 1965 года Солженицын получил приглашение на прием к кандидату в члены Президиума ЦК КПСС, заведующему Отделом культуры ЦК Петру Демичеву. Свой визит на Старую площадь Александр Исаевич подготовил тщательно – для придания себе независимого вида надел не полагающийся в таких случаях строгий костюм, а «легкомысленную апашку да еще навыпуск», выбрал заранее стратегию беседы (демонстрировать полную лояльность партии и правительству, во всем соглашаться, но держать при этом фигу в кармане). Отвечая на «каверзные» вопросы Демичева,

---

189. Кремлевский самосуд. С. 7.

190. Войнович В.Н. Портрет на фоне мифа. С. 66.

«совесть эпохи» доказывал, что он кровь от крови соцреализма. Для чего, например, написан рассказ «Для пользы дела»? Ну, как же, чтобы «напомнить, что коммунизм надо строить в людях прежде, чем в камнях»¹⁹¹. В общем, дурачил наивного аппаратчика как только мог. «Это был исконный привычный стиль, – с некоторым самодовольством напишет Солженицын, – лагерная “раскидка чернухи”; и прошло великолепно»¹⁹².

Разжившись нужной связью, уже той же осенью Солженицын попросил слугу преступного режима Демичева поспособствовать ему в получении квартиры в Москве. И, как лишний аргумент, организовал в поддержку этой просьбы коллективное письмо за подписью Петра Капицы, Константина Паустовского, Сергея Смирнова, Корнея Чуковского и Дмитрия Шостаковича. Квартира была выделена незамедлительно, правда, в Рязани – но очень хорошая и в самом центре.

Взял, не отказался. Не побрезговал. А чего б не взять? «Дают – бери», – гласит лагерная поговорка.

Точно так же, уже вернувшись в Россию из эмиграции, Солженицын, картинно отказавшись от ельцинского ордена («От верховной власти, доведшей Россию до нынешнего гибельного состояния, я принять награду не могу»¹⁹³), без лишних слов получит у той же самой власти четыре гектара земли в Троице-Лыкове – «в номенклатурном лесу среди нынешних вождей»¹⁹⁴.

---

191. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 74.

192. Там же.

193. Дёготь Е. Солженицын не принял награды // Коммерсантъ. 1998. 15 дек.

194. Войнович В.Н. Портрет на фоне мифа. С. 71.

«Почему же получить из преступных рук орден нельзя, а ордер можно? – удивляется Александр Островский. – Как же после всего этого говорить о “чистоте имени”»^{195?}

В свое время Пушкин вполне мог разделить судьбу своих товарищей-декабристов, выйдя с ними на Сенатскую. Лишь чудо его уберегло. Накануне восстания поэт как чувствовал, что надо ему в Петербург – выехал из Михайловского, однако завернул назад: заяц дорогу перебежал. Недобрый знак: пути не будет. Потом Пушкин все рисовал в тетрадках виселицы и профили казненных дворянских революционеров – Пестеля, Рыльева, Муравьева-Апостола, Каховского, Бестужева-Рюмина. Даже написал рядом: «И я бы мог...» И вправду мог бы – если бы не заяц и древние суеверия.

Николай потом допытывался у доставленного к нему фельдъегерями Пушкина: принял бы он участие в 14-м декабря, если бы был в Петербурге? Поэт ответил честно и смело: «Непременно, государь. Все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем»¹⁹⁶.

Не стремился великий поэт уберечь себя для пресловутого «главного крика». И от друзей своих не отрекался – сами, мол, виноваты, сами свою судьбу избрали.

Галич, кстати, именно декабристов имел в виду – «Смеешь выйти на площадь?...» Пушкин бы посмел, а вот Солженицын даже не попробовал. Потому, наверное, и прожил чуть ли не втрое дольше своего тезки.

---

195. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 461.

196. Смирнов-Ульяновский В. Пушкин и декабристы // А.С. Пушкин. 1837-1937: Сборник статей и материалов. Саратов: Саратовское областное издательство, 1937. С. 60.

ЭТИКА " ГЛАВНОГО КРИКА "

Солженицын с гордостью рассказывал о своем умении благоразумно отсидеться в сторонке.

В 1944-м он пишет с фронта Николаю Виткевичу: «**Я всегда стараюсь избегать боя** – главным образом потому, что надо **беречь силы**, не растрачивать резервов – и не тебя мне пропагандировать в этом»¹⁹⁷.

Через двадцать лет Виткевич, отмотавший немалый срок по навету Солженицына (большую часть срока он провел в воркутинских шахтах), встретится со своим школьным товарищем в Рязани. Тем для разговора накопилось много, но о главном – как случилось так, что его друг пошел на предательство и оговор – Виткевич так и не заговорил: «Зная моего друга, я не сомневался в том, что он все равно посчитал бы себя правым и сослался бы на то, что его главной задачей было **спасти для России великого писателя**»¹⁹⁸.

---

197. Из письма Солженицына Виткевичу, 25 декабря 1944 г. // Столяров К.А. Палачи и жертвы. С. 333-335.

198. Виткевич Н. «Меня предал Солженицын...» С. 141-142.

Именно в этом видел Солженицын свой единственный долг – остаться живым и здоровым. Никакого другого долга – ни перед страной, ни перед людьми – он не признает. Его автобиографический персонаж и альтер эго Глеб Нержин предельно ясно выразит эту мысль, обращаясь к товарищу по отсидке: **«Я ничего никому не должен, запомни!»**¹⁹⁹

А значит, горите вы огнем, бедные, страждущие, просящие о помощи.

В «Архипелаге» Солженицын рассказывает позорную историю о том, как однажды на фронте он струхнул сделать замечание сержанту-особисту, издевавшегося над пленным власовцем: «Сидя на лошади, [особист] погонял его перед собою кнутом и наседанием лошади. Он полосовал его по голому телу кнутом, не давая оборачиваться, не давая звать на помощь, гнал его и бил, вызывая из кожи новые красные ссадины»²⁰⁰. Пленный молил Солженицына о помощи: «Господин капитан! Господин капитан!»

И что же капитан?

Для советского фронтовика вполне естественно ненавидеть власовца – предателя, направившего оружие против своего народа, но офицерская честь должна была обязать Солженицына остановить бессудное истязание.

Но Солженицын не стесняется признаться: **«Я струсил защищать власовца перед особистом, я ничего не сказал и не сделал, я прошел мимо, как бы не слыша – чтоб эта признанная всеми чума не перекинулась на меня (а вдруг этот власов-**

199. Солженицын А.И. В круге первом. МСС. Т. 1. С. 31.

200. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 183.

вещ какой-нибудь сверх-злодей?.. а вдруг особист обо мне подумает..? а вдруг..?) ... И со зверским лицом особист продолжал стегать и гнать беззащитного человека как скотину»²⁰¹.

Как вы думаете, какой вывод сделал Солженицын из этой истории? Может быть, что стыдно быть трусом? Или, допустим, что война меняет представления о морали?

Отнюдь! Его вывод – парадоксален: **«Хуже всего на земле быть русским»**²⁰².

А вот Солженицын уже в Степлаге. Он только что написал донос, спровоцировавший кровавое подавление волнений заключенных. И вот теперь он выступает на бригадирском совещании, разумеется, делая вид, что он – не при чем. В своем обычном стиле он обставляет в «Архипелаге» свой спич как величественную битву Добра с темными силами, описывает в самых ярких красках, до чего красиво, насколько достойно он выглядел на этом ристалище, как легко парировал любую реплику гражданина начальника:

«– А где вы работаете?..

– На мехмастерских! – **швыряю я через плечо...**

– Там, где делают ножи? – бьет он меня спрямака.

– Нет, – **рублю я с косого удара**, – там, где ремонтируются шагающие экскаваторы! – (Сам не знаю, откуда так быстро и ясно приходит мысль)...

– Вас делегировали сюда бандиты?

– Нет, пригласили вы! – **торжествующе секу я его с плеча...**

---

201. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 183.

202. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 183.

Еще раз два он выпрыгивает и полностью смолкает, отраженный.

Я победил».

Так он считает. Вот только уже в том же абзаце выясняется, что ничего из того, что собирался, наш пламенный оратор сказать так и не решился:

«Один год остался мне и давит. И язык мой не вывернется сказать им то, что они заслужили. Я мог бы сказать сейчас бессмертную речь, – но быть расстрелянным завтра. И я сказал бы ее все равно, – но если бы меня транслировали по всему миру! **Нет, слишком мала аудитория**»²⁰³.

Правда что – какой прок разоряться перед лагерной администрацией? Побережем себя для Истории.

И вот Солженицын уже в казахской ссылке. У него появился новый знакомый – учитель биологии Георгий Митрович, пожилой больной серб, отбывший свою десятку на Колыме. В Кок-Тереке Митрович «неуемно боролся за местную справедливость»²⁰⁴ – разоблачал беззаконие на педсоветах, заваливал жалобами областное начальство, требовал проверок, инспекторов – в общем, любо-дорого посмотреть! «Он славно бился! – восхищается Солженицын. – И если б еще к нему присоединился я, – здорово бы мы их потрепали»²⁰⁵.

Ну и? Присоединился? Как же!

Александр Исаевич нисколько не стесняется признаться: «Я – **нисколько ему не помогал**. Я хранил молчание... Я таил свою задачу: я писал и писал. Я **берег себя** для другой борьбы позднейшей».

203. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 182.

204. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 290.

205. Там же.

И далее объясняет свою апатию: «Весь бой его был заведомо безнадежен, это тесто нельзя было промесить... Только размытое светлое пятнышко чуть померцало бы на ограниченном месте – и затянуло бы его серым»²⁰⁶.

А вот Солженицын – уже на свободе. Он – простой рязанский учитель, скоро он станет самым модным в стране писателем, но пока что вынужден прятать свое творчество по чужим квартирам.

«Под новый 1962 год мы с женой повезли мой хранимый архив к ее приятелю Теушу в Москву (через три с половиной года он-то и будет захвачен опричниками). Этот переезд я особенно запомнил потому, что в праздничной электричке какой-то ворвавшийся пьяный хулиган стал глумиться над пассажирами. И так получилось, что никто из мужчин не противодействовал ему: кто был стар, кто слишком осторожен. Естественно было вскочить мне – недалеко я сидел, и *ряжка* у меня была изрядная. Но стоял у наших ног заветный чемоданчик со всеми рукописями, и я не смел: после драки неизбежно было потянуться в милицию, хотя бы свидетелем, с чемоданчиком ли, без – *обою рябою*. Вполне была бы русская история, чтоб вот на таком хулигане оборвались бы мои хитрые нити. Итак, чтобы выполнить русский долг, надо было **не русскую выдержку иметь. И я позорно, трусливо сидел, потупя глаза** от женских упреков, что мы – не мужчины»²⁰⁷.

И в «Архипелаге», и в «Теленке» много описывается таких случаев, когда можно было бы закричать

---

206. Там же.

207. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 26.

и привлечь внимание людей к несправедливости, но... он не делал этого, потому что аудитория мала, погибнешь не за грош, а вот так он сохранил себя для истории, не поддавшись мимолетному порыву.

Стратегема № 5

Не разменивайтесь на мелочи. Берегите себя для Главного Дела.

Один из наиболее интересных русскоязычных философов современности Михаил Эпштейн называет эту трусость Солженицына «отсроченным мужеством» и развивает целую этическую концепцию, которая, дескать, ультрасовременна, невиданна ранее. Со времен Платона и Аристотеля не было, мол, таких новаций в этической проблематике – Эпштейн даже слово новое придумывает: «стереоэтика». В чем же суть этой стереоэтики в сравнении с этикой прежней, по которой жили тысячи лет все «непродвинутые» поколения многострадального человечества?

Вместо всем известного «золотого правила» Эпштейн предлагает правило золото-алмазное: «Делай то, в чем нуждаются другие и чего на твоём месте не мог бы сделать никто». Все прежние этические концепции требуют самоотверженности, а Эпштейн предлагает себя любимого не забывать.

Например, горит девочка в огне, а мимо идет прохожий. Прежняя этика с ее «золотым правилом» требует, чтобы прохожий «сделал то, что бы он хотел, чтобы сделали ему на месте другого». Понятное дело, не «вообще, что бы он хотел», что-

бы ему сделали, например, подарили бы дом на берегу моря, а в данной конкретной ситуации. На месте данного конкретного человека нужно поступить так, как если бы он сам был на месте этой девочки и хотел бы быть спасенным. То есть нужно, забыв себя, бежать спасать девочку.

Эпштейн же, начитавшись Солженицына, предлагает вместо совести включить здесь мудрость и подумать: а если этот прохожий – известный писатель, ученый или еще какой-то талант, а вдруг он погибнет в огне и девочку не спасет? И вообще согласно новому «алмазному правилу» Эпштейна, разве именно такой поступок будет для этого прохожего уникальным и помогающим его самореализации? Нет! Девочек из огня спасать может любой амбал, дурачок Вася из соседнего подъезда, не имеющий никаких талантов, а вот гению подавай такое занятие, которое бы кроме него никто не мог осилить! Так что гори, девочка, синим пламенем! Вот шел бы мимо тебя какой-нибудь глупый качок, как раз и приспособленный для таких подвигов, то тебе бы повезло, а тут ты, девочка, слишком много хочешь, нельзя, девочка, фотоаппаратом забивать гвозди, а гениям пожарниками работать!

По мнению Эпштейна, такое «отсроченное мужество» подобно процентам по долгу. Если человек совершил ряд поступков такого рода, то он идет на риск не рассчитаться по долгам. Допустим, этот прохожий, как писатель, написал книжку о том, как хорошо молодым людям спасать девочек из огня и тем самым вдохновил людей на подвиги, и возможно, спас еще десятки девочек, взамен той, которую не спас непосредственно. Или этот прохожий ока-

зался ученым, который изобрел вакцину от детского полиомиелита и тем самым спас еще миллионы детей, вернул бы, так сказать, долг... А вот если этот гений, сохранивший себя, ничего не сделал, чтобы вернуть долг по отсроченному мужественному поступку, тогда он, действительно, трус...

Интересная концепция... И, пожалуй, интересно было бы провести с Эпштейном чисто философскую дискуссию. Однако, вот беда, к Солженицыну-то все это отношения не имеет. Ну, допустим, решил он, что не гоже ему, будущему великому писателю, гибнуть в окопе, ведь так погибнуть может любой русский Ванька, и нет в этом для его талантов солженицынских никакой уникальности и самореализации...

Однако долг перед погибшим за него русским Ванькой должен был бы, по Эпштейну, накапливаться, и затем именно этого Ваньку и его подвиг Солженицын и должен был воспеть!

Своим «Архипелагом» Солженицын не только не отдал долги всем тем, кто вместо него сражался на фронте, но и, наоборот, дискредитировал все их жизни и смерти, объяснял всем, что не за то они гибли и зря воевали.

Вернемся к примеру с девочкой в огне. Есть действительно, чувство вины, которое могло бы потом душиить и мучить прохожего и подталкивать его к какой-то помощи детям. И являлась бы эта девочка ему во сне до тех пор, пока он внутреннее не посчитал бы, что долг не отдан.

Но ведь тот же случай мог бы оказать и другое воздействие: трус, прошедший мимо и видевший, как девочка сгорела, мог не посчитать себя виноват-

тым, а в качестве самооправдания и защиты сочинить себе теорию, что «дети вообще зло, особенно маленькие девочки», и так на этой почве свихнуться, стать маньяком, который бы по вечерам, как Фредди Крюгер, выходил бы убивать маленьких девочек.

Именно так часто и появляются разные маньяки, которые таким образом, компенсируют некое травматическое событие.

Поэтому действительно, возможно, чувство вины очень плодотворно, чувство долга, по которому бегут проценты, – плодотворно, а вот чувство правоты, чувство, которое целое мировоззрение придумывает, чтобы оправдать свой низкий поступок – пагубно.

Но Солженицын – как раз именно этот случай, это случай нераскаявшегося в своей трусости человека, того, кто предпочел соорудить себе теорию, что «все девочки плохи», чтобы не испытывать чувство вины за то, что он не спас одну.

Он придумал мировоззрение, согласно которому и война была неправая, и Сталин был плох, и все погибшие – погибли напрасно, один он, Солженицын, все правильно сделал.

Собственно, донос на себя – это логика сохранения себя драгоценного для истории. А то ведь погиб бы как простой солдатик, и не увидел бы мир Нобелевского лауреата... Пусть лучше другие гибнут, а он в тылу посидит.

Предав один раз Родину, став дезертиром, Солженицын теперь уже вынужден был всю оставшуюся жизнь внутренне оправдывать свой поступок:

дескать, такая в тот момент Родина была, что грех ее не предать, Сталин не лучше Гитлера и так далее.

Предав один раз, он покатался по наклонной, оклеветал друзей, сделался лагерным агентом КГБ по кличке «Ветров», живущий по уголовному принципу: «Подохни ты сегодня, а я завтра!»²⁰⁸

«Нельзя не отметить, – напоминает Бушин, – что душу-то свою драгоценную Александр Исаевич Ветров продал не на дыбе, не стоя босыми ногами на раскаленных углях, не после месяца холодного карцера или недели бессонницы, или хотя бы пяти дней без хлеба на одной воде, а просто позвали и спросили: “Можете?” – и он ответил: “Можно. Это – можно!”»²⁰⁹

---

208. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 226.

209. Бушин В.С. Александр Солженицын: Гений первого плевка. С. 133.

ИЗОБРАЖАЯ ЖЕРТВУ

Классе в пятом Саня Солженицын подрался со своим школьным другом Шуриком Каганом (обозвал его «жидом пархатым», и тот вихрем налетел на нескладного долговязого «Моржа». В неловком падении Саня ударился о парту и рассек лоб. Шрам останется у него на всю жизнь).

Весь класс был на стороне Шурика Кагана. Но учителя рассудили по-своему: Солженицын был лучшим учеником в классе, на его лбу была рана, а в глазах – испуг и обида. Так что дело кончилось изгнанием Кагана из школы за хулиганство.

«Едва Каган собрал свои вещички, Солженицын обнаружил удивительную вещь: **быть жертвой выгодно**, – отмечает чехословацкий журналист Томаш Ржезач. – Много можно заработать, если ценой боли или временных неприятностей (при условии, разумеется, что они не опасны для жизни) прирешь венец мученика. Отличный математик, Солженицын сумеет сообразить, что стоит многое по-

терять, чтобы затем приобрести, и эту “формулу” он будет не раз виртуозно применять в жизни»²¹⁰.

Ореол мученика придает особый шарм образу писателя. И в тюрьме-то он пострадал безвинно, и потом, на свободе, теплого места себе не нашел. И шпыняли его, и не пуцали, и в журналах толстых не печатали. И жизнь его ну просто на волоске висела каждую минуту. Но он смог, он выстоял – и тем ценнее должна быть каждая строчка, вышедшая из-под его пера.

Солженицын даже эпитет себе придумал: «*угрожаемый автор*», так он величал себя в «Теленке».

Чем же ему угрожали, и какие дивиденды ему это принесло?

«Первый звоночек» раздался, по заверениям Солженицына, в сентябре 1965 года, когда были арестованы Даниэль и Синявский.

«“Тысячу интеллигентов” требовали арестовать по Москве подручные Семичастного, – пишет Солженицын о том времени. – В то тревожное начало сентября я задался планом забрать свой роман из “Нового мира”: потому что придут, откроют сейф и... Рано все было затеяно, надо спешить **уйти в подполье и замаскироваться математикой**»²¹¹.

Но так ли это?

Дотошный Александр Островский установил, что «В круге первом» автор забрал из редакции накануне арестов диссидентов, а именно 7 сентября – и, стало быть, отнюдь не в связи с ними, а по какой-то другой причине.

Какой же?

---

210. Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. С. 20.

211. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 77-78.

Свое решение забрать роман Солженицын объяснял Твардовскому тем, что, якобы, синтаксис надо переделать. Главред не поверил. Тогда Солженицын «открывается»: не считаю, мол, надежным ваш сейф.

Снова рисовка? Дескать, я – самый опасный человек на двух полушариях, за мной ведет охоту КГБ, и рано или поздно они доберутся и до вашей редакции. Но вот какое дело: в «Новом мире» роман находился совершенно легально, отношения его автора с журналом скрепляли не только договор, но и выплаченный ему аванс в размере 2250 рублей.

Но тогда получается, что роман понадобился где-то в другом месте.

«Куда же, почувствовав необходимость спешно “уйти в подполье”, отправился прятать свое “криминальное” произведение Александр Исаевич? – задается вопросом Островский. – Хотите – верьте, хотите – нет, но он не нашел более надежного места, чем редакция газеты “Правда”. Да, да, редакция Центрального органа ЦК КПСС. Следовательно, забирая роман из редакции “Нового мира”, Солженицын вовсе не собирался “уходить в подполье” и переквалифицироваться в “математики”»²¹².

В своем «Теленке» Солженицын объясняет это свое неожиданное решение заверениями Юрия Карякина, что его шеф Румянцев может напечатать пару глав из «Круга» в главной газете страны. Почему Солженицын не рассказал Твардовскому все как есть – непонятно. Зачем надо было наво-

---

212. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 169.

дить тень на плетень, придумывать каких-то преследователей?

Ну так-то ясно, зачем. У нас есть несколько знакомых из молодых, которые тоже прибегают к этому нехитрому приемчику, чтобы повисить свой вес в глазах окружающих – все время рассказывают о том, что их телефоны прослушивают спецслужбы, каждый шаг фиксируют чуть ли не со спутника, и вообще в любую секунду, да вот хоть прямо сейчас, их придут и арестуют. Простого, незначительного человека разве стали бы преследовать? Вот то-то и оно!

Интересно, что в редакцию «Правды» был передан только один экземпляр романа. Куда же Солженицын отнес остальные два? Казалось бы, решив спешно «уйти в подполье», он должен был зарыть их под самым тайным камнем. Между тем из «Нового мира» он отправился к своим знакомым Теушам, квартира которых, по его собственному свидетельству, к этому времени уже была на примете у КГБ и откуда он уже забрал часть своего архива. Свою рукопись, по словам писателя, он нес туда «собственно, даже не прятать»²¹³.

Для чего же тогда? Уж не для того ли, чтобы ее там нашли? Получается, что писатель сам спровоцировал изъятие у него литературного архива?

И действительно, не прошло недели, как Солженицын получил весть о том, что у Теушей и у их приятеля Ильи Зильберберга были обыски, и роман «В круге первом», а с ним и ряд других произведений конфисковали.

---

213. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 79.

Солженицын описывает этот факт как сокрушительный провал или, как сегодня модно выражаться, эпичный фейл: «Вот она была беда, а до сих пор – *предбедки!* Ломились и *рухались* мосты под ногами, бесславно и преждевременно»²¹⁴. Его якобы даже посетила мысль о самоубийстве²¹⁵, что уж вообще неожиданно. Но что находилось в этом захваченном КГБ архиве, и чем для него мог угрожать провал этого архива? Оказалось, что из 19 конфискованных текстов «четыре не имели к А.И. Солженицыну никакого отношения, авторство трех рукописей – неизвестно, две рукописи уже были опубликованы, три рассматривались на предмет публикации, что же касается остальных семи, то из них особый интерес для КГБ могла представлять только пьеса “Пир победителей”, автор которой, кстати, в тексте указан не был»²¹⁶.

Не удивительно, что никаких репрессий в отношении «угрожаемого автора» не последовало. На следующий день, 14 сентября, Александр Исаевич спокойно зашел в здание ЦК КПСС и собственноручно передал письмо для Петра Демичева его личному секретарю. Вот так – просто зашел в Приемную ЦК КПСС, как в какой-нибудь ЖЭК, – он, «гонимый», «угрожаемый», с минуты на минуту ожидающий ареста. В письме, составленном при участии Твардовского, Солженицын жаловался на «незаконное» (исправлено на «незаслуженное») изъятие его «главного» архива. На всякий случай

---

214. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 81.

215. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 80.

216. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 175.

были подготовлены письма также на имена Андропова, Брежнева, Суслова.

До 19 сентября Солженицын сидит в Борзовке и ждет ареста. Двери все открыты, но не идут ни комитетчики, ни даже милиционеры.

Тем временем в «Правде», куда Солженицын передал свой «Круг», происходят перемены – снимают Румянцев, и Александр Исаевич просит Карякина отвезти свой роман обратно в «Новый мир». Однако теперь Твардовский принять роман отказался. Солженицын собирает вещи и едет пожить к Корнею Чуковскому в Переделкино. Это время Александр Исаевич проводит исключительно плодотворно: «Я гулял под темными сводами хвойных на участке К.И. – многими часами, с безнадежным сердцем, и бесплодно пытался осмыслить свое положение, а еще главней – обнаружить высший смысл обвалившейся на меня беды»²¹⁷; «я залеживал подранком в отведенной мне комнате, по вечерам даже не зажигая лампочки для чтения, не в силах и читать»²¹⁸.

В октябре 1965 года Александр Исаевич предложил «Новому миру» свою пьесу «Свеча на ветру», но пьеса не заинтересовала журнал. Именно это Солженицыну и было нужно. Все шло по плану. «Я должен, – заявлял он тогда в своем узком кругу, – ...сделать так, чтобы наверняка задержали мою пьесу “Свеча на ветру”...одну пьесу зажали, вторую зажмут», а затем, исходя из этого, можно будет сделать публичный общественный протест,

---

217. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 84.

218. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №12. С. 13.

«сказать так, как бомбу сбросить, чтобы сразу на Западе было известно»²¹⁹.

Вскоре мечты писателя сбылись. 9 ноября 1965 года швейцарская газета «Нойе цюрихер цайтунг» сообщила об обыске и изъятии архива Солженицына. **«Это и было то, чего я жаждал минувших два месяца!»** – торжествовал «угрожаемый автор»²²⁰.

Однако успех надо было развивать. Необходимы были новые всплески активности, о которых бы стали говорить на Западе. Но для начала надо было обеспечить тылы и продемонстрировать свою лояльность существующей власти. В июле 1966 года Солженицын сочиняет письмо Брежневу. Текст письма был впоследствии опубликован в воспоминаниях Натальи Решетовской.

«Глубокоуважаемый Леонид Ильич! – пишет Солженицын, – Скоро уже будет год, как органами госбезопасности изъяты мой роман “В круге первом” и еще некоторые рукописи из моего архива. По этому поводу я обращался в ЦК в сентябре и в октябре прошлого года, однако тщетно ждал ответа или возврата рукописей. Тогда же я писал в ЦК, что среди этих рукописей есть такие, которые написаны 18-15 лет назад, еще в лагере, носят на себе невольную печать тамошней среды и тогдашних настроений, и что сегодня я также мало отвечаю за них, как и многие литераторы не захотели бы сейчас повторить иных речей, статей, стихов и пьес, напечатанных до XX съезда... В первую очередь это относится к пьесе “Пир победителей”, написанной в 1948-49 гг. в заключении, вынужденно без бумаги

---

219. Кремлевский самосуд. С. 8-14

220. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 89.

и карандаша, на память – и поэтому в стихах (как после освобождения из лагеря я никогда больше не писал). ... С тех пор были XX и XXII съезды. С тех пор партия отмежевывалась от сталинских преступлений. **Настроения пьесы “Пир победителей” мне самому давно уже кажутся несправедливыми**, а так как и сама пьеса – ранняя и художественно слабая, да еще и в стихах, которыми я не владею, то я никогда не предназначал ее ни для печати, ни для обсуждения. ... Я прошу Вас принять меры, чтобы прекратить незаконное тайное издание и распространение моих давних лагерных произведений, изданное же – уничтожить. Я прошу Вас снять преграды с печатания моей повести “Раковый корпус”, книги моих рассказов, с постановки моих пьес. Я прошу, чтобы роман “В круге первом” был мне возвращен, и я мог бы отдать его открытой профессиональной критике»²²¹.

Такой вот образчик самобичевания и самоотречения. Я – не я, и рожа не моя. Утерянное творчество считать недействительным.

Через год, 22 сентября 1967 года, Солженицын вновь отречется «от себя прежнего», только уже перед заседанием секретариата правления Союза писателей СССР.

Свое выступление он представит в «Теленке» как акт беспримерного мужества и презрения к врагам, а себя – былинным героем: один против всех. «Я торжественно встал, раскрыл папку, достал отпечатанный лист и с лицом непроницаемым, а голосом декламирующим в историю, грянул им свое

---

221. Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. №3. С. 106.

первое заявление, отводящее “Пир победителей”, – но не покаянно, а обвинительно – их всех обвиняя в многолетнем предательстве народа...я дал в них залп из ста сорока четырех орудий, и в клубах дыма скромно сел (копию декларации отдав **через плечо** стенографисткам)»²²². Он даже слово подберет нерядовое для этого своего выступления: «**копьеборство**»²²³.

Выглядело это «копьеборство», однако, как униженное самооплевывание. Вот отрывок из его выступления:

«Мне стало известно, что для суждения о повести “Раковый корпус” секретарям Правления предложено было читать пьесу “Пир победителей”, от которой **я давно отказался сам**, лет десять даже не перечитывал, уничтожил все экземпляры кроме захваченного, а теперь размноженного. Я уже не раз объяснял, что пьеса эта написана не членом Союза писателей Солженицыным, а бесфамильным арестантом Щ-232 в те далекие годы, когда арестованным по политической статье не было возврата на свободу, и никто из общественности, в том числе и писательской, ни словом, ни делом не выступил против репрессий даже целых народов. Я так же **мало отвечаю сейчас за эту пьесу**, как и многие литераторы не захотели бы повторить сейчас иных речей и книг, написанных в 1949 г. На этой пьесе отпечаталась безысходность лагеря тех лет, когда сознание определялось бытием и отнюдь не возносилось молитв за гонителей. Пьеса эта не име-

---

222. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №7. С. 77.

223. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №7. С. 76.

ет никакого отношения к моему сегодняшнему творчеству»²²⁴.

Ну, да кому есть дело, как все было на самом деле? Главное, как это представлено потомкам в мемуарах...

Стратегема № 6

Изображайте себя жертвой – режима, обстоятельств, людского непонимания. Опальных жалеют, гонимых привечают.

Столь смиренное покаяние не прошло даром. Результатом стало согласие, которое секретариат правления Союза писателей СССР дал «Новому миру» на подписание очередного весьма жирного договора с угрожаяемым прозаиком.

Заведующей редакцией «Нового мира» служила в ту пору Наталья Бианки. Буквально через несколько дней после копьеборства Солженицына на заседании Союза писателей, ее вызвал к себе Твардовский. О том, что было дальше, Наталья Павловна напишет в своем дневнике.

«Интересно, почему у Твардовского сегодня какой-то растерянный вид. Не говоря ни слова, протягивает мне какую-то бумагу. Читаю. Постановление редколлегии (есть все подписи) о списании шести тысяч, которые получил Солженицын за роман “В круге первом”. Смотрю на Твардовского с удивлением. Он-то ведь знает, что только с согласия Верховного Совета, да и то лишь в конце года, можно списать такую сумму...

224. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №7. С. 135.

– Но это, как говорится, только полдела, – продолжает тем временем Твардовский, – с ним тут же надо заключить договор на роман “Раковый корпус” и снова выдать шесть тысяч. У него за душой нет ни гроша. Как вы понимаете, займы я ему дам любую сумму. А еще лучше безвозвратно. Но он ведь не возьмет...»²²⁵

Получив задание от главреда, Бианки берет приступом бухгалтерию. Поначалу те пытаются отбиться, объясняя, что все это не по правилам, и выдать аванс за очередной роман они могут лишь после того, как будет напечатан предыдущий. Но хитрая Бианки говорит бухгалтеру Гале:

«– Ты формально даже отказать не можешь. Ведь ни договора, ни аванса за ним уже нет. Он растаял в сиянии голубого дня.

Галя смеется:

– Такого не бывает. – И достает бухгалтерскую карточку Александра Исаевича. Действительно, чистая карточка. Стоило в это время посмотреть на ее лицо»²²⁶.

Чтобы Солженицын не остался без денег, новмирцы пошли на уголовное преступление, подделав финансовый документ. На 6000 рублей, полученных Солженицыным за неопубликованный роман, в те времена можно было приобрести две дачи под Москвой, либо два автомобиля «Москвич» системы «Денис», либо 300 новых ватников.

---

225. Бианки Н.К. Симонов, А. Твардовский в “Новом мире” (Воспоминания). М.: Виоланта, 1999. С. 39.

226. Бианки Н.К. Симонов, А. Твардовский в “Новом мире”... С. 40.

ПИШИТЕ ПИСЬМА!

24 марта 1967 года Александр Исаевич сел сочинять обращение к намечавшемуся в мае IV Всесоюзному съезду писателей СССР. «Мужа тянет к музыке Бетховена, – писала Решетовская. – Ставится пластинка с Девятой симфонией. Под ее могучие звуки 27 марта Александр Исаевич завершает работу»²²⁷.

В «Письме к съезду» автор сначала бичует цензуру, тяготеющую «под затуманенным именем Главлита ... над нашей художественной литературой»²²⁸ и намекает на полную беззащитность советских писателей перед лицом закона, а затем переходит к оглашению своих личных жалоб: не печатают, не ставят фильмы по его сценариям, не переиздают уже опубликованное в виде отдельной книги. Не уважают в достаточной мере его, «**всю войну** (? – А.Б., О.М.) провоевавшего командира батареи»²²⁹. Конфисковали архив. Ну так что же, – интересуется

---

227. Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. М.: Советская Россия, 1990. С. 288.

228. Солженицын А. Письмо IV съезду писателей СССР // Слово пробивает себе дорогу. С. 211.

229. Солженицын А. Письмо IV съезду... С. 215.

ся писатель, – «возьмется или не возьмется IV Всесоюзный съезд защитить меня?»²³⁰

Завершается письмо патетически: «Никому не перегородить путей правды, и за движение ее я готов принять и смерть»²³¹. Хотя, право же, когда такое было, чтобы Александр Исаевич был готов рискнуть за что бы то ни было не то что жизнью, но хотя бы холеным лицом?..

Рассылку «Письма» Солженицын начинает 17 мая, за 5 дней до открытия Съезда. «Непонятно, почему, имея на руках 150 экземпляров письма уже 7 мая, Солженицын начал рассылать его только через полторы недели? – удивляется Александр Островский. – Очень странно и то, что оно рассылалось по домашним и официальным адресам, в связи с чем многие адресаты разминулись с ним по дороге на съезд. Это не позволило сторонникам Солженицына согласовать свои действия и организовано выступить на съезде»²³².

Расчет Солженицына на то, что его «Письмо» немедленно станет темой номер один в мировой прессе, не оправдался. Ни в тот же день, ни на следующий, ни через неделю никто не посвятил ему не строчки.

28 мая, через день после закрытия Съезда, в Переделькино, где Александр Исаевич приживался у Чуковского, приехала секретарь Ильи Эренбурга Наталья Столярова, привезя с собой французского искусствоведа Мориса Жардо. Случайно или нет, но через три дня «Письмо к съезду» появилось в «Монд». 5 июня его опубликовала

---

230. Солженицын А. Письмо IV съезду... С. 216.

231. Солженицын А. Письмо IV съезду... С. 216.

232. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 214.

«Нью-Йорк Таймс», 2 и 16 июня – «Посев», 18 июля – «Новое русское слово», 22 июля – «Русская мысль».

По сведениям КГБ, «письмо Солженицына было напечатано большинством буржуазных и эмигрантских изданий и передано всеми крупнейшими радиостанциями Запада, специализирующимся на проведении антисоветской пропаганды, кроме того, текст письма был размножен антисоветской эмигрантской организацией НТС в виде листовки, которую пытаются заслать на территорию СССР»²³³.

5 июня 1967 года началась знаменитая шестидневная война – Израиль бомбит 19 египетских военных аэродромов, уничтожая на земле полторы сотни новеньких МИГов-21. Израильские танки врезаются вглубь Синайского полуострова. Войну агрессору объявляют Ирак, Судан, Алжир, Йемен, Тунис и Кувейт. За неполную неделю Израиль захватывает территории вчетверо больше, чем его собственная. Москва разрывает дипломатические отношения с Тель-Авивом.

Сидя возле радио, Солженицын, наконец, услышал давно ожидаемые сообщения. «Чередуя с накаленными передачами о шестидневной арабо-израильской войне – вспоминал он, – несколько мировых радиостанций цитировали, излагали, читали слово в слово и комментировали (иногда очень близоруко) мое письмо... И так у меня сложилось ощущение неожиданной и даже разгромной победы!»²³⁴

---

233. Записка КГБ при СМ СССР и Прокуратуры СССР об опубликовании сообщения об изъятии органами госбезопасности литературного архива А. Солженицына, 14 августа 1967 г. // Документы из архива ЦК КПСС по делу А.И. Солженицына // Континент. №75. Москва-Париж, 1993. С. 173.

234. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №7. С. 66.

Через пару недель «Письмо» было зачитано на IV съезде Союза чехословацких писателей, явившемся своего рода ответом на попытки властей ввести в культуре «идеологическую дисциплину» и ставшем предвестником назревавших перемен²³⁵. Публикация письма готовилось и в кубинском журнале «Унион», однако ее удалось предотвратить²³⁶.

«Только много лет спустя, – признавался позднее Солженицын, – я понял, что это, правда, был шаг: ведь Запад не с искаженного “Ивана Денисовича”, а только с этого шумного письма выделил меня и стал напряженно следить»²³⁷.

«Ваше письмо – какой блестящий ход!»²³⁸, – похвалил Солженицына маститый Вениамин Каверин, оценив его успехи на поприще самопиара.

Стратегема № 7

Пишите письма – создавайте шумиху вокруг своего имени.

«Письмо к съезду» надолго ввело Солженицына в повестку дня. Дискуссии о нем велись и в толстых журналах, и на рабочих трибунах, и, конечно, на интеллигентских кухнях. Время от времени в топ-

---

235. Шерлаимова С.А. Чешские писатели и «Пражская весна» // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива): Сб. ст. М.: РОССПЭН, 2010. С. 718.

236. Записка Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран и Отдела культуры ЦК КПСС об указаниях советскому послу на Кубе // Документы из архива ЦК КПСС по делу Солженицына // Континент. №75. Москва-Париж, 1993. С. 169-171.

237. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №7. С. 66.

238. Цит. по: Вайль П., Генис А. Поиски жанра: Александр Солженицын // Октябрь. №6. 1990.

ку кидались все новые охапки дров. Так, 26 июня 1968 года «Литературная газета» напечатала письмо Солженицына – протест против публикации за рубежом повести «Раковый корпус», сопроводив его пространной редакционной статьей, в которой выражалось сожаление, что писатель отдал свои литературные способности не родине, а ее злопыхателям, и цинично использует общественное мнение Запада как инструмент давления на Союз писателей СССР²³⁹.

Отречение Солженицына от зарубежной публикации «Корпуса» было настоящей подлостью по отношению к его английским контрагентам. Не далее как в марте 1967 года рязанский праведник вручил рукопись романа словацкому журналисту Павлу Личко для публикации в ЧССР и дал ему разрешение на публикацию романа в Англии²⁴⁰. Личко передал текст британскому журналисту Николасу Бетеллу, члену Палаты Лордов, и тот стал готовить его к публикации в издательстве «Бодли хэд». После демарша Солженицына в «Литературке» издательство забило тревогу и срочно вызвало Личко для объяснения. «В июле 1968 года, – пишет Бетелл, – Личко приехал в Лондон и 1 августа в присутствии нашего адвоката Питера Картера-Рука дал письменные показания под присягой о том, что он действовал по поручению и от имени Солженицына». После этого подготовка повести к изданию была продолжена²⁴¹.

---

239. Идеиная борьба. Ответственность писателя (Редакционная статья «Литературной газеты») // Слово пробивает себе дорогу. С. 343-352.

240. Бетелл Н. Путешествие англичанина в поисках России. С. 28-29.

241. Бетелл Н. Путешествие англичанина в поисках России. С. 35.

Тем временем публикация в «Литературной газете» спровоцировала новый всплеск интереса к Солженицыну. Теперь люди делились на заступников опального писателя и тех, кто искренне желал ему лютой смерти. «Вас следовало бы расстрелять, – негодовала в своем письме Солженицыну преподаватель математики из Ставрополя Лидия Кононовна Кизиева. – И только подлинная гуманность нашего правительства позволяет Вам существовать. Вон!»²⁴²

Сообщение о судьбе литературного архива Солженицына еще в середине августа 1967 года готовили к публикации в «Известиях» Комитет госбезопасности и Прокуратура СССР. Миллионам читателей газеты предполагалось рассказать, что, мол, широко распространено мнение, что комитетчики прижали писателя и отобрали у него все рукописи, но это все неправда – Солженицына никто не трогал, а бумаги изъяли, наоборот, у гражданина Теуша 1898 года рождения, пенсионера.

Однако уже через несколько дней на заседании Секретариата ЦК КПСС вопрос о данной публикации был благоразумно снят с рассмотрения²⁴³.

Отличный повод напомнить о себе демократической общественности появился у «угрожаемого автора» 4 ноября 1969 года, когда на заседании Рязанского отделения Союза писателей РСФСР с по-

---

242. Письмо Л. К. Кизиевой А. Солженицыну // Слово пробивает себе дорогу. С. 359.

243. Записка КГБ при СМ СССР и Прокуратуры СССР об опубликовании сообщения об изъятии органами госбезопасности литературного архива А. Солженицына, 14 августа 1967 г. // Документы из архива ЦК КПСС по делу А.И. Солженицына // Континент. №.75. Москва-Париж, 1993. С. 173-174; Проект сообщения в газете «Известия» в Прокуратуре СССР // Там же, С. 174.

весткой «Об идейном воспитании писателей» было принято решение об исключении Солженицына из Союза писателей.

Такой оборот оказался явно на руку Александру Исаевичу – реакция мировой общественности оказалась почти мгновенной. Вот что он пишет в «Теленке»: «В 6 утра проснулся, включил по обычаю “Голос Америки”, безо всякой задней мысли, и как укололо: “По частным сведениям из Москвы, вчера в Рязани, в своем родном городе, исключен из писательской организации Александр Солженицын” ... Четыре раза в кратких известиях передали. Четыре раза в подробных. **Хор-рошо!**»²⁴⁴.

Решение рязанских писателей было утверждено секретариатом правления Союза писателей РСФСР. Не выходя из своей рязанской квартиры, Солженицын разложил по столу карандаши и немедленно приступил к сочинению «Открытого письма секретариату Союза писателей РСФСР». Через неделю письмо было готово, и писатель отправился с ним в Москву. 11 ноября зам Твардовского Алексей Кондратович записал: «Приехал Солженицын. На лице огорчения особого не видно. Напротив»²⁴⁵.

12 ноября 1969 года Секретариат Союза писателей обнародовал свое решение об исключении Солженицына, после чего Александр Исаевич сразу же пустил в обращение «Открытое письмо» бывшим коллегам.

«Расползаются ваши дебелие статьи, вяло шевелится ваше *безмыслие*», – клеймил их Солженицын,

---

244. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. №7. С. 120-121.

245. Кондратович А.И. Новомировский дневник. 1967-1970. М.: Советский писатель, 1991. С. 447.

выражая уверенность: «Близок час: каждый из вас будет искать, как выскрести свою подпись под сегодняшней резолюцией». Поскольку статье предполагалось дать ход на Запад, завершалась она вполне конъюнктурно: «Гласность, честная и полная гласность – вот первое условие здоровья всякого общества»²⁴⁶.

Исключение Солженицына из Союза писателей и его «Открытое письмо» вызывали широкий общественный резонанс как в нашей стране, так и за рубежом. Уже 15 ноября письмо было напечатано в «Нью-Йорк Таймс», на следующий день – в парижской газете «Монд», далее – везде. Возмущение чисто организационным, внутренним решением российского писательского сообщества выразили Луи Арагон, Жан-Поль Сартр, Пабло Пикассо, Джон Апдайк, Труман Капоте, Гюнтер Грасс, Фридрих Дюрренматт, Генрих Бёлль, Курт Воннегут, Грэм Грин, Артур Миллер, Игорь Стравинский, Юкио Мисима²⁴⁷. Теперь имя Солженицына стало символом бескомпромиссной борьбы с советским режимом. Опальный писатель оказался в двух шагах от главной мечты всей его жизни – Нобелевской премии.

О существовании Нобелевской премии Солженицын узнал в лагерные годы. Более образованные товарищи по отсидке сказали ему, что эта премия – самая престижная в мире, а из русских писателей ее получил пока только Бунин. У Солженицына появляется Большая Мечта – во что бы то ни стало стать Нобелевским лауреатом. По его словам,

---

246. Солженицын А.И. Открытое письмо Секретариату Союза писателей РСФСР, 12 ноября 1969 г. // Слово пробивает себе дорогу. С. 396-397.

247. Слово пробивает себе дорогу. С. 399-401; 409-411.

он «сразу определил, в духе нашей страны, вполне политически: вот это – то, что нужно мне для будущего моего прорыва»²⁴⁸.

К тому времени из-под пера бывшего Щ-262 вышло всего несколько ученических пьесок и графоманских поэм.

С тех пор Солженицын будет ревновать к Нобелевской премии всех, кто удостоится ее раньше него. Особенно достанется Шолохову. Лютую, бешеную ненависть и неприкрытую зависть к нему Солженицын пронесет до гробовой доски, он обвинит его во всех грехах, в том числе, усомнится в его авторстве «Тихого Дона», организует целое расследование с целью разоблачения «плагиатора». Результатом станет книга «Стремя “Тихого Дона”. Загадка романа» Ирины Медведевой-Томашевской, вышедшая в Париже в 1974 году (имя автора будет скрыто за псевдонимом «Д*») – к ней Солженицын написал и предисловие, и послесловие, и издание оплатил.

Солженицына раздражает даже сама внешность Шолохова. Типичные эпитеты из «Теленка»: «Невзрачный Шолохов»; «Одинокое стоял малоросток Шолохов и глупо улыбался»; «На трибуне он выглядел еще ничтожнее, чем вблизи, да и бурчал невнятно»²⁴⁹. И это притом, что сам Шолохов поначалу искренне восхищался Солженицыным и просил Твардовского «передать поцелуй» автору повести об Иване Денисовиче²⁵⁰.

---

248. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №8. С. 7.

249. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 43, 44, 50.

250. Письмо А. Твардовского К. Федину, 7-15 января 1968 г. // Слово пробивает себе дорогу. С. 300.

В 1999 году у родственников Василия Кудашева, друга писателя, были обнаружены рукописи 1-й и 2-й книг «Тихого Дона», долгое время считавшиеся утраченными. Учеными были проведены графологические, текстологические и идентификационные экспертизы, после чего исчезли последние сомнения в том, что автором романа был именно Шолохов, и он наконец-то избавлен от клеветы.

Характерно, что когда специалисты Института мировой литературы им. Горького РАН предложили Солженицыну ознакомиться с найденной рукописью, тот отказался, сославшись на сильную занятость²⁵¹.

Впрочем, даже после столь убедительного аргумента, как рукопись романа, многие ненавистники Шолохова, профессиональные антисоветчики и русофобы, в свое время «раздраконовые» инсинуациями Солженицына, продолжили упорствовать в своем убеждении. По словам Захара Прилепина, «либералам ужасно важно доказать, что Шолохов не писал “Тихий Дон”, потому что не может поганый советский писатель написать гениальный роман. Все советское обязано быть бездарным, либо лживым, либо ворованным. Принципиальный подход, так сказать»²⁵².

Интересно, однако, сравнить две эпопеи – «Тихий Дон» и «Архипелаг Гулаг».

«Тихий Дон» написан действительно народным русским языком, но не абстрактно-народным-

---

251. Чернышёва В. Ответ антишолоховедению / [Интервью с проф. А.М. Ушаковым] // Независимая газета. 2006. 30 нояб. / URL: http://www.ng.ru/fakty/2006-11-30/3_otvet.html

252. Басинский П. Душа проходит, как любовь / [Беседа с З. Прилепиным] // Российская газета. 2015. 1 окт. / URL: <https://rg.ru/2015/10/02/esenin.html>

вообще-языком почерпнутым из словаря, как «Архипелаг», а южнорусским, донским языком, почерпнутым из народной речи. В произведении Шолохова нет никаких фактов, взятых с потолка или «со слухов», нет никакой публицистики и документалистики, цитат и цифр, все там пропущено через душу и поступки героев. У Шолохова эти герои постоянно мучаются от противоречивых страстей и разрываются на части от противоположных истин. Нет правды ни у красных, ни у белых, а еще точнее – у каждого своя правда. И, главное, понятно, что та правда, которая на другой стороне, она именно правда, и ты со своей правдой воюешь не с неправдой, а тоже – с правдой. В этом и трагедия, и диалектика характеров героев, которые меняются на протяжении книги.

Теперь возьмите «Архипелаг». Там никто не меняется, там все ясно с самого начала, там ясно, где добро, а где зло, там все как в бразильских телесериалах: есть добрая рабыня Изаура или Мария Лопес и злой Луис-Альберто, злой по непонятной причине, просто некий карикатурный злой злодейский злодей. Поэтому читать «Тихий Дон» – это все равно, что самому пройти через горнило эпохи, измениться и стать сильнее, мудрее, а прочитать «Архипелаг» – это все равно, что посмотреть пустой и плоский телесериал.

Первым человеком, заговорившим о возможности получения Солженицыным Нобелевской премии, был, по всей вероятности, Лев Копелев. С 1960 года он работал старшим научным сотрудником Института истории искусств АН СССР и имел широкие связи в ученых и литературных кругах зарубежья.

В апреле 1967 года Копелев познакомил Солженицына с Ольгой Карлайл – известным американским литературоведом, внучкой Леонида Андреева и женой потомка Томаса Карлейля, знаменитого британского политического философа. Александр Исаевич обратился к Ольге Вадимовне с просьбой помочь ему с изданием за границей романа «В круге первом». Тогда же он сообщил ей о готовящемся «Письме съезду» писателей.

Провожая американку после той встречи, Копелев по дороге заговорил с нею о Солженицыне. «Он твердил, – вспоминает Карлайл, – “**Александру Исаевичу нужна Нобелевская премия. Это крайне важно, Ольга Вадимовна, прошу Вас, примите это к сведению. Надо во что бы то ни стало постараться организовать**”»²⁵³.

Просьба выглядела, что ни говори, странной. И не только потому, что Солженицын был писателем, за рубежом, мягко говоря, малоизвестным, но и потому, что все его опубликованное литературное наследие составляло одну небольшую повесть и несколько рассказиков.

И все же Карлайл взялась помочь протеже своего друга и подключила к пропаганде творчества Солженицына в США бывшего дипломата Томаса Уитни и журналиста Гаррисона Солсбери – помощника главного редактора «Нью-Йорк Таймс». «Если учесть связи Т. Уитни и Г. Солсбери, а также самой О. Карлайл, которая, по некоторым данным была знакома с братьями Робертом и Эдвардом Кеннеди, – пишет Александр Островский, – получается, что весной-летом 1967 года за границей

---

253. Андреева-Карлайл О. Солженицын: В круге тайном // Вопросы литературы. 1991. №1. С. 198.

начал раскручиваться влиятельный маховик поддержки А.И. Солженицына»²⁵⁴.

Уже в сентябре 1967 года Карлайл прилетела в Москву, чтобы утрясти с Солженицыным конкретные практические вопросы, связанные с изданием «Круга». Выход романа планировался на июнь следующего года в издательстве Harper and Row.

В 1968 году Александр Солженицын был назван за рубежом в числе кандидатов на Нобелевскую премию. К этому времени его имя уже было известно за границей благодаря скандалу с «Письмом к съезду». Однако все его собрание сочинений, изданное к этому времени во Франкфурте-на-Майне, пока могло уместиться в одном маленьком томике. На «выдающийся вклад» это не тянуло. Новые публикации нужны были, как воздух!

В сентябре 1968 года в Harper and Row вышел на английском языке долгожданный «Круг». И понеслось!..

Только в 1968-1969 годах романы «В круге первом» и «Раковый корпус» вышли за границу на русском языке и в переводах на английский, итальянский, французский, немецкий, японский, голландский, шведский, датский, испанский и норвежский. Кроме того, во Франкфурте-на-Майне «Посев» переиздал однотомник «Сочинений» Солженицына.

«Все эти публикации были осуществлены примерно в течение одного года, что свидетельствует о хорошо спланированной и организованной издательской акции, которая требовала значительного первоначального капитала. По замыслу ее органи-

---

254. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 213.

заторов, она должна была оказать определенное влияние на решение комитета по присуждению Нобелевских премий. Позднее Ольга Карлайл прямо писала, что рассматривала издание романа «В круге первом» как средство помочь А.И. Солженицыну получить Нобелевскую премию. Однако в 1968 г. этот издательский залп оказался холостым»²⁵⁵.

И в следующем, 1969 году премия пролетела мимо, что крайне расстроило Солженицына: «В четвертый четверг октября объявили Нобелевскую премию по литературе – и не мне»²⁵⁶.

На следующий год Солженицына выдвинули в третий раз, что писатель расценил как событие рубежное. Позднее он вспоминал: «Для меня 1970 был последний год, когда Нобелевская премия еще нужна мне была, еще могла мне помочь. Дальше уже – я начал бы битву без нее. Приходила **пора взрывать на Западе “Архипелаг”**. Уже я начал исподволь готовить публичное к тому заявление»²⁵⁷.

Если в 1968 году фамилия Солженицына была мало кому известна, то в 1968-1969 годах благодаря тому залпу, который был произведен издательствами Harper and Row и The Bodley Head его произведения разошлись по всему миру. Его популярность за границей еще более увеличилась после того, как он был исключен из Союза писателей.

8 октября 1970 года Нобелевский комитет объявил о решении присудить премию в области литературы Александру Солженицыну, СССР.

---

255. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 250.

256. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №7. С. 116.

257. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №8. С. 11.

Добрую весть застала триумфатора в подмосковной Жуковке, где он приживался в это время у Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской. Соседи-остряки с тех пор шутили, что у Ростроповичей даже сторож на даче – нобелевский лауреат²⁵⁸.

Формулировка, которой сопровождалась премия, (предложил ее, как потом выяснилось, Франсуа Мориак) звучала так: «За нравственную силу, с которой он продолжил извечную традицию русской литературы»²⁵⁹. То есть, получалось, что Солженицын награждался не за литературные достоинства его текстов, а за его общественную позицию.

Политическую подоплеку присуждения Солженицыну Нобелевской премии признавала и западная пресса. Комментируя это решение, лондонская «Таймс» в редакционной статье писала: «На Западе работы Солженицына привлекли к себе особое внимание явно из-за политического смысла». Боннская «Вельт» сформулировала ту же мысль еще откровеннее: «Присуждение Нобелевской премии Солженицыну является политической демонстрацией».

Многие газеты не без удовольствия вспоминали и о финансовой составляющей премии – на Западе были уверены, что Солженицын чрезвычайно беден даже по советским меркам и живет впроголодь. Ну так хорошо: хоть поест теперь вволю!..

Свой образ нищенствующего праведника Солженицын тщательно поддерживал. «После гоно-

---

258. Вишневская Г. «Родину дает нам Бог» // Книжное обозрение. 1990. 9 февраля.

259. Слово пробивает себе дорогу. С. 415.

раров за “Ивана Денисовича” у меня не было существенных заработков», – жаловался он 30 марта 1972 года в интервью «Нью-Йорк Таймс», оговариваясь, впрочем: «Только еще деньги, оставленные мне покойным К.И. Чуковским, теперь и они подходят к концу. На первые я жил шесть лет, на вторые – три года»²⁶⁰.

В самом скором времени в редакцию газеты пришло письмо от американского писателя Альберта Мальца, предложившему своему нищенствующему собрату по перу крупную сумму денег. «Тот живо откликнулся на это предложение. В опубликованном на Западе заявлении “глубоко тронутый” Солженицын буквально вышибает из читателя слезу картиной своего “отчаянного” финансового положения. Ни крова, ни личной автомашины, ни, наконец, средств, чтобы приобрести, как он выражается, “хотя бы самый скромный маленький домик”. “Я готов принять деньги <Мальца> в долг, хотя и очень смущен этим”, – заключает свое послание плач А. Солженицын»²⁶¹.

Но так ли беден был Солженицын, как он старался выглядеть?

---

260. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №8. С. 103.

261. Владимиров С. Солженицын в рубище // В круге последнем. С. 120.

ФИЛОСОФИЯ НИЩЕТЫ

Бедность – не порок, а просто такой стиль жизни. Именно так можно сформулировать максиму, которой Солженицын следовал со времен освобождения из лагеря и до глубокой старости.

Античные мудрецы любили подчеркивать превосходство внутреннего богатства человека над тленными материальными ценностями, и признаком его почитали бедность. Киник Диоген, например, гордился своей бедностью и всеми силами старался ее усугубить, чтобы стать еще мудрее. «Увидев однажды, как мальчик пил воду из горсти, он выбросил из сумы свою чашку, промолвив: “Мальчик превзошел меня простотой жизни”. Он выбросил и миску, когда увидел мальчика, который, разбив свою плошку, ел чечевичную похлебку из куска выеденного хлеба»²⁶².

Беден материально – значит, богат внутренне, – эта неглубокая мысль очень импонировала Солженицыну. Как мы помним, по его мнению,

---

262. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 225.

бессмертную душу и подлинную свободу можно обрести лишь в условиях заточения, когда тебя лишают элементарных удобств и даже нехитрого имущества – близорукой, не тертой *вольняшке* это не доступно.

«Имущества у меня всего на земле – носовой платок, а комбинезон и вот белье под ним без пуговиц (он обнажил грудь и показал) – казенное, – бравировает перед всемогущим министром Абакумовым герой романа “В круге первом” “мрачный арестант и гениальный инженер” Бобынин. – Но человек, у которого вы отобрали всё, – уже неподвластен вам, он снова свободен»²⁶³.

Как выразил Солженицын ту же мысль в другом месте: «Я – *Межзвездный Скиталец!* Тело мое спеленали, но душа – не подвластна им»²⁶⁴.

Неприхотливый быт и показное нестяжательство Солженицына подкупали современников. Обряженный в драный ватник, ужинающий кипятком с черным хлебом и половинкой луковицы, он, казалось, один во всей стране воплощал в себе весь многострадальный русский народ. А где его еще сыскать, если в сытых шестидесятых граждане страны Советов сплошь обрядились в кримпленовые костюмы, повесили на стены модные эстампы и обзавелись стиральными машинами – обуржуазились?

То ли дело Александр Исаевич. Вот в декабре 1962 года он, простой рязанский учитель, начинающий автор, по вызову ЦК на обкомовской машине едет в Москву на встречу руководителей партии

---

263. Солженицын А.И. В круге первом. МСС. Т. 1. С. 91-92.

264. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 412.

и правительства с деятелями культуры: «Я нарочно поехал в своем школьном костюме, купленном в “Рабочей одежде”, – с гордостью пишет Солженицын. – В чиненных-перечиненных ботинках с латками из красной кожи по черной, и сильно нестриженный... Таким **зачуханным провинциалом** я привезен был во мраморно-шелковый Дворец Встреч... В раздевалке ливрейные молодцы приняли мое тертое унылое длинное провинциальное пальто»²⁶⁵.

Подобным же образом Александр Исаевич любил показаться и на рязанских улицах. «Когда Солженицын приезжал в Рязань из Давыдова, – вспоминала Анна Гарасева, – у него был вид старого колхозника из глухой деревни: куртка-стеганка, шапка с ушами, и весь он выглядел каким-то усталым и измученным»²⁶⁶.

В том же виде Солженицын предстал и перед сотрудником «Литературной газеты» Виктором Бухановым, приехавшим в Рязань вскоре после выхода в свет «Ивана Денисовича», чтобы написать о нем очерк: «Одет он был в стеганный ватник, шапку-ушанку с болтающимися завязочками»²⁶⁷.

В том же виде в начале 1969 года застал Солженицына в Давыдове бывший генерал Григоренко: на плачах «фуфайка», на ногах «огромные экзовские бахилы»²⁶⁸. Угощал его хозяин весьма скромно: «По кусочку свиного сала, черный хлеб, луковица, пер-

---

265. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 41, 43.

266. Гарасева А.М. Я жила в самой бесчеловечной стране... Воспоминания анархистки. М., 1997. С. 280.

267. Буханов В. У Солженицына в Рязани. С. 50.

268. Григоренко П.Г. Воспоминания. С. 169.

ловая каша-концентрат», «флакон из-под духов, в нем на 1/3 спирт», завтрак: «картофель», «снова по кусочку сала, луковица, соль, растительное масло», «снова накапали в рюмки спирта»²⁶⁹.

В своем заслуженном ватнике Солженицын даже собирался было заявиться на церемонию вручения Нобелевской премии, да объяснили ему, что так не принято. Возмущению новоиспеченного лауреата не было предела: «Господа, это – моя скифская досада на вас: зачем вы такие кудряво-барашковые под светом юпитеров? почему обязательно белая бабочка, а в лагерной телогрейке нельзя?»²⁷⁰

Зря он, что ли, свои ватники из лагеря вез? Он, кстати, из Экибастуза их целых два захватил – один свой, а другой краденый: по собственному признанию, он его «замотал по инвентаризации»²⁷¹. (Вот тебе и «политический» – обычным воришкой оказался наш мученик за высокие идеалы, казенной телогрейкой не побрезговал!)

Образ неприхотливого в быту, бедствующего писателя Солженицын начал внедрять в сознание окружающих, как только стал выходить в люди. Рассказывая о своем первом появлении в редакции «Нового мира», он пишет: «Расспрашивали о моей жизни, прошлой и настоящей, и все смущенно смолкли, когда я бодро ответил, что зарабатываю преподаванием шестьдесят рублей в месяц, и мне этого хватает»²⁷².

---

269. Григоренко П.Г. Воспоминания. С. 170.

270. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №8. С. 15.

271. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 278.

272. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 20.

В те годы за 60 рублей в месяц один человек прожить мог, но очень скромно.

Можно представить, как смотрели на Александра Исаевича сотрудники редакции «Нового мира». «Все были в восторге от того, как он пишет, как держится и что говорит, – вспоминает Владимир Войнович. – Говорит, например, что писатель должен жить скромно, одеваться просто, ездить в общем вагоне и покупать яйца обыкновенные по девяносто копеек, а не диетические по рублю тридцать»²⁷³.

Эти «обыкновенные по девяносто» нашли отражение и в воспоминаниях самого Солженицына. Рассказывая, как однажды в 1967 году он возвращался из Москвы в Борзовку, он пишет: «Это было 8 июня, на Киевском вокзале, за несколько минут до отхода электрички на Наро-Фоминск, с продуктовыми сумками в двух руках, шестью десятками дешевых яиц»²⁷⁴.

На шесть десятков разница была, что ни говори, велика: 2 рубля 40 копеек. Но так и яйца не такие крупные – так что выгода сомнительна.

Мотив о бедственном положении писателя звучит во многих воспоминаниях о нем. Мы помним, как в 1967 году, собираясь выписать Солженицыну аванс за «Раковый корпус», который так и не будет напечатан, Твардовский посочувствовал: «У него за душой ведь нет ни гроша»²⁷⁵.

«Денег у них не было, – уверяла Анна Гарасева, – они с женой копили их всю зиму на отпуск,

273. Войнович В.Н. Портрет на фоне мифа. С. 12.

274. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №7. С. 67.

275. Бианки Н.К. Симонов, А. Твардовский в «Новом мире»... С. 39.

а потом летом отправлялись по добытым адресам бывших лагерников»²⁷⁶.

«Денег у Солженицына нет. Это ясно», – вспоминает новомирец Алексей Кондратович²⁷⁷.

С удивлением и восхищением пишет и Вишневская: «Жил Александр Исаевич на один рубль в день – так распределил он на много лет свой довольно большой гонорар за Ивана Денисовича»²⁷⁸.

В принципе, живя даже на эти скромные деньги, можно было бы иногда позволить себе сварить суп с мясом. Но Солженицын уверяет, что мясного не едал аж несколько десятилетий, пока не оказался в Цюрихе: «Тут взялась мне помогать энергичная фрау Голуб. ... Раз принесла готовую куриную лапшу, другой раз суп с отварной говядиной (такую точно ел в последний раз году в 1928, в конце НЭПа, никогда с тех пор и глазами не видел)»²⁷⁹.

Да что там говядина – бывало, и на хлеб не хватало именитому, обласканному прессой писателю. Выступая 20 марта 1976 года на испанском телевидении, он с возмущением заявил: «Коммунистическая печать очень любит спекулировать на том, что вот Солженицын поехал на Запад и стал миллионером. Когда я в Советском Союзе голодал, они не писали об этом»²⁸⁰.

Однако вот вопрос: если Солженицын был таким нищим, как сам себя изображает, то как ему

---

276. Гарусева А.М. Я жила в самой бесчеловечной стране... С. 276.

277. Кондратович А.И. Новомировский дневник. С. 97.

278. Вишневская Г. Галина. С. 489.

279. Солженицын А.И. Угодило зернышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания // Новый мир. 1998. №9. С. 57.

280. Солженицын А.И. Выступление по испанскому телевидению, 20 марта 1976 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. С. 458-459.

удалось приобрести дачу за 2600 рублей²⁸¹ и три автомобиля (в 1963, 1971 и 1972 годах)? А благоустройство новой квартиры? А ремонт дачи? А ежегодные комфортабельные поездки (и ведь останавливался не где-нибудь, а в таких, например, столичных гостиницах как «Будапешт» и «Москва»)? Да если посмотреть на фотографии, обнаруживается, что Александр Исаевич и Наталья Алексеевна не ходили годами в одной и той же одежде.

Более того, как известно, с 1 мая 1969 года Решетовская вообще оставила работу. Причем, почти за полгода до смерти Корнея Чуковского, завещавшего Солженицыну часть своих немалых накоплений. А с конца 1969 года, т.е. за год до получения Нобелевской премии, писатель стал содержать за границей собственного адвоката – им стал высокооплачиваемый швейцарский юрист Фриц Хееб.

Стратегема № 8

Прибедняйтесь, создавайте себе образ нищенствующего праведника, заботящегося не о себе, но лишь о людских судьбах.

Как это возможно? Чтобы ответить на этот вопрос, Александр Островский не поленился подсчитать деньги в кармане нищенствующего прозаика:

«Как доцент Наталья Алексеевна получала 320 рублей в месяц, пенсия ее матери составляла 50 рублей, около 80 рублей приходилось на пенсию двух ее тетушек: Марии Николаевны и Нины Ни-

281. Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. №3. С. 94.

колаевны. Итого 450 рублей. Делим на пять членов семьи, получаем 90 рублей. Таким образом, даже если бы Александр Исаевич вообще не работал, у него была возможность жить не на один рубль, как он сумел уверить Вишневскую, а на три рубля в день.

Между тем у него были и гонорары.

Рассказывая о публикации “Одного дня Ивана Денисовича”, А.И. Солженицын пишет: “Властно и радостно распорядился Твардовский тут же заключить со мной договор по высшей принятой у них ставке”²⁸². К сожалению, он не назвал конкретных цифр, но мы можем найти их в воспоминаниях Н.А. Решетовской. По ее свидетельству, гонорар за “Один день” был начислен из расчета 300 рублей за авторский лист²⁸³. А поскольку объем повести примерно 6 авторских листов, полученный за ее публикацию на страницах “Нового мира” гонорар составлял не менее 1800 руб. Если допустить, что таким же образом был оплачен его труд и в дальнейшем, то вырисовывается следующая картина: издание “Одного дня” в “Роман-газете” и отдельной книгой – 3600 рублей, четыре других рассказа (общий объем 7,5 а. л.) – 2250 руб. Итого – 7650 руб.

С 1962 по 1974 год ничего больше опубликовать в Советском Союзе А.И. Солженицыну не удалось. Однако мы знаем, что кроме гонораров за опубликованные произведения, ему выплачивались

---

282. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 20.

283. Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. М.: Советская Россия, 1990. С. 55.

авансы за произведения, которые напечатаны не были. Так, за роман “В круге первом” он получил аванс не менее 2700 рублей²⁸⁴, за повесть “Раковый корпус” – три аванса в сумме 6000 рублей²⁸⁵, аванс за отвергнутый киносценарий “Тунеядец” – 1500 рублей²⁸⁶. К этому нужно добавить авансы за непоставленные пьесы “Свеча на ветру” и “Олень и шалашовка” (не менее 2000 рублей)²⁸⁷. Получается, еще 12200 рублей.

Не следует также забывать, что Союз писателей СССР содействовал переводу “Одного дня Ивана Денисовича” и некоторых других его произведений на иностранные языки, в связи с чем, как мы знаем, у А.И. Солженицына уже в 1963 г. появился валютный счет во Внешторгбанке. Даже если взять по минимуму (1800 рублей за одно издание) и принять во внимание, что его повесть и рассказы официально, т.е. через “Международную книгу”, только до 1970 г. выдержала не менее 23 изданий за рубежом, мы получим более 41 тыс. руб.²⁸⁸.

Поэтому можно утверждать, что с ноября 1962 по март 1972 г. бедствующий писатель совершенно официально получил гонораров на сумму, как минимум, 60 тыс. руб., что не менее 6000 руб. в год или же более 500 руб. в месяц. 500 и 450 рублей – это 950 рублей, 180 руб. в месяц или же 6 рублей в день на одного человека.

---

284. Кондратович А.И. Новомировский дневник. С. 97.

285. Бианки Н.К. Симонов, А. Твардовский в «Новом мире»... С. 39.

286. Решетовская Н.А. Отлучение. Из жизни Александра Солженицына. Воспоминания жены. М., 1994. С. 100.

287. Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 111, 189-190.

288. Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 100.

Но и это не все. Мы не учли ту часть наследства, которую Александр Исаевич получил после смерти К.И. Чуковского. Остаются неизвестными те гонорары, которые потекли с конца 1960-х годов на его заграничный счет за роман “В круге первом” и повесть “Раковый корпус”. По свидетельству О. Карлайл, только издательство “Харпер энд Роу” готово было выплатить писателю за роман только в виде аванса более 60 тысяч долларов²⁸⁹.

Наконец, осенью 1970 г. Александр Исаевич стал нобелевским лауреатом и уже 27 ноября 1970 г. предложил своему адвокату Ф. Хеебу перевести “часть денег от Нобелевской премии” на его счет “в шведский или швейцарский банк” и выразил надежду, что “в конце декабря или начале января” эти деньги будут в распоряжении Хееба. В связи с этим он писал: “Я прошу Вас мне лично перевести через Внешторгбанк 3000 долларов”²⁹⁰. В декабре 1970 г. затребованная сумма находилась на личном счете Александра Исаевича²⁹¹.

26 августа 1973 г. Ю.В. Андропов докладывал в ЦК КПСС: “За последние два года Солженицыным из иностранных банков получен 23301 инвалютный рубль, на которые он купил легковые автомобили марки “Москвич-412” для своей первой жены Решетовской и матери второй жены – Светловой. Различные промышленные и продовольственные товары он, как правило, приобретает в валютных магазинах “Березка”²⁹².

---

289. Андреева-Карлайл О.К. Солженицын: в круге тайном // Вопросы литературы. 1991. №3. С. 125.

290. Кремлевский самосуд. С. 138.

291. Кремлевский самосуд. С. 145.

292. Кремлевский самосуд. С. 238.

Этого, конечно Альберт Мальц не знал. Но какую же нужно было иметь совесть, чтобы, обладая такими суммами, изъявить готовность принять его помощь?»²⁹³

В общем, Солженицыну вполне хватало и на «диетические по рушь тридцать», и даже на крабы из «Березки». Но к лицу ли совести нации кушать пармезан?

«Таким образом, – пишет Островский, – и лагерная телогрейка, и помятый алюминиевый чайник, и школьный костюм из магазина рабочей одежды, и чиненные-перечиненные ботинки, и зековские бахилы, и решетка с тремя десятками яиц по 90 копеек, и разговоры о рубле в день использовались Солженицыным лишь как **средство для создания образа не только гонимого, но и бедствующего писателя.** Независимо от того, как мы будем оценивать приведенные факты, очевидно одно: появляясь в самой скромной одежде, демонстрируя неприхотливость в отношении пищи, подчеркивая ограниченность финансовых средств, призывающий нас всех жить не по лжи Солженицын не просто в каждом конкурентном случае расчетливо играл разные роли, но и мистифицировал окружающих, т.е. попросту говоря, обманывал их»²⁹⁴.

Не отказался Солженицын от своих босяцких привычек и в США, живя в роскошном поместье, доверху заваленном деньгами от зарубежных публикаций «Архипелага». «Вечером он даже чай не пил. Крутой кипяток», – утверждает Станислав Го-

---

293. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 442-444.

294. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 445.

ворухин, побывавший в гостях у вермонтского отшельника в 1992 году²⁹⁵.

Очевидно, режиссер попал к Солженицыну akurat на «день зэка», которые он время от времени устраивал себе из ностальгии: «отрезаю утром 650 граммов хлеба, кладу два кусочка сахара, наливаю незаваренного кипятка. А на обед прошу сварить мне баланды и черпачок жидкой кашицы. И как быстро я вхожу в старую форму: уже к концу дня собираю в рот крошки, вылизываю миску. *Возмущения* встают во мне живо!»²⁹⁶

---

295. Станислав Говорухин: «Солженицын отказался от ельцинского ордена, чтобы не стать подельником той власти» // Комсомольская правда. URL: <http://kp.ru/daily/24213.4/416230>

296. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 310.

АРТЕЛЬ "СОЛЖЕНИЦЫН"

В любом деле залог успеха – наличие хороших знакомых, которых можно использовать как бесплатных и беспрекословных помощников. Обзавестись таковыми для обаяшки Солженицына труда никогда не составляло.

В марфинской шарашке он познакомился с Дмитрием Пановым и Львом Копелевым, которые десятилетиями будут, рискуя репутацией и даже свободой, помогать Солженицыну с публикациями, с отправкой рукописей за границу, с новыми выгодными знакомствами.

Хорошим подспорьем во всех делах было и наличие жены – верного товарища и соратника Натальи Решетовской. Невзирая на предательство супруга, давшего на нее показания во время следствия, Наталья Алексеевна продолжала его боготворить, возила ему передачи в тюрьму, а потом еще 14 лет создавала ему все условия для творчества. «Ему нужен был комфорт всей окружающей атмосферы, который я старалась создать ему своей музыкой, хорошо заведенным домом, умением уга-

дать и выполнить любое его желание, своим старанием быть для него “душечкой”»²⁹⁷.

Со своей стороны Солженицын запрещал Наталье Алексеевне краситься, завиваться, одеваться по моде и рожать детей: ее дело – служить Пророку, и не след ей отвлекаться на всякие глупости! Тесту место у печи.

Решетовская использовалась Солженицыным до самого развода, случившегося после получения им Нобелевской премии. Тогда на смену ей была избрана женщина помоложе – активная, безотказная, полезная своими знакомствами аспирантка МГУ Наталья Светлова.

Решетовская отреагировала на разрыв попыткой суицида, по счастью, неудачной.

Затворническое существование не мешало Солженицыну обзаводиться множеством знакомых. Особенно хорошо ему стало это удаваться после триумфа «Ивана Денисовича».

Каждый из новых знакомых Солженицына помогал ему, как мог.

Твардовский хлопотал за него перед властью имущими, проталкивал в Союз писателей, выписывал несусветные авансы за произведения, которые потом даже не печатались.

Вишневская и Ростропович предоставляли Солженицыну стол и дом, да не где-нибудь, а в элитной Жуковке.

Месяцами жил и подъедался Солженицын и у Корнея Чуковского в Переделкино. Детский писатель, как мы помним, даже отписал Солженицыну по завещанию часть своих денег.

---

297. Решетовская Н.А. В споре со временем. С. 201.

Стратегема № 9

Любите и умеете дружить. Приобретайте выгодные знакомства, которые можно использовать «для пользы дела».

Круг помощников Солженицына расширялся стремительно, ему удавалось располагать к себе людей не хуже, чем Крошке Цахесу из одноименного произведения Гофмана. При этом писатель без усталости строчил на своих друзей гадости в своих воспоминаниях, стремясь выглядеть на их фоне великим и непогрешимым. Публикация этих воспоминаний заставила многих взглянуть на Солженицына по-новому. Ни о какой дружбе после этого, естественно, речи идти уже не могло.

Многим, впрочем, удавалось раскусить Солженицына довольно быстро. Редкую пронизательность продемонстрировал, например, писатель Варлам Шаламов. Это был человек, который в отличие от Солженицына, прошел лагеря по-настоящему, будучи обвинен еще в 1938 году по действительно серьезному политическому делу – за участие в подпольной троцкистской группе, и сидел не по шарашкам, а в самых суровых местах.

Попытку познакомиться с Шаламовым Солженицын предпринял в июне 1963 года, отправив ему рассказ «Для пользы дела». Свою бандерольку он сопроводил словами: «Я считаю вас моей совестью и прошу посмотреть, не сделал ли я чего-нибудь помимо воли, что может быть истолковано, как ма-

лодушие, приспособленчество»²⁹⁸. В августе Шаламов посетил Солженицына в Солотче и сразу разглядел, кем на самом деле является автор «Ивана Денисовича». Позже он напишет: «Деятельность Солженицына – это **деятельность дельца**, направленная узко на личные успехи со всеми провокационными аксессуарами подобной деятельности... Ни одна сука из “прогрессивного человечества” к моему архиву не должна подходить. Запрещаю писателю Солженицыну и всем, имеющим с ним одни мысли, знакомиться с моим архивом»²⁹⁹.

«После бесед многочисленных с Солженицыным чувствую себя обокраденным, а не обогащенным».
(Из записных книжек Варлама Шаламова)

---

298. Шаламов В.Т. Записные книжки 1954-1979 гг. // Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954-1979. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2005. С. 360.

299. Шаламов В.Т. Записные книжки. С. 322, 332.

Прочитав эти слова, Александр Исаевич был обижен. «Да неужели же к моей борьбе с советским режимом, – никогда ни малейшей сделки с ним, ни отречения от своего напечатанного – возмутился он, – подходит слово “делец”?»³⁰⁰ Комментируя солженицынскую реплику, Владимир Бушин заметил: «Это, Александр Исаевич, самое мягкое словцо, что к вам подходит»³⁰¹.

Бесплатные помощники требовались Солженицыну и для перепечатки его бессмертных произведений. Активнее других он использовал для этого свою жену Наталью Решетовскую, внучку Чуковского Елену Цезаревну и Елизавету Воронянскую.

Но самый большой штат помощников требовался Солженицыну для другой цели. Автор хотел поражать мир книгами невероятной толщины, но быстро писать не умел. «Каждая строка у меня отлеживается год»³⁰², – признавался он журналистам.

Между тем, тот же «Архипелаг» требовал, как минимум, обработки огромного количества корреспонденции от бывших зеков, большой архивной работы, утрамбовывания в книжный формат тысяч слухов, баек и лагерных легенд. Модному писателю, проводившему свое время в бесконечных поездках в Москву на официальные мероприятия, беспрерывно знакомящемуся с нужными людьми и обивающему пороги с ходатайствами об улучшении условий жизни, делать это было просто некогда...

---

300. Солженицын А.И. С Варламом Шаламовым // Новый мир. 1999. №4. С. 168.

301. Бушин В. Гении и прохиндеи. М.: Алгоритм, 2003. С. 83.

302. Буханов В. У Солженицына в Рязани. С. 50-51.

«Архипелаг Гулаг» Солженицын начал писать еще в 1958 году, но дело быстро заглохло. Столь же кратковременным было обращение к нему и в 1960 году. Писателю явно не хватало информации. Зато после выхода в свет «Ивана Денисовича» ее стало даже слишком много – количество писем от бывших лагерников возрастало лавинообразно.

Восстановивший творческий путь Солженицына буквально не по дням, а по часам, историк Александр Островский установил, что основная работа над «Архипелагом» была выполнена в четыре приема: февраль-сентябрь 1965 г. (не более 110 дней), декабрь 1965 – февраль 1966 г. (максимум 55 дней), декабрь 1966 – февраль 1967 г. (73 дня) и декабрь 1967 – апрель 1968 г. (71 день). Итого немногим более 300 дней, т.е. около 10 месяцев. ... И за эти десять месяцев А.И. Солженицын написал, отредактировал и отпечатал на машинке 90 авторских листов³⁰³.

Получается, что каждый месяц Солженицыну необходимо было выдавать по 9 авторских листов, или более 200 страниц. В принципе, это возможно, но не стоит забывать, что все это время Солженицыну приходилось писать и другие произведения, бегать от КГБ, вести общественную жизнь. Так что без помощников тут явно не обошлось. Впрочем, уже в предисловии к «Архипелагу» писатель признается: «Эту книгу непосильно было бы создать одному человеку»³⁰⁴. И ссылается на 227 человек, без которых это произведение не могло бы состо-

---

303. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 245.

304. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 9.

яться. Их имен он не называет и даже не благодарит: «Я не выражаю им здесь личной признательности: это наш общий дружный памятник всем замученным и убитым»³⁰⁵.

Можно было бы подумать, что все эти люди просто предоставили Солженицыну «в рассказах, воспоминаниях и письмах» необходимую информацию. Однако внимательное прочтение «Гулага» дает основание утверждать, что этим дело не обошлось.

Книга содержит невероятное количество повторов. Один и тот же факт, одна и та же история может появиться на ее страницах не раз и не два. В сумме эта повторяющаяся, дублирующаяся информация занимает 40% текста. «Особенно велико дублирование в пятой части, указывает Островский. – Из двенадцати ее глав девять полностью и две частично дублируются в других частях “Архипелага”. Это более 80% ее содержания. Как будто бы под одной обложкой искусственно соединены два “Архипелага”, которые писались по схожей схеме, но разными авторами»³⁰⁶.

Масса повторяющейся информации, длинноты, скучные отступления добавляли книге объема. Но, возможно, это и было одной из целей писателя, уверенного, что чем объемистее книга, тем на более долгое время она останется в головах читателей? Вроде как, с помощью листовки можно заполучить сторонника на день, с помощью брошюры – на неделю, а с помощью трехтомного произведения –

---

305. Там же.

306. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 351.

на всю жизнь. Но так ведь немногие дочитывали длинный и нудный «Архипелаг» до конца, с каждой страницей увязая в нем все сильнее и безнадежнее. Отмечая беспримерную многословность эпопеи Солженицына, писатель-эмигрант Виктор Некрасов поминал новомирского редактора Анну Берзер: «В ее руки попала рукопись “Одного дня Ивана Денисовича”, и вот появился великий русский писатель Солженицын. Это было большим несчастьем для Солженицына, что рядом с ним не было Анны Самойловны, когда он писал “ГУЛАГ”. Я ручаюсь, что тогда он был бы в два раза меньше и ничего не потерял бы из своего содержания – так она умела отжимать воду»³⁰⁷.

Кроме простых повторов в книге сплошь и рядом встречаются взаимоисключающие точки зрения на вопросы, имеющие принципиальное значение. Так, у Солженицына постоянно меняются сами временные рамки исследования, казалось бы, заявленные самим названием книги: «Архипелаг Гулаг. Опыт художественного исследования. 1918-1956 г.»

В главе «Персты Авроры», в самом деле, утверждается, что «пошли лагеря, и родился Архипелаг» от «Временной инструкции о лишении свободы» от 23 июля 1918 года, предписывающей привлекать заключенных к физическому труду³⁰⁸. Но уже в следующей главе «Архипелаг возникает из моря» автор настаивает, что история Гулага началась с созданием в 1923 году Соловецкого лагеря осо-

---

307. Цит. по: Шафаревич И. Слово о Солженицыне // Наш современник. 1990. №1. С. 63.

308. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 10.

бого назначения³⁰⁹. Еще одна версия: «Архипелаг родился под выстрелы “Авроры”»³¹⁰, т.е., 7 ноября 1917 года.

Что касается даты наступления «лучших времен», то здесь Солженицын тоже путается в показаниях. И если в названии и в ряде глав фигурирует 1956 г. – год XX съезда партии, то в финале третьего тома автор утверждает, что конца большевистскому террору нет и не предвидится: «Архипелаг был, Архипелаг остается, Архипелаг будет»³¹¹.

Обращает на себя внимание и стилистическая дискретность текста «Архипелага». При внимательном анализе он распадается на фрагменты 1) выполненные в зубодробительном стиле учебников для партактива; 2) безликие, как багажные квитанции; 3) тархтящие, как новостные бюллетени. В единое целое эти разнородные куски более-менее стягивают солженицынские перевязки из его фирменных псевдорусизмов (пока еще довольно редких), странноватых поговорок и автобиографических отступлений с интонациями бабки-сказочницы из фильмов Александра Роу.

Чувствуя небезупречность результата коллективного труда, Солженицын просит за него пардона у читателей: «А вот что выражался я неудачно, где-то повторился или рыхло связал – за это прошу простить»³¹².

Можно. За это – можно. Но уж за все прочее – извольте...

---

309. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 18-50.

310. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 7.

311. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 355.

312. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 372.

Внимательный глаз может заметить также отсутствие единообразия в оформлении текста. «Прежде всего, это касается членения глав на разделы. В одних случаях для этого используется простой разрыв текста – просвет (А), в других просвет дополняется звездочками (Б), в-третьих, одна часть текста от другой отделяется “фонариками”. Причем использовано по крайней мере четыре разновидности “фонариков”: а) выносные над текстом (В), б) открывающие текст и набранные жирным шрифтом (Г), в) открывающие текст, набранные жирным шрифтом и имеющие индекс (Д), г) открывающие текст и набранные в разрядку (Е). Итак, шесть разных способов оформления текста: три (А, Б, Г) – в первом томе, шесть (А, Б, В, Г, Д, Е) – во втором и три (А, Б, Г) – в третьем (39). ... Получается, что в рукопись книги имела шесть авторских особенностей оформления текста»³¹³.

Итак, в «Архипелаге» имеют место и множество мнений автора по одному и тому же вопросу, и дублирование текста, и множество вариантов оформления, и множество разных авторских стилей. Отсюда очевидно, что данная эпопея плод сотрудничества целого коллектива литературных работников. То есть, отдельные части книги писались разными людьми, а Солженицын осуществил механическую сводку этого материала, не сумев или не пожелав его вычитать и устранить бьющие в глаза противоречия и нестыковки.

Одним из первых подозрение в этом высказал профессор-филолог Николай Ульянов. В опубликованной в 1971 году на страницах нью-йоркской га-

---

313. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 355-356.

зеты «Новое русское слово» статье «Загадка Солженицына» он писал: «Произведения Солженицына не написаны одним пером. Они носят на себе следы трудов многих лиц разного писательского склада, разных интеллектуальных уровней и разных специальностей»³¹⁴. Следовательно, заключается Ульянов, Солженицын сфабрикован литературной мастерской КГБ.

Вывод выглядит парадоксальным, если не принимать во внимание тот факт, что «Архипелаг» был страсть как нужен определенным силам в советской политической верхушке, недовольным отходом группы Брежнева-Косыгина-Суслова от критики сталинизма.

В «Теленке» Солженицына фигурируют, по крайней мере, девять подручных, которые предоставляли ему техническую помощь в работе над «Архипелагом»: Наталья Аничкова, Елизавета Воронянская, Анна и Татьяна Гарасёвы, Владимир Гершуни, Наталья Кинд, Нина Пахтусова, Григорий Тэнно, Александр Храбровицкий, Елена Чуковская.

Однако были у Солженицына и непосредственные соавторы. Один из них, Григорий Тэнно, написал (или надиктовал), как минимум, одну главу в 3-м томе «Гулага» – «Белый котенок»³¹⁵.

Другой, Вячеслав Всеволодович Иванов, признавался позднее в интервью «Новой газете»: «Много кусков написано разными людьми, в том числе мной. Я предложил несколько вставок в

---

314. Цит. по: Нива Ж. Александр Солженицын: Борец и писатель. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 83.

315. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 110-133.

уже написанный текст. Он их принял. Например, о Флоренском»³¹⁶. По его словам, на работу «литературных негров» приходится «большая часть его главной книги». Пытался Солженицын привлечь к написанию «Гулага» и Варлама Шаламова, однако «они не сошлись. Шаламов полагал, что человек в лагере гибнет, а Солженицын категорически не соглашался. Его идея – лагерь возвышает дух. Они не договорились. Потом он не договорился с Даниэлем»³¹⁷.

Но и без них артель «Солженицын» сложилась веселой и многочисленной. «Гулаг» писался споро. Кто-то обрабатывал письма бывших лагерников, кто-то рылся в Марксе-Ленине в поиске нужных цитат, кто-то сводил разрозненные куски в единый текст. *Такая пошла работа – недосуг носу утереть...*

Совместными усилиями целого института помощников и соавторов книга Солженицына была окончена весной 1968 года.

Главный труд жизни был отдан на суд читателей.

---

316. Саед-Шах А. Солженицын / Интервью В. В. Иванова] // Новая газета. 2005. №63. 28-31 августа

317. Саед-Шах А. Солженицын...

МАЛАМЗЯ С РАСЩЕПЫРЕЙ

Ни в чем так не проявляется своеобразие человека, как в его языке. Невозможно спутать Лескова с Достоевским, а Антона Чехова – с Андреем Платоновым. Рука писателя узнается зачастую всего по одной строчке.

Кто еще мог написать: «мир огрѳмив мощью голоса, иду – красивый, двадцатидвухлетний», кроме Владимира Маяковского?

Кому может принадлежать «крылышкуя золотописьмом тончайших жил», кроме Велимира Хлебникова?

Великолепный стилист, кудесник слова Исаак Бабель восхищался стилем Владимира Ленина, находя его сильным, лаконичным, упругим. С этим можно подискутировать, но бесспорно то, что обрразная языковая манера вождя тоже узнается на раз: «Когда наступит час вешать буржуев, они станут конкурировать друг с дружкой за право продать нам веревку по самой низкой цене».

Над созданием собственного узнаваемого языка Солженицын работал всю жизнь. И стиль его

угадывается тоже мгновенно. Тяжелый и скучный, он, однако, обильно приправлен массой псевдорусских неологизмов вроде «невпритвор», «напуг», «злопышники», «укривище», «сбекрененная фуражка», «натучнелый скот», «натопчивая печь», «на поджиде», «на сковыре Никиты», «под дёготный зашлёп», «дремчивый», «расколыханный», «не давая взнимку», «не впервые и не впоследне».

Эта манера Солженицына бросается в глаза сразу, как только открываешь любую его книгу. Характерна она и для устной речи писателя, нафаршировывавшего каждое свое выступление или интервью малопонятными, но звучащими почвенно, по-старинному словечками.

Создавалось впечатление, что Солженицын говорит на исконно русском, дореформенном, утраченном за годы мутной совдепии языке.

Где же узнал его человек, который вырос в крупном городе в самый разгар агитпропа?

Стратегема № 10

Изобретите свой язык – своеобразный и неповторимый, звучание которого не позволит спутать вас ни с кем.

В юности, едва познакомившись с произведениями Солженицына, мы тоже задавались этим вопросом и уже значительно позже выяснили, что Солженицын, оказывается, всю свою жизнь, даже на фронте и даже сидя в тюрьме, не выпускал из рук словарь Даля. Именно оттуда и брал он свои «исконно русские слова». Этот словарь Даля упо-

минают в своих воспоминаниях все знакомые писателя той поры. Словарь Даля все время читает в «Круге первом» и Глеб Нержин, автобиографический герой Солженицына.

Есть, однако, проблема: словарь Даль составлял из разных слов разных диалектов русского языка, то есть, например, в словаре бок о бок могли стоять слова и из сибирских, и из вятских, и из южнорусских говоров, которые никогда бы не встретились в речи одного и того же человека. Более того, известно, что Далю часто предъявляли претензии в сочинительстве слов языка, а он, признавая это, оправдывался тем, что ничего страшного, что сочиненное им слово не встречается в языке, главное, что «оно звучит по-русски».

Когда Солженицын, для придания себе народности, заменял общеупотребительные слова в своем тексте на слова из словаря Даля, то возникал этот эффект «народности» с одной стороны, и эффект антинародности, пародийности и лубочности – с другой, ведь это был искусственный, вавилонско-русский язык, язык всех говоров сразу и никакого говора в отдельности.

В то, что Солженицын говорит на некоем народном языке, легко может поверить иностранец или городской житель, интеллигент, который никогда деревенского языка не слышал, но реального селянина этим липовым народным языком не проведешь! Поэтому и восхищение этот язык вызывает именно у городской интеллигенции, которая вздыхает по утраченным корням. Ну и у экзальтированных западных интеллектуалов, вроде британского журналиста Бернарда Левина, писавшего в лон-

донской «Гаймс», что, читая Солженицына, «начинаешь понимать, что означало когда-то выражение “святая Русь”»³¹⁸.

Между тем, в российской глубинке еще можно услышать настоящую красивую и образную народную речь. В пензенских деревнях, например, говорят не «поймал», а «*пымал*», вместо «попробуй» – «*пытай*», вместо «сосед» – «*шабёр*», а соседка – «*шаброва*», дверь – это «*двёрка*», а тряпка – «*тымалка*». Почему «тымалка»? Оказывается, это сокращение от *отымалка*, раньше отымалку использовали, чтобы из печи что-то вытащить. Так что, в отличие от солженицынских неологизмов, это слова живые, функциональные. Хорошее ведь, вправду, слово «тымалка», ухватистое!

Сколько мест, столько и русских языков. И это прекрасно, ведь это живые языки, на которых люди говорят и по-своему ими вещи подмечают.

Есть также мертвые языки, придуманные.

В 1990 году Солженицын издал «Русский словарь языкового расширения», представляющий собой выписки из Даля и некоторых других источников с добавлением множества слов собственного «словопроизводства». Причем выписки эти делались целых полстолетия: «С 1947 года много лет я почти ежедневно... читал подряд все четыре тома Даля, очень *внимчиво*»³¹⁹. Свой полувековой труд Солженицын проделал, по его словам, чтобы «восполнить *иссушительное обеднение* русского языка и всеобщее падение чутья к нему»³²⁰. Занесенные

---

318. Цит. по: Бушин В.С. Александр Солженицын: Гений первого плевка. С. 70.

319. Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. М.: Наука, 1990. С. 3.

320. Там же.

в хаотическом порядке в словарь «незаслуженно забытые» слова, по мнению автора, непременно должны присутствовать в языковом обиходе современных россиян. Всего таких слов его словарь насчитывал около **тридцати пяти тысяч!**

Что же это за «полнокровные» слова, и как с их помощью можно насытить «обедневшую речь»?

Скандальный российский филолог Алексей Плутсер-Сарно попробовал провести своеобразный эксперимент, составив текст на «языке» словаря Солженицына:

Растопыря, или Необходимая баба

Ерыжливый дурносоп верстан, достодолжный жегнуть шершавку, любонеистово хайлил жиротопное шурьё. Зябкоподжимчивый валява остробучил, жубря: “Хунды-мунды, вахлюй! Отрезно ты фефёлу дочул, иззаплаченный дурандай!” “Да, жемнул я мормотень! – отжегнулся дурносоп верстан, – а тебе вот маламзя с расщепырей!” “Да, ить здесь одна жирным-жирнешенька шеврюжка!” – верстанулся прощепырник. “А ты чо выхайлился, захухряев оторвяжник?” – утомчился зябкоподжимчивый дурносоп. “Эвось! – защепырил прожубрястый валявка, – я то – чуфырь! А ёна ведь неутомчивая жемжурка. Коли ей баларыст за жирнить в шабры, так расщепырится захухрястой профефёлой!” Тутока верстаный дурносопьяк дочуял страстоубийственный хлясь. Отрезный захухряй прожемнул поконец и ущепырил растопыря³²¹.

321. Плутсер-Сарно А. О «Словаре языкового расширения» А.И. Солженицына / URL: http://plutser.ru/histogy_dictionary/hslang/ustar_slovar5

«Созданный на языке А.И. Солженицына искусственный текст под названием “Необходимая баба” показывает, с одной стороны, что лексика такого рода действительно имеет определенную литературную ценность, поскольку обладает исключительной экспрессивностью, – тонко троллит Плуцер-Сарно писателя-новатора. – С другой стороны, совершенно очевидно, что возродить эти слова в облике некоего нейтрального пласта кодифицированного литературного языка совершенно невозможно»³²².

Говоря по-простому, язык этот – вымороченный и мертворожденный, а его создатель достоин жегнуть шершавку.

Усилия Солженицына были, между тем, высоко оценены нашим научным сообществом. За создание «Словаря языкового расширения» он был 29 мая 1997 года избран действительным членом Российской академии наук. «Это избрание поразило многих прежде всего потому, что новый академик не был ни членом-корреспондентом Академии наук, ни доктором, ни кандидатом наук, вообще не имел научных трудов, – вспоминает Александр Островский. – А впрочем, стоит ли удивляться. Римский император Калигула назначил в Сенат свою лошадь»³²³...

Трепетную страсть, как мы успели заметить, Солженицын испытывает и к идиоматическим выражениям – именно с их помощью он расцветивает канцелярский стиль «Архипелага». Большинство из этих поговорок, впрочем, тоже благовыдуман-

---

322. Там же.

323. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 423.

ные – это настолько очевидно, что даже глаз режет: «Лучше каши не доложь, да на работу не тревожь»; «Пошел к куме, да засел в тюрьме», «Находишься по воле – наплачешься вдоволе» и т.п.

И все бы ничего, если бы сочинительством поговорок Солженицын занимался ради только филологических игрищ – так сказать, во имя чистого искусства. Но даже здесь он выступает как циничный фальсификатор, вкладывая в уста народа собственные идеи.

К «народной мудрости» Александр Исаевич апеллирует, «доказывая», что голодать русский мужик стал лишь при Советской власти, прежняя же Россия вовсе не знала голода: «На Руси никто с голоду не *умирывал*», – говорит пословица. А **пословицу *сбреху не составят***³²⁴.

И это народ у него, оказывается, от века учил: «Смелого ищи в тюрьме, глупого – в политруках» («Нет, не врет **старая** пословица»³²⁵, – комментирует эту свою поделку незадачливый стилизатор).

Специалисты по риторике называют этот прием «**втиранием очков**». У самого Солженицына, как мы помним, для данного метода имеется не менее поэтичная дефиниция: «*темниловка*», или «*раскидка чернухи*».

Итак, с поговорками Солженицын «темнит» вполне мастерски, и по количеству изобретенных неологизмов может потягаться с самим Маяковским.

Что касается иных художественных достоинств солженицынских текстов, то... **положа руку на серд-**

324. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 102.

325. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 201.

це, ответьте, кто смог осилить хотя бы том «Красного колеса»? Собственно, чем дальше Солженицын оказывался от новомирских редакторов, которые не просто исправляли его ошибки, а переписывали его произведения, тем больше наружу вылезала полная творческая бездарность автора.

Бывает, что непосильной для «великого русского писателя» оказывается даже такая вроде бы нетрудная задача, как ясное выражение собственных мыслей. Усилия, с которыми он вымучивает иную фразу, ощущаются почти физически. И получается в результате что-то совершенно невразумительное.

Вот, например, Солженицын восхищается искусством лучшего лагерного дровосека Павла Чульпенева: «Овладел он приемом “сплошного повала”: первый хлыст валится так, чтоб опирался, не был в провисе, легко раскряжевывался. И все хлысты потом кладутся один на один, скрещиваясь – так, чтоб сучья попадали в один-два костра, без стаскивания»³²⁶.

А вот, например, в каких выражениях самовидец учит свой добрый народ обустроить Россию: «неподымные работы», «окаянщина администрации», «внутреннее беспорядье», «заманчивое исчужа», «новозатейщина», «заманные лозунги и захлабчивые ораторы», «круговое навёрстывание», «выникнет из обморока самобытность окружного края»³²⁷. Прочел все это народ – и не понял ничего, и ничего не обустроил. Хотя ведь Солженицын

---

326. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 166.

327. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. С. 538-598.

как раз по-народному сказать пытался. Без всяких этих ваших иностранных словечек типа «депутаты». Не «депутаты» надо, а *избранцы!*

Мнящий себя великим реформатором языка, Солженицын не только выдумывает новые слова, но и стремится вернуть исконный смысл тем, что находятся в широком ходу. Что вам представится, прочитай вы фразу «Государь облегчился»?.. А автор имел в виду всего лишь, что у царя стало легче на душе (это когда он узнал об исчезновении и возможной смерти Распутина)³²⁸.

«Солженицын – писатель масштаба Писаржевского, уровень направления таланта примерно один»³²⁹, – не зазря припечатал своего коллегу блистательный Варлам Шаламов.

О том же и слова Бенедикта Сарнова:

«Есть писатели, читая книги которых словно летишь по хорошо накатанной лыжне. А есть другие, до смысла едва ли не каждой фразы которых читателю приходится добираться, совершая некоторое, иногда довольно большое усилие. (И хорошо, если это усилие окупается).

Усилие, которое читателю приходится преодолевать, вступая в общение с текстами Солженицына, не просто повышено. Оно – чрезмерно.

У него к смыслу этих его словесных красот читателю приходится продирается по бездорожью. *Через непродёр*, как он сам выразился бы в подобном случае»³³⁰.

---

328. Солженицын А.И. Красное колесо. Узел III. Март Семнадцатого. Кн. 1. // Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 11. М.: Время, 2008. С. 9.

329. Шаламов В.Т. Записные книжки. С. 330.

330. Сарнов Б. Феномен Солженицына. С. 405-406.

Сам Солженицын высмеивал подобные нападки. Мол, а судьи-то кто? Вот в Степлаге был один такой лейтенант Миронов. И всё-то он был чем-то недоволен, и даже «энергичные докладные» авторства Солженицына «отталкивал с досадой»:

«– Ты и писать толком не умеешь, **стиль у тебя корявый**. – И протягивал мне докладную десятника Павлова.

– Вот пишет человек:

“При анализации отдельных фактов понижения выполнения плана является

- 1) недостаточное количество стройматериалов
- 2) за неполным снабжением инструментом бригад
- 3) о недостаточной организации работ со стороны техперсонала
- 4) а также не соблюдается техника безопасности”»³³¹.

Вот какой дурак лейтенант Миронов, не сумел разглядеть в Солженицыне великого мастера слова – автор «Архипелага» приглашает читателя посмеяться вместе с ним над дурновкусием гражданина начальника, предпочетшего ему, живому классику, какого-то нелепого десятника Павлова. И это аккуратно через пять страниц после «раскряжевывающихся хлыстов»...

Но что там неведомый Павлов! Солженицын нещадно судит всех без исключения товарищей по цеху, позорит Бродского и Шолохова, ревнуя их к Нобелевской премии, учит их правильно писать. Достается и классикам – Александр Исаевич панибратски критикует Достоевского, Толстого,

---

331. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 171.

Некрасова, Платонова. Горького он аттестует (уста-ми своего персонажа) как «ничтожную скучней-шую личность» («придумал сам себя и придумал себе героев, и книги все выдуманые насквозь») ³³². Даже о «солнце нашей поэзии» Солженицын, по словам Виткевича, отзывался весьма непочтительно: «На что нам Пушкин? Не понимаю, что в нем люди находят» ³³³.

Он цепляется к мелким ошибкам, выискивает огрехи, вычесывает блох. Но насколько безгрешен в этом отношении сам наш академик? Может быть, составитель словарей и тонкий литературный критик хотя бы писал грамотно?

Отнюдь.

Оценить особенности авторской орфографии Солженицына по российским публикациям трудно – почти все позорные ашыпки мастера художественного слова исправлены твердой рукой корректоров. А вот зарубежные издания, напротив, печатались прямо с рукописей, именно они и дают нам возможность усомниться, что Солженицын заслуженно получал в школе свои пятерки.

Читая парижское издание «Архипелага», Владимир Бушин не уставал удивляться, как может человек, закончивший с отличием высшее учебное заведение, писать некоторые исконно русские имена в таком, например, облике: *Вячислав, Керилл, Керюха*. «Ничуть не лучше, чем с именами людей, обстоит у Солженицына дело с географическими названиями на огромных пространствах от бывшей Восточной Пруссии, от немецкого города Вормдигт

332. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 159.

333. Цит. по: Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. С. 171.

до знаменитого Халхин-Гола и Маньчжурии, изображенных им все в том же достославном “Архипелаге” как “Вормдит”, “Халхингол” и “Манчжурия”. ... Даже всемирно известные названия столиц советских союзных республик он не может ни написать, ни употребить верно. Читаем, например: “юристы Алматы” (т. 1, с. 21). Или вот с каким ведь упрямством твердит: Кишенев (1, 134), Кишенев (1, 565), Кишенев (1, 565), Кишенев (5, 538)...

Увы, так же некорректно ведет себя ... при употреблении в своем драгоценном “Архипелаге” множества и другого рода слов, выражений, оборотов речи. Пишет, например, ... “скотоложество”, “гуттаперчивые куклы”, “на мелководьи”, “заподзреть” ... Если не скучно, то пошли дальше: “мы у них в презренья”, “женщина в шелковом платьи”, ... “вещи бросаются в тут же стоящую бочку” ...

Другая весьма устойчивая форма дремучести выражается в маниакальном стремлении удваивать согласные там, где вовсе не требуется. Это можно было заметить еще в написании имен и названий: “Кессарийский”, “Тарусса”, “Тартусский” ... Но вот и продолжение: “нивеллировать”, “баллюстрада”, “асс”, “карикатура”, “аннальное отверстие” ... Наш герой не желает ни с чем считаться, ему мало того, что он представил в ложном свете даже анальное отверстие, он продолжает свое: “агломерат” (2, 517), “муссаватист” (1, 50), “воспоминания”, “латанный воротник”, “подписи” (2, 475)»³³⁴.

Коллекцию Бушина можно пополнить, обратившись к первому, еще плохо вычитанному изданию

---

334. Бушин В.С. Александр Солженицын: Гений первого плевка. С. 70-72.

«Архипелага», вошедшему в Малое собрание сочинений Солженицына с серой обложкой. Помимо многих вышеупомянутых ляпсусов, корректор С.И. Розенберг пропустил также многочисленных «девчёнок», не исправил «цынга», забыл понизить прописные в слове «ВУЗ» до грамматически правильных строчных: «вуз».

Даже фамилию своего знакомого, знаменитого на весь мир биолога-генетика Николая Васильевича Тимофеева-Ресовского Солженицын упорно пишет с одной и той же ошибкой: «Тимофеев-Рессовский».

И это только то, на что у нас глаз хватило...

Предвидя обвинения в орфографическом крохоборстве, Владимир Бушин припоминает историю, рассказанную в «Архипелаге» самим Солженицыным:

«Однажды он обнаружил, что некий ответственный товарищ вместо “ботинки” написал “батинки”. Товарищ этот был ему несимпатичен, ибо начальствовал над ним, и между ними возникали какие-то трения. А на дворе стояла весна 1953 года – Солженицын только что вышел из лагеря. И вот даже радость вновь обретенной возможности ходить по земле без охраны и вольно дышать не могла смягчить его злого презрения, и он запомнит эту ошибку, чтобы через двадцать с лишним лет предать ее гласности и высмеять в своем “Архипелаге”! Но кто он был, тот ответственный товарищ, писавший “батинки” – один из руководителей Союза писателей? министр? секретарь обкома? академик? Нет, это всего-навсего инспектор Кок-Терекского райпо Джамбульской области Казахстана. Универси-

тетов, как Солженицын, он, конечно, не кончал, в Институте истории, философии и литературы, как Солженицын, не учился, Нобелевской премии не сподобился. И русский язык для него не родной, он – казах. А ошибочку свою он сделал не в фолианте, изданном многотиражно в Париже, а в ведомости по учету товаров, составленной в связи с ревизией магазина в ауле Айдарлы. Вот каков объект и каковы обстоятельства грамматического сарказма и негодования Александра Исаевича”³³⁵.

В общем, как в народе нашем исстари говаривалось: «Самши не знамши – других не поучай»!

Ну, или как-нибудь в этом роде. Не мы мастера поговорки выдумывать...

Воинственную неграмотность Солженицын демонстрирует и на других фронтах. Вот, вроде бы, конек его – история. И к «Архипелагу» его, и к «Красному колесу» многие относятся как к серьезным историческим исследованиям: с архивами работал, даты у него, ссылки – значит, что-то понимает.

Но как относиться к великому историческому открытию, что в 1812 году французская армия... не смогла добраться до Москвы, увязнув в русских топях? «Наполеон почему **Москвы не нашел**? Да из-за полесских и ильменских болот. А осушат – и обнажили белокаменную!»³³⁶

Может, это шутка? Да нет, вроде, всерьез говорит академик, и фразу эту из более поздних изданий «Архипелага» не изымает...

---

335. Бушин В.С. Александр Солженицын: Гений первого плевка. С. 73.

336. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 277.

И подобных открытий в наследии Солженицына немало.

«В области истории, жизнеустройства и правопорядка дореволюционной России демонстрирует свою тягу и ее результаты посредством таких, скажем, утверждений: в Новочеркасске в свое время воздвигли, мол, памятник герою Отечественной войны двенадцатого года атаману **Платонову**; царь Александр Второй был убит в 1882 году; все, кончавшие высшие учебные заведения, вместе с дипломом получали дворянское звание и т.д.»³³⁷.

Найдется кто-нибудь, кто скажет нам – ну и что такого? Опечатки, небрежность, рассеянность – с кем не бывает? Да, бывает. Даже Аристотель, говорят, заявил однажды, что у мухи восемь ног – тоже, что ли, его в неучи записывать? Но одно дело – ошибки по невнимательности, и совсем другое – сознательная фальсификация истории, подрывающая сами основы общественных устоев.

И вот в этом отношении Солженицыну, пожалуй, еще не было равных на нашей брэнной планете...

---

337. Бушин В.С. Александр Солженицын: Гений первого плевка. С. 74.

АРХИПЕЛАГИ ЛЖИ

По свидетельству Натальи Решетовской, изначальной целью «Архипелага Гулага» был «не показ жизни страны и даже не показ быта лагерей, а сбор лагерного фольклора»³³⁸.

Если бы этим дело Солженицына и ограничилось, то мы имели бы вполне любопытное исследование, выявляющее пути проникновения в языковую практику советского человека уголовных слов и выражений, легенд и мифов о несправедливых судах и дерзких побегах, о доблести каторжан и низости власть предержащих.

Солженицын с увлечением пишет о глубоком смысле заповеди «Не верь, не бойся, не проси», о правильном применении максимы «Дают – бери, бьют – беги», об истинном происхождении дембельской присказки «Кто не был – тот будет, кто был – не забудет». Цитирует прибаутки про «прокурор добавит» (ответ на просьбу добавить кипяточку) и про «вОлОгОдский кОнвОй», который

---

338. Произведение ненаучное, неисторическое: Интервью Натальи Решетовской, первой жены Солженицына, корреспонденту французской газеты «Фигаро» // В круге последнем. С. 134-135.

«шутить не любит»³³⁹ (последняя имеет хождение и поныне, трансформировавшись в популярную побасенку про «вОлОгОдский ОМОН, руки на кОпОт, ОтмОрОзки!») Растолковывает специфические понятия: «Бежать или подавать что-нибудь *на цырлах* значит: и на цыпочках, и стремительно, и с душевным усердием – и все это одновременно»³⁴⁰. Половину поговорок придумывает сам, чтобы интереснее было – ну, это мы уже видели.

Все это весьма занятно, но революцию в умах произвести, конечно, не способно, и на Главный Крик не тянет. Солженицын понимал, что с банальной энциклопедией лагерной жизни ему не войти в историю. Нужен был скандал. Большой, громкий скандал – чтобы на весь мир.

В 1883 году между островами Ява и Суматра равнул вулкан Кракатау. Звуковая волна от невероятной силы взрыва дважды обогнула земной шар, он был слышан за многие тысячи километров. Вот таким должен был стать Главный Крик Солженицына. Даже громче – его последствия должны были сотрясать Землю в течение десятилетий.

Мина, подложенная под основы огромного, находившегося на пике могущества государства, представляла собой три увесистых тома, наполненных страшными фактами, нелицеприятными свидетельствами, не укладывающейся в голове статистикой. Сам объем произведения должен был говорить, что работа проведена исключительно серьезная, а «документальная» форма была призвана придавать ему особую достоверность.

---

339. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 362.

340. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 329.

Создав бескрайний океан из цитат Ленина и Маркса, тюремных баек, показаний безымянных свидетелей и т.п., Солженицын сотворил в нем и твердь – островки, за которые цеплялся бы читатель, уставший барахтаться в топком и вязком тексте. Эти островки легко выхватываются глазом, они состоят из чистой, беспримесной лжи, но именно они наиболее притягательны для доверчивого читателя. Давно замечено: чем неправдоподобнее вымысел, чем чудовищнее ложь, чем нереальнее цифры – тем легче в них поверят. Так уж устроены люди – чтобы начать размышлять, надо удивиться. Но иногда удивление таково, что так и простоишь всю жизнь с раскрытым ртом, не смея усомниться...

Не надо быть профессиональным историком, чтобы оценить «добросовестность» источниковедческой базы «Архипелага». На кого ссылается Солженицын? Его источники – это «один врач», «один офицер», «один насмешливый сапожник», «полуграмотный печник», «молодой узбек», «мужик с шестью детьми» или «несколько десятков сектантов». Но чаще даже безличные: «вот говорят», «говорили», «как говорят», «по слухам», «шли слухи», «прошел слух», «есть молва», «если верить рассказам», «слух этот глух, но меня достиг, а я передал его».

Подобная манера позволяет Солженицыну рассказать любую небылицу – например, как питерские чекисты имели обыкновение осужденных не расстреливать, а живьем скармливать зверям в зоопарках – и тут же оговориться: «Я не знаю, правда это или навет»³⁴¹. И если поймают его за руку – тут же вывернуться в духе героя Ильфа:

---

341. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 128.

- Врешь.

- Нет, не вру. Ошибаюсь.

Поразительно, что, апеллируя к «полуграмотному печнику» как к надежному источнику информации, Солженицын требует от других исключительной добросовестности и точности. Вот он, например, негодует по поводу публикации статьи о зеке, решившем помочь стране бить фашистов (по этическим соображениям фамилия его не указывалась): «Некий Алексей, повествуют “Известия”, но почему-то фамилии его не называют, якобы весной 1944 бежал из рыбинского лагеря на фронт – и там был сразу охотно взят в часть майором-политработником, ... фамилии майора тоже нет»³⁴². Нет фамилии – не было и случая, и Солженицын заключает: «Такие басни тачает нам главный правительственный орган. Такой паутинкой легенд хотят закрыть от нас *зинувший* Архипелаг»³⁴³.

На протяжении сотен страниц «Архипелага» автор живописует ужасы советской исправительной системы, смакует их, наслаждается эффектом. Рассказывает истории, как бессовестные опера вытряхивали младенцев из гробика при обыске, рвали у людей зубы, чтобы найти микрофильмы. Как, допытываясь показания, сжимали жертвам череп железным кольцом, опускали их в ванну с кислотами, голых и привязанных пытали муравьями, клопами, загоняли раскаленный на примусе шомпол в анальное отверстие («секретное тавро»), медленно раздавливали сапогом половые части³⁴⁴.

342. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 322

343. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 323.

344. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 75.

И все это без единой достоверной ссылки – даже на личный архив, как это принято у приличных историографов. Откуда же все эти сведения?

Николай Виткевич объясняет:

«В лагере Солженицын встречался с людьми, морально слабыми, озлобленными; они жаловались, сочиняли небылицы. Таких Солженицын поддерживал, способствовал утверждению в них мысли об их несчастной судьбе. Он занимался сбором «лагерного фольклора», а не фактов, то есть собирал бездоказательные рассказы заключенных, которые, как это хорошо известно, склонны к преувеличениям, гиперболам и другим эффектным описаниям пережитых ими событий. А собирать материал и действовать на основании собственного опыта Солженицын просто не мог, потому что он почти не знал, что собой представляет лагерь. Он был лишь в Экибастузе, да и то недолго»³⁴⁵.

Степень достоверности передаваемых Солженицыным сведений можно оценить уже по самым первым абзацам «Архипелага», где он рассказывает о заметке, читанной им во время пребывания в марфинской шарашке в журнале «Природа».

«Писалось там мелкими буквами, что на реке Колыме во время раскопок была как-то обнаружена подземная линза льда – замерзший древний поток, и в нем – замерзшие же представители ископаемой (несколько десятков тысячелетий назад) фауны. Рыбы ли, тритоны ли эти сохранились настолько свежими, свидетельствовал ученый корреспондент, что присутствующие, расколов лед, тут же охотно съели их.

---

345. Цит. по: Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. С. 166.

Немногочисленных своих читателей журнал, должно быть, немало подивил, как долго может рыбе мясо сохраняться во льду. Но мало кто из них мог внять истинному богатырскому смыслу неосторожной заметки.

Мы – сразу поняли. Мы увидели всю сцену ярко до мелочей: как присутствующие с ожесточенной поспешностью кололи лед; как, попирая высокие интересы ихтиологии и отгалкивая друг друга локтями, они отбивали куски тысячелетнего мяса, волокни его к костру, оттаивали и насыщались.

Мы поняли потому, что сами были из тех присутствующих, из того единственного на земле могучего племени эсков, которое только и могло охотно съесть тритона»³⁴⁶.

Хотя Солженицын предусмотрительно не дал выходных данных первоисточника, найти его несложно, благо интернет есть у всех. Заметка Ю.Н. Попова «Новые находки трупов плейстоценовых животных на северо-востоке СССР» была напечатана в 3-м номере журнала «Природа» за 1948 год.

Автор рассказывал о находке в Колымском крае останков ископаемых животных изумительной сохранности. Крупные части тел бизона, носорога, северного оленя, лисы и др. мумифицировались в результате морозного обезвоживания в течение многих тысячелетий.

Фигурировала в статье и ледяная линза с замерзшими рыбами, вскрытая взрывом при производстве дорожных работ. Эти рыбы, действительно, были съедены присутствовавшими при взрыве.

---

346. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 6.

Заметим, что Солженицын сознательно передергивает: дорожные работы – это не научные раскопки, рыбы – это не тритоны, и ели их явно не зеки – съесть научные находки зекам попросту не дал бы конвой. Более того, что это в действительности были за рыбы – неизвестно, со слов прораба судить об этом нельзя. Но если бы это были представители древней ихтиофауны, то их мясо вряд ли оказалось бы съедобным – в условиях отсутствия воздуха и избытка влаги оно превратилось бы в жировоск, и не за сотни тысяч лет, а значительно быстрее. Значит, рыбы были достаточно свежими, и ничего удивительного, что в голодном 1942 году люди воспользовались ценным даром природы.

Мы видим, что любой, даже вполне нейтральный факт Солженицын легко ставит на службу своей концепции, при необходимости модифицируя его до неузнаваемости. История для него, равно как и наука, и собственная биография – материал пластичный. «Уже из вступления понятно, о чем остальная книга, – говорит Дмитрий Пучков. – Через мощные художественные образы автор навязывает читателю потребный ему вывод, обосновывая все, что ему требуется увесистыми плодами собственной фантазии. И неважно, о чем идет речь – о советской армии, о терроризме, о бандеровцах, о власовцах, о вредителях, о доносителях или о самом авторе»³⁴⁷.

Испытания здравым смыслом не выдерживают большинство солженицынских «фактов». Вот как герои рассказа В.К. Алмазова, бывшие колымские

---

347. Пучков Д. Солженицынские чтения. Вып. 1, доп. // Официальный канал Дмитрия Пучкова на YouTube / URL: <https://www.youtube.com/watch?v=D2dUBZ7AcsQ>

зеки комментировали некоторые «невыдуманные истории» из «Гулага».

«**Рассказывают**, что в декабре 1928 г. на Красной Горке (Карелия) заключенных в наказание (не выполнили урок) оставили ночевать в лесу и 150 человек замерзли насмерть, – пишет, например, Солженицын. – Это обычный соловецкий прием, тут не усумнишься»³⁴⁸.

«Непонятно, что значит “оставили в лесу”? – говорит герой рассказа Семен Никифорович. – Что, охрана ушла ночевать в казарму?.. Так это же голубая мечта зеков! Особенно блатных – они бы моментально оказались в ближайшем поселке. И так стали бы “замерзать”, что жителям поселка небо с овчинку показалось. Ну а если охрана осталась, то она, конечно, развела бы костры для собственного обогрева... И тут такое “кино” получается: в лесу горит несколько костров, образуя большой круг. У каждого круга полторы сотни здоровенных мужиков с топорами и пилами в руках спокойно и молча замерзают. Насмерть замерзают! ... Вопрос на засыпку: сколько времени может продолжаться такое “кино”?»³⁴⁹

Как «чистый свист» характеризует Семен Никифорович и другой рассказ Солженицына, «что на Кемь-Ухтинском тракте близ местечка Кут в феврале 1929 роту заключенных, около ста человек за невыполнение нормы загнали на костер – и они сгорели»³⁵⁰.

---

348. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 38.

349. Алмазов В.К. Сука ты позорная / URL: http://modernlib.ru/books/almazov_v_k/suka_ti_pozornaya/read_1/

350. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 38.

«Огня боятся не только дикие звери, но и человек, – напоминает персонаж Алмазова. – Ведь сколько было случаев, когда при пожаре люди выпрыгивали из верхних этажей дома и разбивались насмерть, лишь бы не сгореть заживо. А тут я должен поверить, что несколько паршивых вертухаев (конвойных) сумели загнать в костер сотню зеков?! Да самый зачуханный зек-доходяга, предпочтет быть застреленным, но в огонь не прыгнет. Да что говорить! Если бы вертухай, со своими пятизарядными пукалками (ведь автоматов тогда не было), затеяли с зеками игру с прыжками в костер, то сами бы в костре и оказались. Короче, этот “жареный факт” – неумная выдумка Солженицына»³⁵¹.

Тот же факт, но по другой причине вызвал сомнение и у другого участника беседы – Ивана Назарова: «Как бывший зек, Солженицын ... конечно, знает, что любой лагпункт – это не только место, где зеки “тянут срок”, а еще и хозяйственная единица со своим планом работ. Т.е. лагпункт – это производственный объект, где зеки – работники, а начальство – управляющие производством. И если где-то “горит план”, то лагерное начальство может иногда удлинить рабочий день зеков. Такое нарушение режима Гулага часто и случалось. Но чтобы своих работников уничтожить ротами – это дурь, за которую само начальство непременно было бы жестоко наказано. Вплоть до расстрела. Ведь в сталинские времена дисциплину спрашивали не только с рядовых граждан, с начальства спрос был еще строже»³⁵².

---

351. Алмазов В.К. Сука ты позорная...

352. Алмазов В.К. Сука ты позорная...

Совершенно нереальным выглядит и количество посаженных в Ленинграде по так называемому «кировскому делу». Согласно Солженицыну, «четверть Ленинграда была расчищена в 1934-1935 гг.»³⁵³

В то время в городе проживало примерно 2 млн человек. Значит, «четверть» – это 500 тысяч! Известно, что подавляющее большинство зеков – мужчины. А мужчины везде составляют половину населения. Значит, в то время мужское население Ленинграда было равно 1 млн.

«Но ведь не все население мужского пола можно арестовать – есть грудные младенцы, дети и престарелые люди, – замечает герой Алмазова. – И если я скажу, что таких было 250 тыс., то дам большую фору Солженицыну – их, конечно, было больше. Но пусть будет так. Остается 750 тыс. мужчин активного возраста, из которых Солженицын забрал 500 тыс. А для города это значит вот что: в то время везде работали в основном мужчины, а женщины были домохозяйками. А какое предприятие сможет продолжить работу, если из каждых трех работников лишится двух? Да весь город встанет! Но этого же не было»³⁵⁴.

Добавим, что из оставшихся мужчин трудно было бы составить «большой поток» заключенных в 1937-1938 годах, да и в 1941-ом в армию призывать было бы некого – известно, однако, что тогда Ленинград дал фронту около 100 тыс. одних только ополченцев!

---

353. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 50.

354. Алмазов В.К. Сука ты позорная...

Особенно возмутили алмазовских героев нападки Солженицына на лагерную медицину, а вместе с ней – и на Варлама Шаламова, который «поддерживает, если не создает, легенду о благодетельной лагерной санчасти»³⁵⁵. Сам Солженицын считает, что лагерная санчасть создана исключительно для того, чтобы «помогать угнетению и быть могильщиками»³⁵⁶.

«Шаламов тянул срок здесь, – рассказывает бывший колымский зек Семен Никифорович. – Я, правда, сам с ним не встречался. Но от многих слышал, что в отличие от Солженицына ему и тачку приходилось катать. Ну а после тачки побывать несколько дней в санчасти – действительно благо. Да еще, говорят, ему повезло попасть на курсы фельдшеров, окончить их и самому стать работником больницы. Значит, дело он знает досконально – и как зек, и как работник санчасти. Поэтому я Шаламова понимаю. А Солженицына понять не могу. Говорят, что он большую часть срока проработал библиотекарем. Понятно, что в санчасть он не рвался. И все же именно в лагерной санчасти у него вовремя обнаружили раковую опухоль и вовремя ее вырезали, т.е., спасли ему жизнь... Не знаю, может это и *параша*... Но если бы довелось его встретить, я бы спросил: правда ли это? И если бы это подтвердилось, то, глянув ему в глаза, я сказал бы: “Хмырь ты болотный! Тебя в лагерной больнице не «истребляли», а жизнь твою спасали... Сука ты позорная!!! Больше мне нечего сказать”»³⁵⁷.

---

355. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 140.

356. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 140.

357. Алмазов В.К. Сука ты позорная...

«Теперь я окончательно понял, – заключает Иван Назаров, – почему Солженицын так много и так бессовестно врет: “Архипелаг Гулаг” написан не для того, чтобы сказать правду о лагерной жизни, а для того, чтобы внушить читателю отвращение к Советской власти. Вот и здесь то же самое. Если что-то сказать о недостатках лагерной санчасти, то это малоинтересно – недостатки всегда найдутся и в гражданской больнице. А вот если сказать: лагерная санчасть предназначена способствовать истреблению зеков – это уже занятно. ... А главное – еще один “факт” бесчеловечности Советской власти»³⁵⁸.

Кажется, все рассказы Солженицына разбиваются о факты и здравый смысл. Однако автору нет до этого никакого дела. Он городит свой огород с железобетонной уверенностью – и эта уверенность придает дополнительный вес его аргументам.

Наглая ложь всегда забьет остороженькую правду. Если уж врать – то бесстыдно и прямо в глаза. Если уж преувеличивать, то в десятки, сотни и миллионы раз!

Стратегема № 11

Высказывайте все свои «истины» с железобетонной уверенностью, а если они расходятся с фактами – тем хуже для фактов! Никогда не оправдывайтесь и не осторожничайте в суждениях. Правы – только вы, и правы вы – во всем!

---

358. Алмазов В.К. Сука ты позорная...

Как известно, помимо математики Солженицын преподавал астрономию. «Увлекательнейшая наука! – язвит Владимир Бушин. – От нее, видно, и заразился летописец любовью к астрономическим числам»³⁵⁹. «Миллион» – вообще одно из любимых слов Солженицына, на страницах «Архипелага» оно встречается чаще, чем слово «совесть» и даже «хлеб». Солженицын здраво рассудил: чем больше их, этих «миллионов», тем сильнее они поражают воображение.

«Числа представляют собой знаковую систему, которая оказывает неотразимое воздействие и на сознание, и на воображение, – пишет Сергей Кара-Мурза. – Магия числа в том, что оно, в отличие от слова или метафоры, обладает авторитетом точности и беспристрастности. Поэтому число – один из главных объектов манипуляции. ...

Именно ради воздействия на воображение, а не на разум, манипуляторы стремятся раздуть, увеличить и так огромные числа, причем увеличить их в десятки, а то и сотни раз. Само это стремление обязательно преувеличить реальную количественную меру может служить признаком манипуляции»³⁶⁰.

Когда пришло время назвать число жертв большевистского режима, Солженицын не поскупился. Эта цифра потом надолго *настрянет* в умах взволнованной интеллигенции: **66,7 миллионов** человек. И это «без военных потерь, только от террористического уничтожения, подавлений, голода, повышенной смертности в лагерях и включая де-

---

359. Бушин В.С. Александр Солженицын: Гений первого плевка. С. 178.

360. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. С. 451, 454.

фицит от пониженной рождаемости»... («без этого дефицита – 55 миллионов»)³⁶¹. Ссылается Александр Исаевич на выкладки ученого-эмигранта И.А. Курганова³⁶², оговариваясь, правда, чтобы продемонстрировать свою «объективность»: «Мы, конечно, не ручаемся за цифры профессора Курганова, но не имеем официальных»³⁶³.

Уже в эмиграции, выступая по испанскому телевидению в 1976 г., Солженицын дополнит эту цифру числом погибших на войне: по его сведениям, мы «потеряли во Второй мировой войне от пренебрежительного, от неряшливого ее ведения **44 миллиона человек**»³⁶⁴.

Итого 110 миллионов человек, убитых и замученных с 1917 по 1959 год!

Таким образом, усилиями кровавого режима наша страна должна была обезлюдеть почти полностью, однако статистика показывает, что население СССР росло все время советской власти, исключая годы войны. И это совершенно не согласуется с рассказами об убийствах десятков миллионов граждан. При этом рост населения превышал 1% в год, что превосходило показатели Англии или Франции.

361. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 8.

362. Иван Алексеевич Кошкин (Курганов) – профессор статистики, до войны – и.о. директора Ленинградского финансово-экономического института. В годы войны находился в оккупированных Эссентуках, ушел с отступающими немцами. В 1944 г. сблизился с генералом А.А. Власовым. В 1945 г. бежал на Запад. Антинаучный труд Курганова, на который ссылается Солженицын, опубликован в 1964 г. в журнале «Новое русское слово».

363. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 8.

364. Солженицын А.И. Выступление по испанскому телевидению... С. 451.

Таблица 1. Население СССР³⁶⁵

Годы	Население
1913	175 млн.
Январь 1920	137,727,000
Январь 1926	148,656,000
Январь 1937	162,500,000
Январь 1939	168,524,000
Июнь 1941	196,716,000
Январь 1946	170,548,000
Январь 1951	182,321,000
Январь 1959	209,035,000
Январь 1970	241,720,000
1985	272,000,000
Июль 1991	293,047,571

Легко заметить, что и за годы войны население Советского Союза уменьшилось не на 44, а примерно на 26 млн человек. Но что такое 18 млн человек для Солженицына? Арифметическая погрешность...

Не менее дикими с точки зрения здравого смысла представляются и другие солженицынские миллионы:

- **40 миллионов** (по «скромному подсчету»³⁶⁶) – количество советских граждан, прошедших лагеря с 1918 по 1953 год;
- **15 миллионов** – единовременное «население» Гулага³⁶⁷.

---

365. Andreev, E.M., et al. Naselenie Sovetskogo Soiuza, 1922-1991. Moscow: Nauka, 1993.

366. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 401.

367. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 22.

Сергей Кара-Мурза предлагает проанализировать эти цифры вместе с ним:

«Для того чтобы доказать, что король голый, совершенно необязательно быть профессиональным портным. Достаточно иметь глаза и не бояться хотя бы немного думать. После многократного переписывания истории, и козыряния заумными статистическими методиками, доказывающими все что угодно, люди уже ничему не верят. Поэтому я не буду утомлять читателя статистическими выкладками, а просто обращусь к здравому смыслу. Говоря о репрессиях, имевших место в сталинские годы, антисоветская пропаганда утверждает следующее:

- Было расстреляно 10 миллионов человек;
- 40, 50, 60 вплоть до 120 (!) миллионов прошедших лагеря;
- практически все арестованные были невиновны, их сажали за то, что мать срывала голодным детям 5 колосков в поле или уносила катушку ниток с производства и получала за это 10 лет;
- почти всех арестованных согнали в лагеря на строительство каналов и лесоповал, где большинство из заключенных и умерли.

Когда спрашивают, почему народ не восстал, когда его истребляли, то обычно отвечают: “Народ этого не знал”. При этом факт того, что народ не подозревал о масштабах репрессий, подтверждают не только практически все люди, жившие в то время, но и многочисленные письменные источники. Только Солженицын спустя двадцать лет рассказал “правду”!

В этой связи имеет смысл отметить несколько важных вопросов, на которых не существует не только вразумительных, а вообще никаких ответов.

1. Известно, и это не подвергается сомнению даже самыми яркими антисоветчиками, что подавляющее большинство репрессированных было арестовано в период с 36 по 39 год, а это значит, что одновременно в лагерях и тюрьмах должно было находиться несколько десятков миллионов человек! Факт ареста и транспортировки нескольких тысяч (!!!) ингушей и чеченцев был отмечен современниками депортации как шокирующее событие, и это понятно. Почему же арест и транспортировка во много раз большего количества людей не были отмечены очевидцами?

2. Во время знаменитой эвакуации на восток в 41-42 гг. было перевезено в глубокий тыл 10 миллионов человек. Эвакуированные жили в школах, временках, где угодно. Этот факт помнит все старшее поколение. Это было 10 миллионов, как же насчет 40 и тем более 50, 60 и так далее?

3. Почти все очевидцы тех лет отмечают массовое перемещение и работу на стройках пленных немцев, их нельзя было не заметить. Народ до сих пор помнит, что, например, эту дорогу строили пленные немцы. Пленных на территории СССР было около 4 миллионов, это очень много и факта деятельности такого большого количества людей не заметить невозможно. Что же сказать про количество эков примерно в 10 раз большее? Только то, что сам факт перемещения и работы на объектах строительства такого невероятного количества арестантов должен просто потрясти население СССР. Этот факт передавался бы из уст в уста даже спустя десятки лет. Было ли это? Нет.

4. Как транспортировать в отдаленные районы по бездорожью такое огромное количество людей,

и какой вид транспорта, доступный в те годы, при этом использовался? Масштабное строительство дорог в Сибири и на Севере началось существенно позже. Перемещение огромных многомиллионных (!) человеческих масс по тайге и без дорог вообще нереально, нет никакой возможности их снабжать во время многодневного пути.

5. Где размещались заключенные? Предполагается, что в бараках, вряд ли кто будет строить в тайге небоскребы для эзков. Однако даже большой барак не может вместить людей больше, чем обычная пятиэтажка, поэтому многоэтажные дома и строят, а 40 миллионов – это 10 городов размером с тогдашнюю Москву. Неизбежно должны были остаться следы гигантских поселений. Где они? Нигде. Если же разбросать такое количество заключенных по огромному количеству маленьких лагерей, расположенных в труднодоступных малонаселенных районах, то их невозможно будет снабжать. Кроме того, транспортные издержки с учетом бездорожья станут невообразимыми. Если их разместить близко к дорогам и крупным населенным пунктам, то все население страны немедленно узнает об огромном количестве заключенных. В самом деле, вокруг городов должно быть большое количество очень специфических сооружений, которые не заметить или спутать с чем-либо другим невозможно.

6. Знаменитый Беломорканал строили 150 тысяч заключенных, Кировский гидроузел – 90 тыс. Про то, что эти объекты строили эки, знала вся страна. А эти цифры – ничто по сравнению с десятками миллионов. Десятки миллионов заключенных-рабов должны были оставить после себя воистину циклопические постройки. Где эти сооружения

и как они называются? Вопросы, на которые не будет ответов, можно продолжить.

7. Как снабжались такие огромные массы народа в отдаленных труднопроходимых районах? Если даже предположить, что кормили узников по нормам блокадного Ленинграда, то это означает, что для снабжения заключенных нужно минимум 5 миллионов килограммов хлеба в день, 5000 тонн. И это если предположить, что охрана ничего не ест, не пьет и вообще не нуждается в вооружении и обмундировании. Наверное, все видели фотографии знаменитой “Дороги Жизни”. Нескончаемой линией один за другим идут полутонна- и трехтонные грузовики – практически единственное транспортное средство тех лет вне железных дорог (лошадей считать транспортным средством при таких перевозках не имеет смысла). Население блокадного Ленинграда составляло около 2 миллионов человек. Дорога через Ладожское Озеро – примерно 60 километров, но доставка грузов даже на такое небольшое расстояние стало серьезнейшей проблемой. И дело здесь не в немецких бомбежках, немцам не удалось прервать снабжение ни на день. Беда в том, что пропускная способность проселочной дороги (каковой, по сути, была Дорога Жизни) – мала. Как сторонники гипотезы массовых репрессий представляют себе снабжение 10-20 городов размером с Ленинград, расположенных в сотнях и тысячах километрах от ближайших дорог?

8. Каким образом вывозились продукты труда такого количества заключенных, и какой вид транспорта, доступный в то время, для этого использовался? Можно не ждать ответов, их не будет.

9. Где же размещались задержанные? Задержанные редко содержатся вместе с отбывающими наказание, для этой цели существуют специальные следственные изоляторы. Содержать арестованных в обычных зданиях нельзя, нужны специальные условия, следовательно, должны были строиться в каждом городе в большом количестве следственные тюрьмы, рассчитанные на десятки тысяч арестантов каждая. Это должны были быть сооружения чудовищных размеров, ведь даже в знаменитой Бутырке содержалось максимум 7000 заключенных. Даже если предположить, что население СССР было поражено внезапной слепотой и не заметило строительства гигантских тюрем, то тюрьма такая вещь, которую не спрячешь и незаметно не переделаешь под другие сооружения. Куда же они делись после Сталина? После пиночетовского переворота 30 тысяч арестованных пришлось разместить на стадионах. Кстати, сам факт этого был немедленно замечен всем миром. Что же сказать о миллионах?

10. На вопрос: “А где же братские могилы невинно убиенных, в которых захоронены миллионы людей?”, вы не услышите вообще никакого вразумительного ответа. После перестроечной пропаганды закономерно было бы открытие секретных мест массового захоронения миллионов жертв, на этих местах должны были быть установлены обелиски и памятники, но ничего этого нет и в помине. Учтите, что захоронение в Бабьем Яре сейчас известно всему миру. По разным оценкам, там было уничтожено от семидесяти до двухсот тысяч человек. Понятно, что если скрыть факт расстрела и захоронение такого масштаба не удалось, что же говорить о числах в 50-100 раз больших?

Полагаю, что приведенных фактов и рассуждений более чем достаточно. Их никому не удалось опровергнуть. Даже если какой-то из приведенных выше фактов и можно было бы объяснить каким-либо образом, притянув данные за уши, их нельзя объяснить все в совокупности. Одновременное выполнение не то что всех, а даже части условий, о которых мы говорили, невозможно в принципе»³⁶⁸.

Помимо доводов трезвого рассудка есть, однако, и более серьезные аргументы, доказывающие надуманность солженицынских миллионов. Еще во времена перестройки в Советском Союзе открыты архивы ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД, содержащие статистическую отчетность за период 1930-1950-х годов. Горбачев и другие тогдашние «вожди СССР» рассчитывали, что открытие этих архивов подтвердит цифры Солженицына и других ревизионистов истории. Однако добросовестное изучение архивных данных советскими историками Виктором Земсковым, Александром Дугиным и Владимиром Некрасовым привели совсем к другим результатам. Проштудировав тома сталинских учетчиков, за любую ошибку в которых эти учетчики сами бы отправились в тюрьму, еще в 1989-1991 годах они опубликовали подлинные данные о масштабах репрессий³⁶⁹. Оказалось, что цифры об убитых

---

368. Кара-Мурза С.Г. Антимиф: Поваренная книга манипулятора. Деконструкция мифов современной России. М.: Б/и, 2004. С. 291-295.

369. Некрасов В.Ф. Десять «железных» наркомов // Комсомольская правда, 1989. 29 сент.; Земсков В.Н. «Архипелаг Гулаг»: глазами писателя и статистика // Аргументы и факты, 1989. № 45; Дугин А.Н. Гулаг: открывая архивы // На боевом посту, 1989. 27 дек.; Дугин А.Н. Гулаг: глазами историка // Союз, 1990, № 9; Дугин А.Н. Сталинизм: легенды и факты // Слово, 1990. № 7; Дугин А.Н. Говорят архивы: Неизвестные страницы Гулага //

и заключенных в Гулаге, активно публикующиеся в перестроечных журналах, завышены в десятки раз!

Не оправдывая политику репрессий, Земсков стремится очистить общественное сознание от мистификаций, отмечая: «Советская и зарубежная общественность в массе своей по-прежнему находится под влиянием надуманных и не соответствующих исторической правде статистических выкладок, содержащихся как в трудах зарубежных авторов (Р. Конквест, С. Коэн и др.), так и в публикациях ряда советских исследователей (Р.А. Медведев, В.А. Чаликова и др.). Причем в работах всех этих авторов расхождение с подлинной статистикой никогда не идет в сторону преуменьшения, а исключительно только в сторону многократного преувеличения. Создается впечатление, что они соревнуются между собой в том, чтобы поразить читателей цифрами, так сказать, поастрономичней»³⁷⁰.

Земсков ловит мистификаторов на каждой цифре, демонстрируя, насколько далеки они от истинного положения дел.

Солженицын настаивает, что в СССР расстреливалось по миллиону человек в год, и абсолютное большинство – «за политику». Роберт Конквест пишет о 12 млн убитых большевиками политзаключенных в 1930-1950 годах. – Архивы говорят, что за период с 1921 по 1954 год к высшей мере наказания за контрреволюционные преступления было приговорено 642 980 человек³⁷¹.

Социально-политические науки. 1990, № 7; Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991, №5; Земсков В.Н. Гулаг (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6-7.

370. Земсков В.Н. Гулаг (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10.

371. Земсков В.Н. Гулаг... Социс. 1991. №6. С. 12.

Цифра страшная. Но, согласитесь, есть разница: в год – по миллиону, или менее миллиона за все годы сталинского и ленинского террора. Кроме того, надо учесть, что речь идет о периоде мировых войн и революций. Среди приговоренных были и настоящие шпионы, диверсанты, террористы – далеко не все были «невинными жертвами», как это хотят представить фальсификаторы истории.

Солженицын пишет о десятках миллионов советских граждан, осужденных по печально известной 58-й статье. – Архивы свидетельствуют, что с 1921 по 1954 год Коллегией ОГПУ, «тройками» НКВД, Особым совещанием, Военной Коллегией, судами и военными трибуналами было осуждено за контрреволюционные преступления 3 777 380 человек³⁷².

Солженицын уверяет, что в сталинских лагерях одновременно находилось по 15 млн человек. Конквест пишет о 12 млн. Хрущёв в своих мемуарах дает чуть меньше: «Когда Сталин умер, в лагерях находилось до 10 млн человек»³⁷³. – Архивы утверждают, что максимальная численность населения Гулага (вместе с находящимися в тюрьмах), приходившаяся на 1 января 1950 года, составляла 2 561 351 человек. А в начале 1953 года этот показатель составил и того меньше – 2 468 524 заключенных³⁷⁴.

«В ЦГАОР СССР хранятся копии докладных записок руководства МВД СССР на имя Н. С. Хрущёва с указанием точного числа заключенных, в том числе и на момент смерти И. В. Сталина, – сообщает Виктор Земсков. – Следовательно, Н.С. Хрущёв

---

372. Земсков В.Н. Гулаг... Социс. 1991. №6. С. 12.

373. Хрущёв Н. С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4 кн.) Т. 1. М.: Московские новости, 1999. С. 104.

374. Земсков В.Н. Гулаг... Социс. 1991. №6. С. 11.

Таблица 2. Численность заключенных Гулага (по состоянию на 1 января каждого года)³⁷⁵

Годы	В исправительно- тюремных лагерях (ИТЛ)	Из них осужденных за контрре- волюционные преступления	То же в процентах	В исправительно- тюремных колониях (ИТК)	Всего
1934	510307	135190	26,5	-	510307
1935	725483	118256	16,3	240259	965742
1936	839406	105849	12,6	457088	1296494
1937	820881	104826	12,8	375488	1196369
1938	996367	185324	18,6	885203	1881570
1939	1317195	454432	34,5	355243	1672438
1940	1344408	444999	33,1	315584	1659992
1941	1500524	420293	28,7	429205	1929729
1942	1415596	407988	29,6	361447	1777043
1943	983974	345397	35,6	500208	1484182
1944	663594	268861	40,7	516225	1179819
1945	715505	289351	41,2	745171	1460677
1946	746871	333883	59,2	956224	1703095
1947	808839	427653	54,3	912704	1721543
1948	1108057	416156	38,0	1091478	2199535
1949	1216361	420696	34,9	1140324	2356685
1950	1416300	578912*	22,7	1145051	2561351
1951	1533767	475976	31,0	994379	2528146
1952	1711202	480766	28,1	793312	2504514
1953	1727970	465256	26,9	740554	2468524

* В лагерях и колониях.

³⁷⁵ Земсков В.Н. Гулаг... Социс. 1991. №6. С. 11.

был прекрасно информирован о подлинной численности гулаговских заключенных и преувеличил ее в четыре раза преднамеренно»³⁷⁶.

Солженицын пишет о том, что малых сроков для заключенных сталинского периода просто не существовало – за колосок, за огурец, за две картошины, за щепку, за катушку ниток («в протоколе писалось “двести метров пошивочного материала”, все-таки стыдно было писать “катушка ниток”»), за каждую мелочь давали 10 лет³⁷⁷, а за любое сколько-нибудь более тяжкое преступление – уже 25. – Архивы показывают, что, например, в 1951 году заключенные со сроками от 10 лет и выше составляли лишь 18% от общего количества. (Вспомним, кстати, что сам Солженицын за антисоветскую агитацию и создание антисоветской организации – тягчайшее обвинение! – получил всего 8 лет).

Вот такие цифры. Кому-то они покажутся огромными, кому-то – не очень, но чтобы понять их истинный смысл, воспользуемся старой поговоркой: «все познается в сравнении».

Вот такое, например, сравнение: только за время реформ Ельцина, лишняя избыточная внеплановая смертность в России составила 3 миллиона! Но Сталин-то к войне готовился, увеличил ВВП в три раза и великую державу создавал и создал, и войну выиграл. А Ельцин за что три миллиона положил? За то, чтобы ВВП стал в два раза меньше? За то, чтобы территория страны уменьшилась?

---

376. Земсков В.Н. Гулаг... Социс. 1991. №6. С. 11.

377. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 72.

**Таблица 3. Состав заключенных ГУЛАГа
по срокам наказания
(по состоянию на 1 января 1951 г.)³⁷⁸**

Сроки	Всего		В лагерях		В колониях	
	абсолютные данные, чел.	%	абсолютные данные, чел.	%	абсолютные данные, чел.	%
До 1 года	72759	2,9	3585	0,2	69174	7,0
От 1 до 3 лет	222359	8,8	57605	3,8	164754	16,6
От 3 до 5 лет	412662	16,3	218519	14,2	194143	19,5
От 5 до 10 лет	1362709	53,9	902333	58,8	460376	46,3
От 10 до 15 лет	233583	9,2	165643	10,8	67940	6,8
От 15 до 20 лет	102644	4,1	82793	5,4	19851	2,0
Свыше 20 лет	121430	4,8	103289	6,8	8141	1,8
Итого	2528146	100	1533767	100	994379	100

Или вот еще одно интересное сравнение: на 2012 год количество заключенных в США составило 2,2 млн человек (таким образом, на каждые 100 000 граждан США приходится 730 человек, находящихся за решеткой)³⁷⁹.

А что у нас?

В январе 1939-го, то есть, сразу после пикового года репрессий, в Гулаге находилось 1 672 438 человек. Что составляло 0,992% от населения СССР

378. Земсков В.Н. Гулаг (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 12.

379. Raskin M., Kolet I. U.S. Jails More People Than Any Other Country: Chart of the Day // Bloomberg.com. Oct 15, 2012 / URL: <http://www.bloomberg.com/news/2012-10-15/u-s-jails-more-people-than-any-other-country-chart-of-the-day.html>

(168 524 000 человек на тот же январь 1939 года), или 992 человека на каждые 100 000 граждан Советского Союза. Цифры, как мы видим, сопоставимые. Но есть «небольшая» разница: 1939 год – время сложное, предвоенное, молодая страна пытается выжить во враждебном окружении, саботаж, шпионаж, предательство для того времени – обычное дело.

Есть ли такие проблемы в современных США, самой богатой, могущественной и благополучной стране мира?

То-то и оно! Так почему никто не пишет сейчас про американский Гулаг? Где американские солженицыны? Почему им не дают Нобелевскую премию? Не будем напоминать вообще про кровь американской истории, про десятки миллионов убитых негров и индейцев – это дело прошлое, но вот сейчас на планете существует Гулаг не хуже нашего – и все молчат!

Безусловно, из 643 тысяч расстрелянных какой-то процент были наверняка «невиновными». Допустим, что это даже 10-20% (вопреки всем разговорам, что расстреливали «ни за что», надо сказать, что следствие велось очень тщательно, простого доноса, тем более для расстрела – не хватало, так же как и простого признания). Таким образом, невинных может быть за все 33 года порядка 150 тысяч человек. Максимум. А вот США всего за две бомбардировки в Хиросиме и Нагасаки уничтожили около 250 тысяч человек. Действительно невинных, мирных жителей. Вдалеке от фронта. И это за два дня. А не за тридцать лет. И никто не считает Трумэна символом тоталитаризма, жестокости....

И если сейчас «свидомые» украинцы и прибалты требуют осуждения гитлеризма и сталинизма, то давайте добавим и осуждение трумэнизма. Хотя именно он говорил в американском Сенате: «Надо попеременно помогать то русским, то немцам, и пусть они убивают друг друга как можно больше». Именно США влияли на Англию и Польшу, чтобы они попустительствовали Гитлеру и не заключали договор о ненападении с СССР. Именно США затягивали и открытие Второго фронта. Именно США могли бы остановить Гитлера еще в 1939 году, и никаких жертв в 60 миллионов не было бы.

Ну и, наконец, рассмотрим самое главное сравнение, сравнение с фашистской Германией.

По данным Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников (ЧГК) число советских граждан – жертв фашистского геноцида на оккупированной территории СССР составляет 10,7 млн.

Виктор Земсков пишет: «Война фашистской Германии против СССР имела истребительный характер. Этим она принципиально отличалась от предыдущих военных кампаний 1939-1941 гг. в Европе. Хотя гитлеровцы формально и не распространили методы “решения еврейского и цыганского вопросов” на “решение русского, украинского и белорусского”, но на практике приближались к этому. На оккупированных советских землях они целенаправленно истребляли миллионы людей...

Следует иметь в виду, что приведенные выше данные ЧГК касаются только оккупированной советской территории. Здесь не учтены миллионы

депортированных советских граждан (гражданских и военнопленных), убитых и замученных в фашистской неволе за пределами СССР. В общей сложности жертвы фашистского геноцида прочно занимают первое место среди всех составляющих людских потерь СССР в Великой Отечественной войне. Они намного превосходят даже безвозвратные потери советских вооруженных сил, тоже отнюдь немалые...

Сводные данные ЧГК построены на основе первичных и сводных материалов широкой сети районных, областных, краевых, республиканских ЧГК, которые провели поистине титаническую работу по определению убитых и замученных советских граждан на оккупированной территории. Раньше у меня было сомнение, не скрываются ли под термином “убито и замучено” суммарные людские потери. Однако в процессе работы с актами и протоколами районных и областных ЧГК это сомнение отпало. Термин “убито и замучено фашистскими захватчиками и их пособниками” адекватен своему содержанию, так как в акты районных и областных ЧГК не вносились умершие естественной смертью, потери коллаборационистов и т.д. Суммарные итоги этой работы – 10,7 млн. жертв фашистского геноцида на оккупированной советской территории – подтверждаются многочисленными документами и свидетельствами. Это означает, что именно эта цифра является документально подтвержденной»³⁸⁰.

Итак, только убито и замучено почти 11 миллионов, и не за 33 года, а за четыре. И это только

---

380. Земсков В.Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР. // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 119-120.

начало того, что хотели сделать, только начало осуществления плана «Ост». Сюда, как мы видели, не включены убитые за пределами СССР, угнанные в рабство, не включены боевые потери нашей армии. Общие же потери СССР составляют 26,6 млн человек³⁸¹.

Всего же жертв Второй мировой, развязанной Гитлером – более 60 миллионов. Некоторые называют цифру и в 70 миллионов. Такой крови история Земли еще не знала, и это не удивительно, собственно большую кровь и уничтожение количества ради выживания качества Гитлер себе и ставил как задачу. И если уж потребовалась в несколько раз меньшая кровь, чтобы остановить маньяка, то так уж устроен мир, иным способом, кроме как через жертвы, это было сделать невозможно.

Нам скажут: как можно так цинично считать трупы? Дескать, и горе одного человека (пресловутая «слезинка ребенка») – уже горе, и нет разницы убито 10 миллионов или всего 100 тысяч. Если нет разницы – отлично! Тогда записывайте в великие диктаторы человечества и всех английских королей, и всех американских президентов... А что касается «слезинки ребенка», то не Достоевский, а Иван Карамазов придумал эту тему, а он, как известно, был в общении с дьяволом.

Ставить Гитлера рядом со Сталиным нельзя не только потому, что на совести одного больше 60 миллионов жертв, а на совести другого – одна или две сотни тысяч действительно невинных. Дело не только в этом; сами проекты фашизма

---

381. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-пресс, 2001.

и коммунизма в корне противоположны. Фашизм есть проект превращения всех наций в ресурс для одной, а сталинский коммунизм есть проект жертвы одной нации ради спасения всех остальных, в нем узнается христианская заповедь: тот спасется, «кто положит душу за други своя»...

Сознательно ли фальсифицировал историю Солженицын? Или, может быть, он свято верил в правоту своего дела и боролся за истину? Ну, в таком случае, мимо его внимания не могли бы пройти исследования профессиональных и добросовестных историков, с начала 1990-х годов публикующих исследования об истинном состоянии дел с Гулагом, репрессиями, военными потерями. Не могли остаться для него незамеченными работы Виктора Земскова и его соратников, перелопативших тонны архивных материалов, чтобы докопаться до правды. Уж как-нибудь он должен бы на них отреагировать?

Но Солженицын не реагировал – ни критическим замечанием, ни уж тем более добрым словом. Солженицын всегда был глух к критике и доводам разума. Он фанатично предавался своему единственному делу – борьбе с советским режимом. И во имя победы над «Мировым Злом» шел на сделки с совестью, используя свой «исконный привычный стиль – лагерную *“раскидку чернухи”*».

Фальсификации истории – это, как правило, сознательное, хорошо продуманное предприятие, преследующие большие цели. В свое время Гомер «переиграл» итоги Троянской войны, чтобы сплотить греческий народ³⁸². А задолго до Гомера

---

382. См. об этом нашу книгу Матвейчев О., Беляков А. Троянский конь западной истории. СПб.: Питер, 2014.

на стенах египетских храмов были высечены рельефы Рамзеса II о победе над хеттами в битве при Кадеше. Ученые выяснили, что в грандиозной войне двух мировых империй XIV века до н.э. победили все же хетты, однако долгие века египтяне жили в твердой уверенности, что их империя не ведала поражений – и эта уверенность придавала им силы во всех последующих войнах.

Поистине историческое значение имела и фальсификация так называемого «Константинова дара» – грамоты о передаче в IV веке императором Константином верховной власти над Западной Римской империей папе Сильвестру. С помощью этой фальшивки еще с VIII века обосновывали свою власть римские папы, пока в XV веке итальянский гуманист Лоренцо Валла не доказал подложность этого «дара».

Давно забылось в народной памяти, как все было на самом деле, и помнят о том лишь университетские профессора. Не на то же ли самое рассчитывал тщеславный Солженицын – что пройдут годы, десятилетия, века, канут в Лету документы и свидетельства очевидцев, а в молве народной останется лишь память о страшных невзгодах, охвативших в первой половине XX века давно исчезнувшую страну, занимавшую чуть ли не половину евразийского континента?

НЕПРИДУМАННЫЙ ГУЛАГ

Страшный сталинский Гулаг описывали, слава Богу, не только солженицины. Один из авторов книги, которую вы держите в руках, однажды познакомился с немцем Клаусом Фрицше и получил от него в дар его книгу «Воздушный стрелок». Сочинение повествует о шести годах советского плена, в который он, Клаус, бравый фашистский летчик, сбитый нашими зенитчиками, попал в середине войны. По сути, Фрицше сидел в то же время, что и Солженицын. Только отсидка была у них несколько разной. В то время как Солженицын обретался по подмосковным шарашкам, фашистский летчик отбывал срок в лагерях ближе к Северу да в Поволжье.

Надо ясно отдавать себе отчет, что условия содержания для фашистов и не могли быть и не были лучше, чем условия содержания таких, как Солженицын, «несознательных».

Но, на удивление, у Клауса Фрицше, написавшего по своим воспоминаниям свой «Архипелаг»,

мы не найдем басен о том, как «был глухой слух, что 150 человек сожгли» или «один сапожник рассказал, как 300 человек чекисты заморозили» или «один чувашонок болтал, что 900 человек расстреляли».

Наоборот! Самое удивительное, что до сих пор потрясает немецкое упорядоченное сознание автора, так это удивительная свобода и даже раздолбайство в наших лагерях! Он рассказывает, как запросто отпускали их на покосы, можно было бежать, но... как-то не хотелось. Вспоминает, как работал в охотку, как собирал грибы и ягоды, как влюблялся, причем взаимно, в русских девчонок, которые работали с ними, пленными, бок о бок и не меньше них. У него аж несколько любовных романов успело случиться за эти несколько лет в СССР.

Или вот типичная история:

«В один прекрасный день спокойненько смотрю за выполнением уборочных работ, как вдруг появляется подполковник Романов. Делаю необходимый доклад, он обходит корпус и говорит:

- Фрицше, обязательно надо оконные рамы покрасить!

- Есть, господин подполковник, но откуда брать краски, растворитель, кисти?

- Слушайте, я, что ли, командир батальона? Я, что ли, отвечаю за вид корпуса?

Сказал так и пошел. Что мне делать? Единственный выход – кража! На “Заводстрое” малярных материалов и принадлежностей полно. Но как же вытащить контрабанду с территории завода, где любой человек на проходной подвергается телесному обыску?

При краже к тому еще надо учесть, что хищение социалистического имущества карается заключением не менее чем на пять лет. Под суд за такое преступление попадали и немецкие военнопленные.

Надо пойти на риск, но пойти очень умно и продуманно. Проблему обсудили вечерком в кругу командиров рот и бригадиров. Определили место хранения высококачественного лака бежевого цвета. Поставили вопрос, какой вид емкостей могли бы провозить на виду у караула через ворота заводской территории. Пришли к заключению, что лучше всего применить бидоны из-под молока, лишние экземпляры которых валялись возле здания продуктового склада. Транспортным средством могла служить лишь та полуторка, которая с полевой кухней на прицепе ежедневно объезжала с обедом рабочие места бригад. На грузовой площадке полуторки регулярно стояли деревянные ящики под хлеб и бидоны под чай. Число мест изменялось в зависимости от численности работавших на заводе бригад.

Решили мы провести разведку вхолостую, то есть погрузили на машину лишний порожний бидон, сидя на котором я пережидал обыск на проходной при въезде и выезде. Обыск производили исключительно девчата и женщины всех возрастов, с которыми я должен был вести оживленный разговор и притягивать к себе как можно больше внимания этих более или менее красивых караульных. Товарищи полагались на мои способности флиртовать с ними, пользуясь русским языком как инструментом общения. В течение целой недели,

то есть шесть раз, мы повторили этот тест. Женщины изо дня в день становились все более разговорчивы, я каждый день выдавал настоящий фейерверк шуток и льстивых речей, и ни разу девчата не додумались проконтролировать тот бидон, на котором я сидел. Пора было переходить с холостого хода на боевой.

Лак из фабричной канистры перелили в наш бидон, но, увы, на его днище оказалось отверстие. Выбранный нами бидон был с крышкой на резиновом уплотнении, которая закрывалась герметичным затвором. Можно было надеяться, что такая крышка должна действовать как надо. Значит, бидон поставили на грузовую площадку крышкой вниз, а я сел на нем в привычной для караула позе. Остановились на проходной, шел обыск, во время которого я не ленился представлять девкам веселый конференс. Как в прежние дни, караульные кружились вокруг меня, а мое сиденье так и осталось сиденьем. Тронулись мы в путь при шумном вздохе облегчения контрабандиста.

Вернулись в лагерь, я слез с машины и остолбенел от ужаса. Рама полуторки под бидоном вся запачкана той бежевой краской, и продолжает капать капля за каплей. Значит, герметичная крышка подвела. А как же при обыске никто не заметил эту вывеску совершившейся кражи? Выяснилось, мое сиденье стояло в контакте с правым бортом, а девчата поднимались и слезали по привычке только через левый борт. Близка была карающая рука прокурора!

Оконные рамы покрасили, но начальник лагеря этим не удовольствовался. Надо было побелить

стены и потолок, цоколи стен покрасить масляной краской, а в красном уголке на стене нарисовать красное знамя и пр. Способ приобретения материала оставался одним и тем же, но сидеть на престоле короля воров мы стали поочередно, все поиграли в русскую рулетку. К счастью, обошлось без выстрела. Подполковник Романов ни разу не спросил, откуда мы доставали материал.

Одна из задач командиров борьба с клопами, численность которых исчислялась тысячами на одного человека. Она была безуспешной, пока нары в корпусе были из досок. Совет командиров принял решение заменить деревянные нары сварными железными.

Подсчитали потребность в стальных полудюймовых трубах. С ума можно было сойти: на человека минимум 10 метров, значит, на 2500 человек 25 километров! Такое количество труб достать нелегальным путем невозможно! Оказалось, что можно, но только полулегальным, при содействии советской администрации. Старый корпус лагеря до прибытия военнопленных служил складом. Его отгородили от крупного центрального склада завода, создав при этом неудобство. Неудобство заключалось в том, что единственный подъездной железнодорожный путь вел через территорию лагеря вдоль погрузочно-разгрузочной площадки нашего корпуса. При медленном ходе паровоза очень удобно можно было перепрыгнуть с площадки на открытые платформы и разгрузить в пользу лагеря то, в чем была нужда.

При подъезде к действующему центральному складу состав должен был остановиться перед за-

бором. Машинист вылезал из паровоза, заходил в будку проходной и предъявлял необходимый документ, в ответ на это дежурный открывал ворота. Состав трогался с места и сравнительно медленно продвигался вдоль площадки.

Организовался сговор с участием советской администрации. Через сотрудника отдела снабжения завода шла информация о поступлении вагонов, груз которых состоял из подходящих труб. В каком-то тайном шкафу в лагере хранилось несколько бутылок водки. В момент прихода такой информации водка доставлялась к проходной в подарок машинисту паровоза за то, чтобы он как можно медленнее продвигал состав по территории лагеря. Одновременно поднималась тревога: всех работоспособных людей на площадку для разгрузки вагонов! Машинист потихоньку проезжал, а на вагоны, как муравьи, налетали “грузчики”, которые мигом облегчали продвигающийся состав.

Поверьте, уважаемый читатель, что я рассказываю истинную правду. Сам процесс присвоения труб никто из начальства завода не наблюдал, а исчезновение изрядной части груза по пути от производителя к потребителю считалось, очевидно, привычной издержкой социалистического народного хозяйства. В течение трех месяцев накопили материал, и бригада слесарей сварила железные нары на всех жителей лагеря. Кроме труб, понадобилась полутора миллиметровая стальная проволока для плетения матрацев – 50 километров, которая доставалась тем же путем. Сварные генераторы исчезли с тех рабочих мест, где подъезд машины, доставляющей обед, осуществлялся без обыска.

Начальник лагеря дал инициативе военнопленных весьма высокую оценку! ...

Генеральный директор [завода, того самого, с которого все и воровалось] осмотрел весь лагерь с большим интересом и сказал, что результаты производственной работы немцев произвели на него сильное впечатление. Знал ли он, что был окружен группой преступников, которые совместно и строго организовано занимались многократным “хищением социалистического имущества”? Знал ли он, что каждому члену этой группы прокурор по действующим законам мог бы присудить трижды пожизненное? Знал ли, не знал ли, но нам, военнопленным, вся эта кампания показалась “школой истинного социализма”»³⁸³.

Таких историй в книге много, интересно заметить, что немцу, человеку западной цивилизации, наш Гулаг казался просто обычным «русским бардаком», а совсем не таким страшным адом, как его описал для Запада Солженицын.

Множество любовных страниц посвящено у Фрицше нашим красным уголкам, художественной самодеятельности, спектаклям, оркестрам, клубам, новогодним праздникам. Веселуха была!..

Сравните эти воспоминания с воспоминаниями узников Освенцима или любого другого немецкого лагеря, сравните тоталитарный режим фашизма и «тоталитарный режим социализма», сравните и никогда больше не говорите, что социализм и фашизм – это одно и то же.

Недаром Фрицше, пробывший всего шесть лет в СССР, навсегда влюбился в нашу страну, хотя от-

---

383. Фрицше К. Воздушный стрелок. М.: Яуза-пресс, 2009. С. 324-328, 332-333.

нюдь не испытывал иллюзий по поводу ее властной системы. Люди здесь таковы, что компенсируют недостатки любой системы, сведут на нет жесткость любых законов своим милосердием и человечностью. Поэтому и социализм тут был игрушечный общинно-христианский, анархистский и веселый. Он растрогал даже «квадратного» рационального немца с фашистским воспитанием.

До чего же человеконенавистническую психологию надо было иметь Солженицыну, чтобы, находясь в куда более человеческих условиях, излучать не оптимизм, любовь, всепрощение и юмор, а дремучую злобу, клевету, жестокость...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЛАСОВЕЦ

Великой Отечественной войне достается от Солженицына не меньше, чем сталинским репрессиям. В своем «Архипелаге» он транслирует полный арсенал мифов, использовавшихся как гитлеровской пропагандой, так и идеологами холодной войны.

Рассказывая об успехах вермахта в начале войны, Солженицын отмечает, что при этом «всеми численными превосходствами обладала Красная Армия»³⁸⁴. Этот миф впоследствии будет подхвачен и развит в работах многих ревизионистов истории великой войны. Дескать, немцы воевали не числом, а умением, а русские иваны даже своим огромным перевесом в живой силе не смогли поначалу воспользоваться.

В фундаментальной работе «Россия и СССР в войнах XX века», подготовленной под редакцией профессора Академии военных наук генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева, дается детальный анализ соотношения сил Германии и СССР накануне Великой Отечественной войны. Приведем всего несколько цифр из этого исследования.

---

384. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 22.

На 22 июня 1941 г. восточная группировка германской армии насчитывала 5,5 млн человек, 47,2 тыс. орудий и минометов, 4,3 тыс. танков и около 5 тыс. боевых самолетов. На вооружении вермахта находились также трофейные танки Чехословакии и Франции. Кроме того, у границ Советского Союза приводились в боевую готовность 29 дивизий и 16 бригад союзников Германии – Финляндии, Венгрии и Румынии.

СССР располагал в западных военных округах 2,9 млн человек, 32,9 тыс. орудий и минометов, 14,2 тыс. танков, 9,2 тыс. боевых самолетов³⁸⁵.

Легко подсчитать, что по численности личного состава германская армия превосходила советскую почти в два раза. А что касается техники, то, уступая по количеству, немецкие танки и самолеты намного превосходили советские по качеству и боевой эффективности. Лучшие образцы советского вооружения появились уже после начала войны, а знаменитый Т-34 был доведен до совершенства и вовсе лишь к весне 1944 года³⁸⁶. К тому же значительная часть имсоветских истребителей и бомбардировщиков была уничтожена в первые дни немецкой агрессии.

Кроме того, вермахт располагал более обученными, имеющими значительный боевой опыт военными кадрами. В Красной армии опыт управления войсками в боевых условиях имели лишь 25% командных кадров, а 55% к началу войны находились

---

385. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / Г.Ф. Кривошеев и др. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 220.

386. Барятинский М. Т-34. Лучший танк Второй мировой. М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2007.

на своих должностях менее чем полгода – в связи с недавно прошедшей реорганизацией РККА³⁸⁷.

Таким образом, захватившим пол-Европы, хорошо оснащенным и закаленным в реальных боях немецким войскам в июне 1941-го с нашей стороны противостояла армия, вдвое меньшая по численности, вчетверо менее опытная, вооруженная устаревшей техникой. Так что соврамши герр Солженицын насчет «всех численных превосходств».

То же касается и «стремительного отступления» Красной армии в первые месяцы войны. Солженицын даже цифру точную приводит: 120 километров в день³⁸⁸. Не надо, впрочем, быть дипломированным математиком, окончившим Ростовский университет, чтобы подсчитать, что расстояние до Москвы противник преодолел бы уже за девять дней такого наступления.

Сами немцы рассчитывали добраться до Москвы месяца за полтора. Гиммлер даже приглашения заранее разослал на победный парад по Красной площади, запланированный на 12 августа 1941 года. Для участников и гостей парада отдел военной картографии и геодезии генерального штаба сухопутных войск Германии успел издать путеводитель по Москве.

Однако на подступах к древней столице немцы фактически оказались лишь через пять месяцев. В то время как Наполеону в его безмоторные времена потребовалось для этого всего два с половиной месяца.

К слову, на одном из военных совещаний, состоявшихся в декабре 1944 года, Гитлер заявил:

---

387. Россия и СССР в войнах XX века. С. 223-224.

388. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 66.

«Я не помню **ни одной** наступательной операции, в которой мы – хотя бы в течение двух-трех дней – преодолевали по 50-60 километров. Нет, как правило, темп продвижения танковых дивизий к концу операции едва превышал скорость пехотных соединений».

Вот так, даже Гитлер ловит на вранье Солженицына!..

А вот что говорили сами немцы о «стремительно отступающих» русских.

«Уже сражения июня 1941 г. показали нам, что представляет собой новая советская армия, – вспоминал генерал Гюнтер Блюментритт, начальник штаба 4-й армии, наступавшей в Белоруссии. – **Мы теряли в боях до пятидесяти процентов личного состава...** Наши войска скоро узнали, что значит сражаться против русских. Фюрер и большая часть нашего высшего военного командования не имели об этом представления. Это вызвало массу бед»³⁸⁹.

Министр пропаганды Йозеф Геббельс, перед началом вторжения считавший, что «большевизм рухнет как карточный домик», уже 2 июля записывает в дневнике: «На Восточном фронте: боевые действия продолжаются. Усиленное и отчаянное сопротивление противника... У противника много убитых, мало раненых и плененных... В общем, происходят очень тяжелые бои. **О “прогулке” не может быть и речи.** Красный режим мобилизовал народ. К этому прибавляется еще и баснословное упрямство русских. Наши солдаты еле справляются»³⁹⁰.

389. Цит. по: Лиддел-Гарт Б. Они умеют защищаться и стоять на смерть... // Другая война, 1939-1945. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. С. 382.

390. Ржевская Е.М. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М.: АСТ-Пресс Книга, 2004. С. 283.

За первые два месяца войны немцы потеряли 400 тысяч человек и половину всех своих танков. И это покорители Европы! Не удивительно, что в речах Гитлера для ближнего круга соратников уже в конце сентября 1941 года начали звучать почти пораженческие нотки: «Мы должны преследовать две цели. Первое – любой ценой удержать наши позиции на Восточном фронте. Второе – **удерживать войну максимально вдалеке от наших границ**»³⁹¹.

Вот чего боялся Гитлер еще задолго до поражения под Москвой – русских войск у германских границ! Вот так-то, оказывается, «бежали от немецких танков» советские солдаты! Вот вам и одним только Солженицыным и увиденные «стремительный и глубокий откат армий, какого не знала Россия за все 1000 лет, да наверно и ни одна страна ни в одной войне»³⁹²!..

«Нам надо пройти до Волги еще только один километр, но мы его никак не можем пройти. Мы ведем борьбу за этот километр дольше, чем за всю Францию, но русские стоят, как каменные глыбы», – а это уже слова простого немецкого солдата, участника великой Сталинградской битвы.

Ход этой битвы Солженицын также представляет в совершенно ложном свете. Оказывается, «цементом сталинградской победы» были... штрафные роты, набравшиеся из «офицеров и солдат, не желавших стоять насмерть и отступавших без разрешения, – тех самых, кому, по словам бессмерт-

---

391. Цит. по: Дюков А.Р. За что сражались советские люди. «Русский НЕ должен умереть». М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 107.

392. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 22.

ного сталинского приказа № 227 (июль 1942), Родина не может простить своего позора»³⁹³.

Трудно представить, как оснащенные легким оружием штрафники могли бы в течение нескольких месяцев сдерживать наступление моторизованной армады Паулюса. Да и как бы они могли «завалить своими трупами» полуторамилионную вражескую группировку, если за всю войну через все штрафные части прошло всего 422 700 человек? И это еще притом, что и срок службы в подобных подразделениях был очень недолгим – первый же выигранный бой или полученное ранение возвращали штрафникам воинскую честь, и они отправлялись к прежнему месту службы.

Отдельно надо сказать про «людоедский» приказ №227 «Ни шагу назад!», в котором впервые было сказано об образовании штрафных рот и о применении высшей меры наказания к трусам и предателям (ох, поежился, должно быть, Солженицын, узнав об этом приказе в далекой Костроме, где отработывал «тигρινую походку»).

Знаменитый приказ зачитывали перед строем в каждой воинской части, и воспринимали его не как угрозу, а как разъяснение стратегии. Дело в том, что среди солдат и офицеров распространилось губительное заблуждение, что можно вести войну «кутузовским способом», то есть отступать до Урала, заманивая немцев вглубь и беспокоя партизанскими вылазками. К сожалению, это бы не сработало: с потерей европейской части СССР утратил бы и большую часть промышленных предприятий, пахотных земель и нефтяных месторож-

---

393. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 67.

дений, в то время как Гитлеру открывался прямой путь к богатейшему нефтеносному Среднему Востоку. Не удалось бы и эвакуировать большую часть мирного населения. Потеря Сталинграда и Кавказа подтолкнула бы к агрессии Японию и Турцию. Как могла бы отвоевать все территории обратно маленькая, лишенная всех ресурсов «сибирская республика» в которую бы превратился бы СССР?

На территории победившего Рейха осуществлялся бы план «Ост», то есть сотни миллионов людей были бы уничтожены, прежде всего, мы, славяне. От русских остались бы в лучшем случае несколько миллионов прячущихся по лесам партизан, которые рано или поздно были бы уничтожены, вымерли бы или сами сложили оружие. Мы просто перестали бы существовать.

Вот почему так важен был приказ Сталина, который, как свидетельствуют настоящие, не отсиживавшиеся по тылам и дальним блиндажам участники войны, лишь утвердил дух русских воинов. «Все мы знали его решительность, его суровость, но в то же время ... испытывали одинаковое чувство: да, хватит отступать, хватит!»³⁹⁴ – вспоминал писатель-фронтовик Юрий Бондарев, прошедший через сталинградскую мясорубку. Именно от него и его сверстников, ставших подлинным «цементом» победы, зависела тогда судьба великой битвы, всей войны, всего мира и всей истории. Соотношение сил составляло: по людям 1,2: 1, по орудиям и минометам 1: 1, по танкам 2: 1, по самолетам 3,6: 1 в пользу противника. Кто скажет, что мы победили

---

394. Бондарев Ю. Точка зрения русских // В круге последнем. С. 63.

«трупозаваливанием»? Только героизмом и воинским искусством!

Необходимо было выстоять любой ценой – пока Сталин и Ставка верховного главнокомандующего подготовят силы для контрнаступления. И наступление было подготовлено: блестящая военная операция «Уран», вошедшая во все учебники военной истории – главная битва Второй мировой войны, в которой с обеих сторон сошлось до 2,5 млн человек. Всего за время Сталинградской битвы, с 17 июля 1942-го по 2 февраля 1943 год, армии фашистского блока потеряли около 25% сил, действовавших на советско-германском фронте. До 1,5 млн солдат и офицеров противника (с учетом потерь в ВВС) было убито, ранено и взято в плен.

Сталинградская битва стала великим переломом во Второй мировой войне. Мужество советских бойцов, действительно, стало камнем, о который в осколки раздробилась под Сталинградом хваленая тевтонская сталь. Почувствовав вкус победы, советские солдаты гнали немца до самого Берлина. И 2 мая 1945 года над Рейхстагом взметнулся красный флаг – к большому сожалению для Солженицына, считавшему благом для своего народа... военное поражение.

«Простая истина, – пишет он в “Архипелаге”, – но и ее надо выстрадать: **благословенны не победы в войнах, а поражения** в них! Победы нужны правительствам, поражения нужны – народу. После побед хочется еще побед, после поражения хочется свободы – и обычно ее добиваются. Поражения нужны народам, как страдания и беды нужны

отдельным людям: они заставляют углубить внутреннюю жизнь, возвыситься духовно»³⁹⁵.

Победа Советского Союза в войне для Солженицына – это, прежде всего, победа Сталина, победа большевизма. А значит, продолжение страшного Гулага и «азиатчина» (в духе «Майн кампф» Солженицын использует эпитет «азиатский» в уничижительном смысле: низшая де раса). Что плохого в поражении от немцев? Человек глупый и недалевидный, Александр Исаевич не понимает, что в случае победы Гитлера он, красный командир с сомнительным отчеством, продолжил бы свой земной путь разве что в качестве куска мыла. Он видит в фашистской оккупации лишь небольшие неудобства – ну, например, «из школы придется вынести портреты с усами и, может быть, внести портреты с усиками»³⁹⁶. Ну еще и «елка придется уже не на Новый год, а на Рождество, и директору придется на ней (и еще в какую-нибудь имперскую годовщину вместо октябрьской) произнести речь во славу новой замечательной жизни»³⁹⁷.

Солженицын уверяет, что не один он такой был – иначе откуда тогда бы появилось во время войны столько предателей-власовцев?

Пытаясь реабилитировать власовцев в глазах советской общественности, Солженицын прекрасно сознает, что задача эта – архисложная. «Слово “власовец”, – сетует он, – у нас звучит подобно слову “нечистоты”, кажется, мы оскверняем рот одним только этим звучанием и поэтому никто не дерзнет

---

395. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 196.

396. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 101.

397. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 101.

вымолвить двух-трех фраз с подлежащим “власовец”. Но так не пишется история...»³⁹⁸

К феномену власовщины Солженицын предлагает отнестись «объективно и беспристрастно». Он даже само слово это берет в кавычки, дескать, у нас всех под одну гребенку. «Еще понадобятся годы и книги, чтобы понятие это проанализировать, выделить разные категории, и тогда в остатке получены будут “власовцы” в собственном смысле – то есть прямые сторонники или подчиненные генерала Власова с тех пор, как он в немецком плену дал свое имя для антибольшевистского движения. Таких сторонников в иные месяцы войны насчитывалось всего лишь сотни, а собственно власовская армия с центральным подчинением и вообще, по сути, создаться не успела»³⁹⁹.

Солженицын отмечает, что малодушно сдавшийся в плен в июле 1942 года генерал-лейтенант Андрей Власов использовался фашистским командованием в целях исключительно пропагандистских – как символ «противосоветского сопротивления». Его имя фигурировало в листовках, разбрасывавшихся над советским фронтом, а сам он время от времени совершал агитационные поездки по занятым фашистами областям, вызывавшие, по клятвенному заверению Солженицына, всеобщее воодушевление и создававшие у населения «прямую видимость, что независимое русское движение – рождается, что независимая Россия может воскреснуть»⁴⁰⁰.

---

398. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 189.

399. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 160.

400. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 180.

Однако немецкое командование не спешило создавать из русских военнопленных самостоятельные боевые подразделения, долгое время используя их лишь в качестве дармовой рабочей силы. За это недотепа Гитлер получает разнос от Солженицына: «Гитлеру недоступно было, что единственная историческая возможность свергнуть коммунистический режим – движение самого населения, подъем измученного народа»⁴⁰¹. И далее: «Если бы пришельцы не были так безнадежно тупы и чванны, не сохраняли бы для Великогермании удобную казенную колхозную администрацию, ... то вряд ли пришлось бы нам праздновать двадцатипятилетие российского коммунизма»⁴⁰².

Но не так уж тупы были фашисты, что не посылали на фронт подразделения, созданные из советских военнопленных, не полагаясь на их надежность. Они прекрасно знали о многочисленных фактах перехода таких подразделений к партизанам, на сторону Красной армии – целиком, в полном составе. Перебежчики получали оружие и воевали лишь под началом немецких офицеров – именно по такому принципу были сформированы, например, дивизии СС «Нахтигаль» и «Галичина»...

На создание самостоятельной Русской освободительной армии из целиком русских дивизий руководство вермахта решилось лишь в конце 1944 года. Только тогда генерал Власов и получил возможность действовать – «заведомо позднюю», как сокрушается Солженицын⁴⁰³.

---

401. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 181.

402. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 20-21.

403. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 184.

Ни на какие внятные действия против закаленной в боях советской армии власовские формирования были, конечно, неспособны, хотя кровушки ей попортили. Впрочем, одну заметную операцию РОА Солженицын все же упоминает.

В то время как генерал Власов обретался в безвыходной зажатости и, в параличе воли, **отдавался концу** (*формулировки не наши – Солженицына⁴⁰⁴, мы бы так не смогли – А.Б., О.М.*), командир 1-й дивизии РОА Буняченко оставил свои позиции и повел своих бойцов на Чехию. По заверениям Солженицына, именно они в жарких боях освободили в мае 1945 года от гитлеровцев Прагу. «Будто в насмешку, чтобы подтвердить дальновидность самых недальновидных немцев, первая же власовская дивизия своим первым и последним независимым действием нанесла удар – именно по немцам. ... (Чехи встречали русских цветами, в те дни – понимали, но у всех ли потом осталось в памяти, **какие** русские спасали им город?)»⁴⁰⁵.

И вновь поздравляем сограждане!

6 мая 1945 года власовцы, действительно, вошли в восставшую чешскую столицу и в нескольких районах города даже вступили в локальные бои с немцами, желая заработать славу освободителей Праги и с нею сдаться американцам. Но уже на следующий день они спешно ретировались, узнав, что из поверженного Берлина в Чехословакию несутся танковые лавины маршала Конева. Когда 9 мая советские войска мощным ударом выбили фашистов из Праги, никаких власовцев там уже не было и в помине.

404. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 185.

405. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 185.

Сдаться американцам под гарантии невыдачи их Советам у власовцев не получилось – западные союзники проявили, по словам Солженицына, «демократическую тупость», выдав нацистских пособников советскому командованию. Так было и под чешским Пльзенем, где в руки советских войск попала вся 1-я и почти вся 2-я дивизии РОА, так было и в австрийском Юденбурге, где англичане передали «Сталину на расправу» казачий корпус генерала Краснова.

«В своих странах Рузвельт и Черчилль почитаются как эталоны государственной мудрости, – пишет Солженицын, – и памятниками великому мужу со временем может покрыться Англия. Нам же, в русских тюремных обсуждениях, выступала разительно-очевидно систематическая близорукость и даже глупость обоих. ... Какой военный и политический резон для них имела сдача на смерть в руки Сталина нескольких сот тысяч вооруженных советских граждан, решительно не хотевших сдаваться? Говорят, что тем они платили за неперемное участие Сталина в японской войне. Уже имея в руках атомную бомбу, платили Сталину за то, чтоб он не отказался»⁴⁰⁶.

И то правда! Зачем «платить», когда можно ахнуть атомной бомбой по ненавистной Солженицыну Москве?

К власовцам Солженицын вообще испытывает особые чувства. Возможно, потому, что пришлось ему однажды столкнуться с ними в реальном бою. Это был первый и единственный случай, ког-

---

406. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 187.

да пули свистели в опасной близости от светлого чела нашего героя.

Это было в конце января 1945 года. В одну из ночей окруженные в восточно-прусском котле власовцы пошли на прорыв – аккурат через доблестную звукобатарейку капитана Солженицына. «Накопясь в маскхалатах на снегу, они внезапно поднялись, бросились с “ура”... Под их транссирующими пулями наша последняя кучка бежала три километра снежной целиной до моста через речушку Пасарге. Там их остановили»⁴⁰⁷.

По совпадению или нет, но через несколько дней Солженицын был арестован. Теперь он смог вздохнуть спокойно: самое страшное было позади.

Уже позже, в «Архипелаге», он найдет оправдание своему позорному бегству. Не от кого-нибудь драпали артразведчики, не от болгар каких – от самих власовцев, чудо-богатырей, что «бьются круче всяких эсэсовцев»⁴⁰⁸. «Им нельзя было драться иначе, – объясняет герой-орденоносец. – Им не оставлено было выхода биться **как-нибудь побережливей к себе**. Если один “чистый” плен уже признавался у нас непрощаемой изменой родине, то что ж о тех, кто взял оружие врага?»⁴⁰⁹

Но не одним лишь страхом попасть в страшный сталинский плен объясняет Солженицын неистовую смелость власовцев (а была ли эта неистовая смелость? может, просто у страха глаза велики?) Была, по Солженицыну, и другая причина, заставившая простых советских парней повернуть ору-

407. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 188.

408. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 182.

409. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 182.

жие против своего народа – натерпелись! «Когда началась советско-германская война – через 10 лет после душегубской коллективизации, через 8 лет после великого украинского мора, ... через 4 года после бесовского разгула НКВД... – естественным движением народа было – вздохнуть и освободиться, естественным чувством – отвращение к своей власти»⁴¹⁰.

Солженицын с удовольствием и, как уж это у него водится, – без ссылок на источники пересказывает истории о том, как целыми полками переходили на сторону Гитлера солдаты Красной армии, как хлебом-солью встречали немцев донские станицы, как целыми лагерями изъявляли желание служить врагу советские военнопленные. «**На гордость нашу**, – пишет Солженицын, – показала советско-германская война, что **не такие-то мы рабы**, как нас заплевали во всех либерально-исторических исследованиях: не рабами тянулись к сабле снести голову Сталину-батюшке»⁴¹¹.

(Рабами, по логике Солженицына, были те советские люди, что, не щадя жизни, боролись против оккупантов везде – на фронте и в тылу, в партизанских отрядах и соединениях, в подполье и на занятой врагом земле).

Откуда же черпал вдохновение литературный власовец Солженицын, повествуя о многомиллионной поддержке Гитлера населением советской страны?

Да уж не из архивных фондов.

---

410. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 22.

411. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 21.

«Триумфальная арка для господина Солженицына».

Рис. Бориса Ефимова.

Журнал «Крокодил», №6, 1974 г.

В своем же «Архипелаге» Солженицын рассказывает о листовках, разбрасываемые фашистами с самолетов – эти листовки «легли на наши фронтовые поля, легли в наши памяти»⁴¹². Досуга у Солженицына в его командирском блиндаже, как мы помним, было много – читал все, что только под руку не подворачивалось. Читал и запоминал – а память у него, как известно, была феноменальная.

Так что многие цифры и факты, всплывшие в «Архипелаге», не случайны. Вот, например, 6 миллионов – именно таково, по утверждению Солженицына, число погибших от украинского

412. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 160.

«голодомора» 1932-1933 годов⁴¹³. Эта самая цифра родилась в кабинетах нацистского министерства пропаганды еще в 1934 году и была растиражирована обслуживавшим его интересы американским медиамагнатом Уильямом Хёрстом (18 февраля 1935 года его газета «Чикаго Американ» вышла с заголовком на первой полосе: «6 миллионов человек умерли от голода в Советском Союзе»)⁴¹⁴. Во время войны эта же цифра фигурировала в листовках, сбрасывавшихся фашистами на советскую территорию, а через тридцать лет появилась и в тексте «Архипелага».

То же происхождение имеют и «свидетельства» о массовых переходах советских граждан на сторону Гитлера и энтузиазме, с которым в городах и селах встречали фашистов и их приспешников.

Вот Солженицын, например, пишет, как весной 1943 года повсеместное воодушевление встречало Власова в двух его пропагандистских поездках – смоленской и псковской⁴¹⁵. Откуда же информация? Да все оттуда же – из пропагандистских изданий власовцев. Владимир Бушин даже названия их раскопал:

«Власовцы и другие немецкие холуи русского происхождения издавали несколько газеток, и все с чрезвычайно красивыми названиями: “За Родину”. “Доброволец”, “Воля народа”... Так вот, одна из этих газеток, а именно “За Родину”, выходившая в Пскове, давала репортерский отчет о пропагандистской поездке Власова в этот город. Подробно

---

413. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 22.

414. Соуса М. Гулаг: Архивы против лжи. М.: Вечерний Ленинград, 2002. С. 4.

415. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 23.

рассказывала, как на вокзале их превосходительство был встречен городским головой Черепенкиным, взводом немецких солдат и некоторыми другими столь же необходимыми в данном случае лицами, как затем высокий гость направился в отведенную ему резиденцию, а немного позже принял парад “русских войск”, – ну, правда, не армии, не корпуса, не дивизии, не полка даже, а – батальона. Но и это было радостно. Во второй половине дня в комендатуре состоялось собрание. Как писала газета, произнесенная там речь Власова, его “благодарственные слова в адрес непобедимой германской армии и ее верховного вождя Адольфа Гитлера были встречены оглушительными аплодисментами”. Что же это, как не “воодушевление”! Слово получил и “представитель рабочего класса” некто Иван Боженко. Его речь о преданности рабочего класса их превосходительству и германской армии, судя по всему, явилась гвоздем собрания и, по заверению газеты, “вызвала всеобщее одобрение”, после чего сомневаться во всеохватном характере “воодушевления” просто смешно. Такие-то сведения узнаем из газеты “За Родину”»⁴¹⁶.

Судьба генерала Власова и его власовцев хорошо известна, и Солженицыну вряд ли удалось бы здесь приврать сверх меры. Бойцы РОА заняли подобающее им место – на нарах рядом с Солженицыным: «Я докуривал после них, и они после меня, – вспоминал писатель, – и вдвоем с кем-нибудь мы выносили жестяную шестиведерную парашу»⁴¹⁷. Быв-

---

416. Бушин В.С. Александр Солженицын: Гений первого плевка. С. 194.

417. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 188.

ший генерал Власов и одиннадцать его ближайших сподвижников были осуждены и повешены.

Знал бы трус и предатель Власов, что дело его продолжить жить уже в XXI веке! Вся наша оппозиционная интеллигенция, что слушает «Эхо Москвы» и радио «Дождь», ходит на «марши мира» с Немцовым и Макаревичем, только и делает, что повторяет кредо Власова: «Я борюсь не с Родиной, а с режимом». Собственно, и Гитлер с Геббельсом никаких претензий к нашим лесам и полям тоже не имели – они хотели в них жить, да и к людям не имели претензий – они хотели их эксплуатировать; им только режим и мешал на пути к завоеванию жизненного пространства. Плохой очень был режим, организовывал людей на борьбу с цивилизованной Европой...

Так напугавшие Солженицына под Адлиг Швенкиттенем власовцы и думать не думали бороться с каким-либо режимом – они просто спасали свою шкуру, знали, что они предали, и что им будет за их предательство, и никто из них не чувствовал никакой за собой правоты. Зато эту правоту за них придумали потом солженицыны.

Они как сразу разнесли убеждение, что нет ничего постыдного в том, чтобы в политической борьбе спокойно повторять вражеские голоса, оправдываясь тем, что «борются не с Родиной, а с режимом», тогда – со сталинским, потом – с брежневским, теперь – с путинским...

Между тем, у любого честного человека и патриота всегда должно появляться сомнение в правильности своих слов и действий, если только он замечает, что эти слова совпадают со словами заграничных голосов, а действия вызывают их похвалу...

Стратегема № 12

Перепишите историю. Уличите всех в неправде и расскажите, как, по вашему мнению, все было на самом деле. Возможно, именно ваша версия событий мировой истории будет преподаваться в школах.

Много теплых слов Солженицын находит и для другой категории «борцов с кровавым режимом» – украинских националистов. Автор считает, что с ними поступили нечестно – сначала в 1918 году лишили их недолгой независимости, а потом лицемерно объявили им, что они совершенно независимы и могут от нас отделиться, когда угодно. «Но как только они захотели это сделать в конце войны, их объявили “бандеровцами”, стали ловить, пытаться, казнить и отправлять в лагерь»⁴¹⁸. Но само это слово «бандеровцы», по уверению Солженицына, есть ничто иное, как просто ругательство, придуманное кремлевской пропагандой. Где вы видели бандеровцев? Нет никаких бандеровцев – есть просто «украинцы, которые не хотят чужой власти»⁴¹⁹.

Уже в 2014 году эта конструкция будет активно использоваться российской либеральной оппозицией как аргумент против критиков киевского «майдана»: «Где вы увидели там “бандеровцев”?»... И это несмотря на многочисленные видео с факельными шествиями «Правого сектора» под черно-красными флагами и портретами Степана Бандеры. Несмотря на последующие резонансные

418. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 33.

419. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 33.

переименования украинских улиц и проспектов и признания в любви к Бандере первых лиц «государства».

Ставшее главной приметой времени
факельное шествие в центре Киева.

1 января 2018 г.

Фото: «Политнавигатор»

С восхищением характеризуя бандеровцев как самых яростных борцов за свою свободу, Солженицын утверждает, что их оружие было направлено против двух тиранов сразу: «Узнав, что Гитлер не несет им обещанной свободы, они и против Гитлера воевали всю войну»⁴²⁰. Однако в архивах вермахта нет никаких свидетельств того, что бандеровцы нанесли хоть сколько-нибудь значительный урон немецким войскам, зато в архивах советских есть более чем достаточно доказательств их невероятной,

420. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 33.

нечеловеческой жестокости. И не только советских. В Польше есть музей, посвященный зверствам бандеровцев. А в нем – список из 137 различных способов уничтожения мирных жителей, включающий прибивание младенцев за язык к краю стола или разрывание их на две части с последующим захоронением вместе с еще живыми матерями.

Солженицын скрывает от читателей неудобную для него правду о тех зверствах, что вершились в годы войны под знаком трезубца. О Хатыни, Бабьем Яре, Волынской резне... Он лишь возмущается: «Почему нас так раздражает украинский национализм, желание наших братьев говорить и детей воспитывать, и вывески писать на своей мове? ... Почему нас так раздражает их желание оделиться? Нам жалко одесских пляжей? черкасских фруктов?»⁴²¹

И пророчит: «С Украиной будет чрезвычайно больно»⁴²².

Ну хоть здесь прав оказался Александр Исаевич. Стало. Благодаря ему же и стало. Сам антирусский проект «Украина понад усе» с бандеровскими флагами и лозунгами «москаляку на гиляку» стал возможен именно тогда, когда мы начали плевать в свою историю...

Как мы знаем, произведение Солженицына, в котором власовцы и прочие предатели и коллаборационисты не просто оправдываются, но и выставляются героями, приказом министра образования и науки Андрея Фурсенко от 9 сентября 2009 года включено в России в школьную программу, и те-

---

421. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 33.

422. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 34.

перь изучение романа является обязательным для всех российских старшекласников.

«Наше правительство само выражает протест, когда нечто подобное делают прибалтийские или украинские власти – и при этом делает обязательным преподавание в школе вполне сходной идеологии, – возмущается историк Александр Дюков. – Надеюсь только, что его будут преподавать так же бездарно и формально, как лучшие произведения нашей литературы. Чтобы у среднестатистического школяра и десятилетия спустя после выпускного звонка не появлялось желание притронуться к этой книжке»⁴²³.

После войны плененные офицеры вермахта говорили на допросах: «Мы проиграли русскому учителю», имея в виду, что с нацию, со школьных лет воспитываемую в духе патриотизма на высоких нравственных идеалах, победить невозможно.

Сегодня мы воспитываем детей на предателе Солженицыне...

---

423. Хрусталеv М. Фурсенко ввел для школьников «Архипелаг ГУЛАГ» // Сетевое издание KM.RU, 14.09.2009 / URL: http://www.km.ru/news/fursenko_vvel_dlya_shkolnikov_ar

---

АПОЛОГИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Логика «Архипелага» довольно примитивна.

1. Исходный тезис: СССР – зло. Абсолютное зло. Априори.
2. Все, что разрушает СССР – добро. И значит, любое предательство по отношению к своей стране – коллаборационизм, саботаж, подрывная деятельность, террор и выступление против собственного народа на стороне врага – оправданно.
3. Всякое сомнение в оправданности такого предательства – аморально.
4. Верность своей стране – преступна.

Та же логика, в принципе, свойственна и всем другим произведениям Солженицына. Но в наиболее ярком виде она проявляется в романе «В круге первом».

Как известно, существует два варианта этого романа. Один Солженицын приготовил для публикации в «Новом мире», другой, переписанный – для публикации на Западе. Общим для них является описание быта марфинской шарашки, в которой с 1947 по 1950 год находился сам Солженицын.

Различия, однако, значительны.

Новомирская, так называемая «лекарственная», версия рассказывает об ученом, который изобрел средство от рака и во имя человечества решил передать его секрет за границу. Спецслужбы не хотят, чтобы драгоценный рецепт покинул пределы страны. Дипломат Иннокентий Володин предупреждает старенького доктора, что на него готовится арест. И в итоге сам оказывается в тюрьме.

Так что же выше – интересы страны или интересы человечества? Солженицын отвечает однозначно: к черту страну, интересы человечества главнее; человек, предавший свою страну во имя общечеловеческих ценностей, не может считаться преступником!

Во второй, «атомной» версии, увидевшей свет в 1978 году, ни о каком лекарстве речи не шло, а рассказывалось в нем, наоборот, о дипломате Иннокентии Володине, который узнал, что советские разведчики собираются заполучить в Нью-Йорке секрет атомной бомбы, и попытался предупредить о том американское посольство. Подслушанный и записанный на пленку разговор доставляют в марфинскую шарашку, сотрудники которой разрабатывают методику распознавания голосов.

У Володина есть реальный прототип – некто дипломат Иванов, в декабре 1949-го Солженицын сам принимал активное участие в его разоблачении⁴²⁴. Теперь же, по прошествии более тридцати лет дипломат изображается им как герой, положивший собственную жизнь во имя спасения человечества. Ведь пока бомба у американцев – мир в безопасности, но уворуй ее кровавый тиран – и начнет

---

424. Копелев Л. Утоли мои печали. С. 113

ею сразу бросаться направо и налево. Так все и будет, рассуждает герой Солженицына: «Атомная бомба у коммунистов – и планета погибла»⁴²⁵.

Эта мысль страшно нравится апологетам писателя. Биограф Солженицына Людмила Сараскина, например, так и пишет: «Нет сомнений, что, обладай Сталин подобной монополией, он бы не побрезговал атомной атакой»⁴²⁶. То ли дело ваши любимые американцы, да, Людмила Ивановна? Как-то даже неудобно напоминать вам о Хиросиме и Нагасаки!..

Заполучив ядерное оружие, США немедленно начали строить планы превентивного удара по СССР. Уже 14 декабря 1945 года Объединенный комитет военного планирования Англии и США принял директиву №432D, где были обозначены первые 20 целей для ядерных бомбардировок на территории Советского Союза – крупнейшие города и промышленные центры. А 19 декабря 1949 года в США был разработан военный план «Дропшот», предполагавший массированную бомбардировку ста советских городов с применением 300 атомных бомб и 29 тысяч тонн обычных и последующую оккупацию СССР силами 164 дивизий НАТО. Лишь успешное испытание первой советской атомной бомбы 29 августа 1949 года заставило Америку изменить планы и перейти к политике невоенного сдерживания.

Мир избежал гибели в атомном пожаре. И произошло это, в том числе, благодаря действиям советской разведки⁴²⁷.

---

425. Солженицын А.И. В круге первом. МСС. Т. 2. С. 210.

426. Сараскина Л.И. Солженицын. С. 349.

427. См. об этом: Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930-1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.

Впрочем, Александр Солженицын не раз говорил о готовности погибнуть – лишь бы вместе с ним погиб и весь коммунизм. Не от Гитлера – так хоть от американцев.

Пишет, например, в «Архипелаге», что летом 1950 года кричал тюремным надзирателям: «Подождите, гады! Будет на вас Трумэн! Бросят вам атомную бомбу на голову!»⁴²⁸ Врет, наверное – молчал, берег себя для Главного Крика. Но продолжает, однако: «Так уж мы изболелись по правде, что не жаль было и самим сгореть под одной бомбой с палачами. Мы были в том предельном состоянии, когда нечего терять»⁴²⁹.

Но если в «Архипелаге» ядерная бомбардировка Советского Союза является Солженицыну лишь в его больной фантазии, то позднее, уже лишенный гражданства и выдворенный из страны, он, по-видимому, решил во что бы то ни стало претворить свою мечту в реальность, призывая Запад отказать от политики слабости в отношении СССР и продемонстрировать готовность пойти «на риск большой войны». («Если бы лидеры Востока почувствовали в вас хоть малейшее горение, хоть малейший жизненный порыв в защиту свободы, если бы они поняли, что вы готовы идти на смерть, чтобы эта свобода выжила и распространялась, – в эту минуту у них опустились бы руки»⁴³⁰).

В своих выступлениях он всеми силами старался демонизировать нашу страну, показать ее «инфернальную сущность», чтобы Запад сделал, наконец,

---

428. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 36.

429. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 36.

430. Солженицын А.И. Интервью журналу «Ле Пуэн», декабрь 1975 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. С. 327-328.

правильный вывод: с этими зверями нельзя иметь дела! И в своих выдумках он изощрылся не хуже, чем в «Архипелаге».

Чего стоит, например, свидетельства Солженицына о том, что в Советском Союзе для «политических» ни разу не объявлялась **ни одна** амнистия⁴³¹ (вот ведь зверье!)

Насчет амнистий – это он на испанском телевидении рассказывал в 1976 году, верно, в расчете на то, что его слушатели не читали «Архипелага». А в «Архипелаге» об амнистиях Солженицын рассказывает много, злобно и завистливо. Не попал он, например, под «ворошиловскую» 27 марта 1953 года – и пишет, что амнистия эта была вредная: «В поисках популярности у народа затопила всю страну волной убийц, бандитов и воров, которых с трудом переловили после войны. (Вора миловать – доброго погубить)»⁴³². Обошла его «аденауэровская» 9 сентября 1955-го – еще обиднее: «Прочел я: “Об амнистии лиц, сотрудничавших с немцами”. Как же так, а мне? Выходит, ко мне не относится: ведь я **безвылазно** служил в Красной армии»⁴³³. Правда, это не помешало ему «написать наверх о снятии ссылки на основании “аденауэровской амнистии”»⁴³⁴ – интересно, как он свое прошение мотивировал? «как сотрудничавшему с немцами»?

Упоминает Солженицын об амнистии эсерам (1919 г.), белоказакам (1920-е гг.), амнистии к десятилетию Октября (1927 г.), многочисленных частных амнистиях.

---

431. Солженицын А.И. Выступление по испанскому телевидению... С. 453-454.

432. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 268.

433. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 296.

434. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 232.

Да и срок свой Солженицын получил – о чем рассказывал как об интересном факте – в день «сталинской амнистии», 7 июля 1945 года, по которой получили свободу около 400 тысяч человек.

Рассказывал испанцам Солженицын и о том, что в СССР дают десять лет за изготовление ксерокопии не для служебных целей⁴³⁵. Ну, скажем, за копирование свидетельства о браке. Еще раз: **десять лет**. Это при Брежневе. Не стыдно же так врать! А сам за попытку создания антисоветской организации получил только восемь. При Сталине!

Сообщал о существовании в Советском Союзе такого пережитка крепостного права, как паспортная система: «Режим прикрепления к месту. Вы не можете никуда уехать из этого местечка, из этого маленького поселка, или города, или деревни, и вы находишься во власти не то, что там центральных властей или советского аппарата, вы находитесь во власти – вот, здешнего начальника. И если вы ему не нравитесь, вы пропали. И **уехать никуда нельзя**»⁴³⁶. Как самому Солженицыну удавалось по полгода в год не жить по месту прописки, он скромно умалчивает.

Судачил «о советской провинции, где не хватает картофеля до весны, а **других продуктов вообще не знают**»⁴³⁷. Весной мы, получается, переходили на подножный корм, или что? Как шутили в те времена: «Хлеба не было, масло приходилось мазать прямо на колбасу»...

---

435. Солженицын А.И. Выступление по испанскому телевидению... С. 453.

436. Солженицын А.И. Из телеинтервью компании CBS... С. 104.

437. Солженицын А.И. Иметь мужество видеть. Полемика в журнале «Foreign Affairs» // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. Ярославль, 1985. С. 384.

Иногда фантазия уносила «Межзвездного Скитальца» в совершенное занебесье, и он начинал рассказывать о том, как жестоко в советском Мордоре обращаются с инвалидами («у нас инвалидов Отечественной войны убирают из общества, чтоб их никто не видел, **ссылают на отдаленные северные острова**»⁴³⁸). Или как наказывают граждан за излишнее гостеприимство («за дружелюбные разговоры с иностранцами (при выставках) советских граждан открыто **избивают тут же, для поучения публики**»⁴³⁹).

Задачу Солженицын преследовал очевидную: не допустить наметившегося потепления отношений между Востоком и Западом.

В мае 1972 года в Москву приехал Ричард Никсон – это был первый официальный визит президента США в СССР после посещения Ялты Франклином Рузвельтом в 1945-м. Визит Никсона принес ощутимые плоды: главами государств было подписано важнейшее соглашение по ОСВ-1 (ограничению стратегических вооружений), а также Соглашение о сотрудничестве в космосе, в реальность которого давно никто не верил. Успешное окончание переговоров имело и важное экономическое значение – ограничение гонки вооружений высвобождало немалые средства на решение экономических проблем, в избытке накопившихся к началу 1970-х годов в обеих странах.

---

438. Солженицын А.И. Телеинтервью с конгрессменом Лебутийе об американском радиовещании на русском языке (23 октября 1981) // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. С. 569.

439. Солженицын А.И. Конец одного советского десятилетия (Нойе Цюрихер цайтунг. 15 января 1975 г.) // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. С. 205.

Через три года США и СССР реализовали совместный проект «Союз-Аполлон»: успешная стыковка космических кораблей состоялась 17 июля 1975 года, причем она весьма символично произошла над Эльбой.

А всего через несколько дней после «рукопожатия на орбите», 1 августа 1975 года в Хельсинки был принят Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, ставший кульминацией разрядки и до сих пор являющийся едва ли не решающим фактором сохранения стабильности на континенте и во всем мире. «Хельсинские соглашения» закрепляли политические и территориальные итоги Второй мировой войны, в том числе, нерушимость границ. Таким образом, страны Запада фактически признавали коммунистические режимы в Восточной Европе. Одновременно все страны-участники принимали на себя ряд обязательств по укреплению доверия в военной области (предварительные уведомления о военных учениях и крупных передвижениях войск, присутствие наблюдателей на военных учениях), по вопросам охраны окружающей среды, прав человека и основных свобод (в том числе свободы передвижения, контактов, информации, культуры и образования). Смягчение СССР и соцстран своей позиции по правам человека дало отмашку диссидентам – теперь, когда их стало нельзя арестовывать, они смогли активизировать свою деятельность.

Именно на этом фоне, когда, казалось, отношения между Москвой и западным миром будут только налаживаться, и начал свой крестовый поход против советского государства «Архипелаг Гулаг». Это было ничем иным, как тщательно подготов-

ленной провокацией. Опубликованный на переломном этапе советско-американских отношений, «Архипелаг», по словам литературного критика Русской службы ВВС Зиновия Зиника «лишал последней надежды тех, кто еще мог верить в добрые намерения тоталитарного чудовища»⁴⁴⁰.

Карикатура журнала «Крокодил», №5, 1974 г.

Тогда, в начале 1970-х, Варлам Шаламов написал Солженицыну в письме, так и оставшемся неотправленным: «Я знаю точно – Пастернак был жертвой холодной войны, Вы – ее орудием»⁴⁴¹.

440. Солженицын: «старый большевик» времен Путина?/URL:http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/russia/newsid_6436000/6436553.stm

441. Шаламов В.Т. Воспоминания. М.: «Изд-во Олимп», «Изд-во Астрель», «Изд-во АСТ», 2001. С. 380.

СОВЕТЫ ПОСТОРОННЕГО

23 августа 1973 года Солженицын дал большое интервью иностранным корреспондентам. В тот же день КГБ задержал одну из помощниц писателя Елизавету Воронянскую. В ходе допроса ее вынудили выдать местонахождение одного из экземпляров рукописи «Архипелага Гулаг». Вернувшись домой, она повесилась. 5 сентября Солженицын узнал о случившемся и распорядился начать печатание «Архипелага» в парижском эмигрантском издательстве YMCA-Press, прославившем как филиал ЦРУ.

В тот же день он отправил руководству страны «Письмо вождям Советского Союза», в котором призвал отказаться от коммунистической идеологии и сделать шаги по превращению СССР в русское национальное государство.

«Угрожаемый автор», прежде боявшийся собственной тени, старавшийся **«не выделяться ни на плечо в сторону бунта»**⁴⁴² и не выходивший

---

442. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 10.

на улицу без сменной шапки для конспирации, внезапно осмелел, хотя прекрасно понимал, какую реакцию вызовет у «вождей СССР» факт публикации за границей злобного пасквиля, порочащего советский строй. Сам Солженицын во всех цветах расписывал свою решимость принять, если понадобится, смерть – лишь бы мир услышал его Главный Крик. В этом амплуа он явно себе очень нравился. «Я вижу, как делаю историю»⁴⁴³, – писал он в «Теленке». Но многим ли он рисковал – по большому-то счету?

Отнюдь, его смелость была начисто лишена риска. Не те времена уже были, чтобы бояться «черного воронка». Да и имя у него уже было – не хуже брони: нобелевский лауреат, не кот чихнул! Если что – шум поднимется на весь крещеный мир. Так что получается, что не Давид здесь поднялся на Голиафа, а дворовая шавка подняла лай из-за спин матерых псов.

«Вожди Советского Союза» и вправду пребывали в нерешительности – что же делать с этой шавкой? Связываться было явно неохота, но и оставить без ответа было нельзя – распоясается вся прочая сволота.

В самом конце декабря 1973 года в свет вышел первый том «Архипелага Гулага». Всего через неделю это событие было обсуждено на заседании Политбюро ЦК КПСС. Мнения о методах пресечения антисоветской деятельности Солженицына А.И. разделились.

Андропов настаивал на выдворении писателя из страны: «Его сочинение “Архипелаг Гулаг” не яв-

---

443. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 104.

ляется художественным произведением, а является политическим документом. Это опасно. У нас в стране находятся десятки тысяч власовцев, оуновцев и других враждебных элементов. В общем, сотни и тысячи людей, среди которых Солженицын будет находить поддержку»⁴⁴⁴.

Брежнев, Косыгин, Подгорный, Громыко и примкнувший к ним Шелепин высказались за арест и ссылку «хулиганствующего элемента» – например, в Верхоянск («туда никто не поедет из зарубежных корреспондентов – там очень холодно»⁴⁴⁵).

Постановили: ограничиться обменом мнениями.

В пользу высылки было немало аргументов, однако для этого надо было заручиться согласием какой-либо из капиталистических стран принять Солженицына. Именно это и представляло проблему: особого желания к этому никто не испытывал.

7 февраля Андропов обратился к Брежневу с письмом, в котором привел новые доводы в пользу своей идеи:

«Нами зафиксированы высказывания среди отдельных рабочих, студенчества о том, что Солженицын призывает советское руководство снизить цены на товары широкого потребления, прекратить помощь Кубе и развивающимся странам в интересах повышения благосостояния советского народа. Эти мысли не содержатся в книге “Архипелаг Гулаг”, но они, как Вы помните, имелись в пресловутом письме Солженицына “К вождям советского

---

444. Из рабочей записи заседания Политбюро ЦК КПСС 7 января 1974 г. // Дело о писателе А.И. Солженицыне. 1993. №3. С. 88.

445. Из рабочей записи заседания Политбюро... С. 91. Верхоянск предложил Косыгин.

народа". По нашим данным, Солженицын, отказавшись от мысли опубликовать в ближайшее время этот документ, в то же время через свое окружение придает гласности содержание этого документа.

Исходя из всего этого, Леонид Ильич, мне представляется, что откладывая дальше решение вопроса о Солженицыне, при всем нашем желании не повредить международным делам, просто невозможно, ибо дальнейшее промедление может вызвать для нас крайне нежелательные последствия внутри страны»⁴⁴⁶.

Дополнительным доводом в пользу высылки Солженицына стала достигнутая именно в эти дни договоренность с Вилли Брандтом, и надо было спешить, пока писатель не выкинул какую-нибудь подлянку.

На следующий день по адресу проживания Солженицына (ул. Горького, д. 12, кв. 169) была отправлена повестка в Прокуратуру СССР. Находившаяся дома Наталья Дмитриевна принять повестку отказалась. 11 февраля Солженицын сидел в квартире и ждал посыльного с повторным вызовом – иной бунтарь давно уже свалил бы в какую-нибудь глушь, в Эстонию, но не таков наш копьеборец: когда еще появится такой повод *громыхнуть*? И прямо с порога, отпершись взять в руки повестку, Солженицын торжественно вручает курьеру заранее приготовленную цедулю в надежде, что она станет достоянием широкой общественности:

«В обстановке непроходимого всеобщего беззакония, многолетне царящего в нашей стране

---

446. Из рабочей записки заседания Политбюро... С. 94.

(а лично ко мне и 8-летней кампании клеветы и преследований), я отказываюсь признать законность вашего вызова и не явлюсь на допрос ни в какое государственное учреждение.

Прежде чем спрашивать закон с граждан, научитесь выполнять его сами. Освободите невинных из заключения. Накажите виновников массовых истреблений и ложных доносчиков. Накажите администраторов и спецотряды, производившие геноцид (высылку народов). Лишите сегодня местных и отраслевых сатрапов их беспредельной власти над гражданами, помыкания судами и психиатрами. Удовлетворите миллионы законных, но подавленных жалоб»⁴⁴⁷.

**11 декабря 2017 г. на доме 12, стр. 8. по ул. Тверской,
где в 1974 г. был арестован Солженицын,
была открыта мемориальная доска.**

Фото ТАСС

---

447. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №8. С. 124.

На следующий день, 11 февраля, Солженицын пустил по рукам свой манифест «Жить не по лжи», который содержал призыв к тихой фронде и запечному героизму: «Самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи! Пусть ложь все покрывает, всем владеет, но в самом малом упрямся: пусть владеет не через меня!»⁴⁴⁸

В этот же день к вечеру Солженицын был арестован, обвинен в измене Родине и лишен советского гражданства.

Находясь под арестом, Солженицын ожидает любого исхода и даже типа готовится к расстрелу⁴⁴⁹. Тем временем об аресте Солженицына сообщили западные радиостанции, и результат последовал незамедлительно. «В Европе готовились массовые демонстрации и митинги у советских посольств, – вспоминает Владимир Войнович. – Советских представителей забрасывали гнилыми помидорами и тухлыми яйцами. Раздавались призывы жителей западных стран порвать все отношения с Советским Союзом. И вдруг... – неожиданный потрясающий поворот сюжета... Продержав в Лефортове одну ночь, арестанта, живого, здорового, в казенной пыжиковой шапке, доставили на Запад прямо под ослепительный свет юпитеров»⁴⁵⁰.

В комплекте с добротной шапкой кровавый режим выдал Солженицыну подъемные – пятьсот дойчмарок. Во Франкфурте-на-Майне изгнанника встречали с цветами. Телерепортерам бывший марфинский переводчик смог сказать по-немецки

448. Солженицын А.И. Жить не по лжи // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. С. 189.

449. Солженицын А.И. Из телеинтервью компании CBS... С. 92.

450. Войнович В.Н. Портрет на фоне мифа. С. 18.

всего два слова: «Гутен абенд». Но и те были произнесены с таким акцентом, что даже неделю спустя его передразнивали завсегда и немецких пивных⁴⁵¹.

Вечер того же дня он проводит в сельском домике Генриха Бёлля под Кельном.

**Карикатура журнала «Крокодил»,
№7, 1974 г.**

451. Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. С. 193.

Не успев надышаться воздухом свободы, Солженицын засучивает рукава и начинает яростно издавать все, что накопилось неопубликованного за последнее время. Уже 3 марта 1974 года в лондонской «Санди таймс» появляется перевод его «Письма вождям» – и практически сразу УМСА-Press массовым тиражом выпускает статью на русском языке в виде брошюры.

Как мы знаем, сами вожди получили ценные указания Солженицына еще полгода назад, но до сих пор, к неудовольствию титана мысли, ими не воспользовались.

И напрасно: Солженицын считает, что им следовало бы поторопиться, потому что уже в обозримом будущем СССР ждут две беды: война с Китаем и экологическая катастрофа⁴⁵².

Избежать первой можно, по мнению автора, отдав Китаю «Передовое Учение» – и пусть они себе поддерживают «террористов» (т.е. революционное движение) на разных материках и оплачивают «все несуразные экономики» – тогда и не до войны им будет⁴⁵³.

А что касается другой беды – тут еще проще: надо остановить прогресс, и все наладится. «"Прогресс" должен перестать считаться желанной характеристикой общества. "Бесконечность прогресса" есть бредовая мифология»⁴⁵⁴.

Одолов прогресс и отказавшись от «необъятных интернациональных задач» (т.е. от помощи Кубе и другим развивающимся странам), вождям

---

452. Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. С. 150.

453. Солженицын А.И. Письмо вождям... С. 157.

454. Солженицын А.И. Письмо вождям... С. 159.

Советского Союза надлежит, по Солженицыну, сосредоточить усилия на разумном использовании собственной территории: перенести центр «государственного внимания» на север Сибири, ликвидировать колхозы, расселить города, перестать осваивать космос и вообще остановить экономический рост («экономический рост не только не нужен, но губителен»⁴⁵⁵).

Стратегема № 13

Публично высказывайтесь по любому поводу. Станьте экспертом по всем вопросам – от международной политики и освоения космоса до «литья из вагранок».

Статья Солженицына наделала много шума в диссидентских и эмигрантских кругах. Не таким они видели будущее России, ну не желали они пересаживаться с «Москвичей» и «Фиатов» на гужевой транспорт и переодеваться в ватники. Суций Арканар получался у Солженицына, а не светлое либеральное будущее!

Именно тогда пробежала первая трещина между Солженицыным и некоторыми его вчерашними союзниками, сторонниками и поклонниками. С критическими вопросами к автору обратились даже видные советские «несогласные», не исключая Андрея Сахарова⁴⁵⁶.

И эта трещина росла с каждым публичным отпращиванием Солженицына. В сентябре 1974 года

455. Солженицын А.И. Письмо вождям... С. 159.

456. Сахаров А.Д. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза» // Знамя. 1990. №2. С. 14-21.

свет увидел второй том «Архипелага». Ознакомившись с ним, диссиденты и эмигранты пришли в ужас: оказывается, их кумир и икона был обычным лагерным информатором (об этом он похвастал именно во втором томе своего основополагающего труда). Образ самоотверженного и бескомпромиссного борца за все хорошее резко померк в их глазах.

Но Солженицын не интересовался ничьим мнением. Он чувствовал себя Наполеоном, бежавшим с Эльбы. Сейчас он соберет свое войско и поведет его обратно на Москву – и вот уже по всему русскому зарубежью проносится металлический голос его команд. Он строит деятелей эмиграции по линейке, делит их на чистых и нечистых, учит их, как правильно бороться, мыслить и страдать.

Даже самые непримиримые борцы с советским режимом не могли скрыть тогда своего раздражения. 12 января 1975 году с отповедью Солженицыну выступил сам Андрей Синявский.

«Меня, извините, удивляют и приводят в оторопь Ваши авторитарный тон, высокомерие, нетерпимость, которые все более и более сквозят в Ваших выступлениях, – заявил он в своем “Открытом письме Солженицыну”. – Тон Ваших слов – пророка и моралиста, Ваши склонность и талант учить всех и каждого, как подобает жить, беря с Вас пример, независимо от логики, от смысла, – окрашивают Ваши слова в привычную стилистику нетерпимости и фанатизма. Авторитарен не строй, который Вы мыслите насадить в России. Авторитарны Вы сами – как стимул, как личность, поучающая единицы, народы и государства, и, при-

ложившись к таинству христианского покаяния, требующая с гневом, чтобы следом за Вами и все прочие спаслись и повинились – мадьяры, латыши и евреи, запачканные в грехе. Но, вероятно, покаяние не может быть спущено сверху, от человека, пускай праведного и высокого, в виде директивы, а ждет живых и естественных, идущих у каждого из глубины сердца, многотрадальных устремлений. И давить тут не надо. И то, что Вы предписываете человечеству в виде диктата, исходя из своего достоинства (я покаялся – а они не покаялись; я живу не по лжи – а они не желают), – немислимо, невыносимо для человеческой души, доколе она живет и бродит еще сама по себе, а не следует Вашим высоким авторитетам. Отказавшись от насилия, Вы совершаете насилие над духом, и потому Ваши важные по смыслу слова отдают вкусом ненависти человека к человеку.

Сейчас Вы травите третью эмиграцию за то, что ее не выдворили, как Вас, в почетном карауле, а она сама уехала. ... Вы встали в позу духовного жандарма, Александр Исаевич. Вы не разрешаете печататься под псевдонимами – за исключением Ваших доверенных и санкционированных Вами лиц. Инакомыслие – на сей раз с Вами – приравнивается к подонкам, к ненавистникам своей родины, к агентам КГБ. Еще немного и пойдет: “враг народа”⁴⁵⁷.

«Открытое письмо» прочитал отец Александр Шмеман, после чего посоветовал автору заострить некоторые формулировки и благословил немедленную публикацию. Однако Владимир Макси-

---

457. Синявский А. Открытое письмо А. Солженицыну (12 января 1975 г.) // Синтаксис. № 31. Париж. 1991. С. 159-161.

мов, редактор парижского журнала «Континент», куда принес свое письмо Синявский, воздержался от публикации. Не удалось пристроить этот текст и в «Русскую мысль». «Это была первая наша эмигрантская оскомина – вкус цензуры и родного советского слова “пробить”», – с горечью констатировала жена Синявского Мария Розанова.

Ворвавшийся, как комета, в жизнь русского зарубежья, Солженицын довольно быстро надоел своим бывшим поклонникам. Его выступления вызывали скуку и раздражение, а книги продавались из рук вон плохо.

Директор УМКА-Press Владимир Аллой признавался: «Солженицын оказался вовсе не такой уж высокоудойной коровой. Ну, первый том “Гулага” действительно стал бестселлером: за ним – едва ли не впервые в послевоенной эмигрантской истории – стояли очереди в магазин. Но второй уже пошел хуже, а на третий и вообще пришлось думать о сокращении тиража, не говоря уже о “Теленке”, тридцать тысяч экземпляров которого почти полностью гнили на складе»⁴⁵⁸.

О том же свидетельствовал и британский издатель Алек Флегон: «Первый том на русском языке, – писал он в 1981 г., – выдержал три издания, и разошлось 60000 экземпляров. Второй и третий тома печатались только раз и то далеко не распроданы. Из второго тома разошлось всего 4000, а из третьего 2000 экземпляров»⁴⁵⁹.

---

458. Аллой В. Записки аутсайдера // Минувшее. Т. 22. СПб., 1997. С. 146.

459. Цит. по: Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 362.

Подобным же образом складывалась и судьба других произведений: из десяти тысячного тиража поэмы «Прусские ночи» было продано лишь около двухсот экземпляров (убыток составил 100 тысяч франков). Целиком пошел под нож первый тираж «Письма вождям», а из 10 тысяч экземпляров второго тиража за 1974-1980 годы было продано и роздано около двух тысяч⁴⁶⁰.

Но Солженицын не унывал – ведь в своем крестовом походе на Москву он рассчитывал, прежде всего, на западных контрагентов. И именно для них он приготовил свои самые роскошные советы.

Выступления перед западной общественностью организовались для Солженицына одно за другим – в Швейцарии, Швеции, Франции, Канаде, Испании, США. Их содержание и тон шокировали даже его единомышленников.

30 июня 1975 года он выступил в вашингтонском отеле «Хилтон» перед представителями профсоюзов АФТ-КПП. В своей пламенной речи он обвинил Запад в том, что он все время потакал Советскому Союзу вместо того, чтобы сразу уничтожить его на корню. Он подверг резкой критике администрацию президентов Гувера и Рузвельта за экономическую помощь, оказанную молодой Советской республике, за установление дипломатических отношений с нашей страной и за участие США во Второй мировой войне на стороне государств антигитлеровской коалиции. Как, мол, они могли вступить в военный союз с СССР, средоточием все-

---

460. Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. С. 363.

го Мирового Зла? «Как это объяснить? Как можно это понять?»⁴⁶¹

Затем Солженицын обрушился на бывшего президента Никсона и администрацию Форда за их «уступки» Советскому Союзу. Он обвинил правящие круги США в том, что они недостаточно активно вмешиваются во внутренние дела СССР и в том, что «советский народ брошен на произвол судьбы». «Вмешивайтесь, – призывал Солженицын, – **вмешивайтесь снова и снова настолько, насколько можете. Пожалуйста, побольше вмешивайтесь в наши внутренние дела... Мы просим вас – вмешивайтесь!**»⁴⁶².

Реакция западных СМИ оказалась неожиданной для Солженицына. Вместо восторгов, цветов и комплиментов он получил ушат холодной воды. Его выступление характеризовали как прогитлеровское, а самого его обвиняли в том, что, призывая к ужесточению конфронтации с СССР, он хочет заставить Запад таскать для него каштаны из огня. «Только фанатик может давать подобные рекомендации в качестве практических внешнеполитических рецептов, а одного фанатизма для внешней политики недостаточно, – писала газета “Вашингтон Стар”. – Глупость не перестает быть глупостью, даже если ее изрекает Солженицын»⁴⁶³. А другая столичная газета, «Вашингтон Пост», указывала,

---

461. Солженицын А.И. Речь в Вашингтоне перед представителями профсоюзов АФТ-КПП, 30 июня 1975 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. С. 237.

462. Солженицын А.И. Речь в Вашингтоне... С. 254-255.

463. Цит. по: Дело о писателе А. И. Солженицыне // Источник. 1993. №3. С. 100.

что призывы Солженицына вернуться к холодной войне лишней раз должны убедить американцев «поменьше слушать чужих советов и стараться жить своим умом»⁴⁶⁴.

Тогда же появились первые сомнения в душевном здоровье Пророка. По информации газеты «Нью-Йорк Таймс», именно неуверенность в «умственной стабильности» Солженицына стала причиной, по которой советники американского президента Джеральда Форда рекомендовали отказаться от назначения писателю аудиенции⁴⁶⁵.

Свои советы Солженицын раздавал и устно, и письменно – если ему не предоставляли вовремя высокую трибуну, он писал пресс-релизы. 21 июля 1975 года отправил, например, в «Нью-Йорк Таймс» заявление, в котором выражал неудовлетворение действиями президента Форда, который собрался в Европу, чтобы подписать там Хельсинские соглашения – «предательство Восточной Европы: официально признать ее рабство навсегда». («Ты поучи свою жену щи варить», – подумали, наверное, тогда в Белом доме).

Со временем советы Солженицына приобретали все более универсальный характер – Пророк не желал более ограничиваться борьбой с одним лишь советским режимом, он решил, что пора выписать рецепты и всему остальному миру.

В марте 1976 года писатель посетил Испанию. В нашумевшем выступлении по испанскому телевидению он одобрительно высказался о недав-

---

464. Цит. по: Дело о писателе А.И. Солженицыне. С. 100.

465. New York Times. 1976, 3 July. Приводится по: Дело о писателе А.И. Солженицыне. С. 100.

нем режиме Франко (и это диктатура? не видели вы диктатур!) и предостерег Испанию от слишком быстрого продвижения к демократии (мол, так не долго и в социализм вляпаться, а в социализме – Гулаг, убивший 110 миллионов человек и запрещающий пользоваться ксероксами)⁴⁶⁶.

8 июня 1978 года Солженицын выступил в Гарварде на ассамблее выпускников университета. В своей речи он почти в духе советских передовиц рассказал о том, что стоит за внешним благополучием Запада. А именно: 1) подмена Правды правом («общество, в котором нет других весов, кроме юридических, тоже мало достойно человека»⁴⁶⁷); 2) разрушительный, безответственный либерализм, породивший порнографию и преступность («защита прав личности доведена до той крайности, что уже становится беззащитным само общество от иных личностей»⁴⁶⁸); 3) тоталитаризм прессы («безудержная свобода существует для самой прессы, но не для читателей»⁴⁶⁹). Бездуховность и малодушие стали причинами того, что Запад все явственнее теряет позиции перед ужасным Восточным блоком: «для обороны нужна и готовность умереть, а ее мало в обществе, воспитанном на культе земного благополучия»⁴⁷⁰. Чтобы Запад смог устоять перед Востоком, Солженицын советует ему вернуть общественное мужество, продемон-

---

466. Солженицын А.И. Выступление по испанскому телевидению... С. 449-459.

467. Солженицын А.И. Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета, 8 июня 1978 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. С. 314.

468. Солженицын А.И. Речь в Гарварде... С. 315.

469. Солженицын А.И. Речь в Гарварде... С. 317.

470. Солженицын А.И. Речь в Гарварде... С. 323.

стрировать СССР свою решимость начать войну и обратиться к Богу.

Нападки Солженицына на либеральные ценности были приняты в Америке холодно: получается, американцы сами сначала не поняли, кого пригрели – бородатого черносотенца. Главу госдепартамента США Генри Киссинджера как-то спросили: не кажется ли ему, что Солженицын правее Барри Голдуотера⁴⁷¹? «Да он правее самих царей!» – ответил Киссинджер.

В общем, нисколько не удивительно, что в университеты и на телевидение Солженицына стали приглашать все реже и реже, а формулировки в его адрес становились все хлестче и хлестче. Вот как, например, в 1980 году аттестовал его американский литератор Гор Видал: «Плохой писатель и к тому же дурак. Комбинация, которая обычно гарантирует вам в Соединенных Штатах популярность».

Солженицын заперся в своем вермонтском поместье размером со среднюю русскую деревню (обосновался он в нем в июле 1976-го) и засел за бесконечное «Красное колесо», отвлекаясь лишь на то, чтобы накатать очередное «заявление» для прессы, науськиваемый новой женой Натальей Дмитриевной («Сейчас он им врежет!..»)

Но и его «реплики по поводу», и немногочисленные интервью оставались без внимания – Солженицын стал посторонним и для граждан СССР, и для эмигрантов, и для западной общественности, и для американских властей. И ему уже напрямую давали понять, что в его советах не нуждаются: спа-

---

471. Барри Голдуотер – американский сенатор-республиканец, крайний консерватор, один из самых непримиримых противников разрядки.

сибо, Александр Исаевич! Поучайте лучше ваших паучат!

Именно железобетонная уверенность в собственной правоте отличает дилетанта от профессионала. Профессионал осознает границы своей компетентности, он знает, что можно знать и больше. Профессионал – тот, кто твердо знает, чего ему делать нельзя.

Дилетанту – все можно, он знает все, и свои бесполовые идеи он пытается донести до всего мира.

И тут уж как повезет. Либо его даже слушать не будут, и все останутся при своих. Либо, если авторитет дилетанта велик, а имя громко, будут менять мир в соответствии с его рекомендациями.

И тут уж недалеко и до беды...

Мы помним, как в лагерях Солженицын, ища работы полегче, выдавал себя то за опытного нормировщика, то за ядерного физика, то за переводчика с немецкого – не зная толком, как правильно сказать «гутен абенд». Но мечтой его было выдать себя за медика: «Не раз мечтал я объявить себя фельдшером. Сколько литераторов, сколько филологов спаслось на Архипелаге этой стезей! Но каждый раз я не решался – не из-за внешнего даже экзамена (зная медицину в пределах грамотного человека да еще по верхам латынь, как-нибудь бы я *раскинул чернуху*), а страшно было представить, как уколы делать, не умея. Если б оставались в медицине только порошки, микстуры, компрессы да банки,- я бы решился»⁴⁷².

Но если нормировке дипломированный математик еще мог худо-бедно обучиться по ходу ра-

---

472. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 6. С. 170.

боты, а незнание азов ядерной физики обнаружилось бы раньше, чем он успел бы что-нибудь испортить, то ценой вранья по медицинской части могли бы стать чьи-нибудь жизни. Но есть ли дело Солженицыну до чьих-то жизней, если речь идет о его комфортной отсидке?

Ценой дилетантизма в политике и экономике (а именно в этих областях Солженицын считал себя докой) могут стать уже не одна или две жизни, но сотни, тысячи, миллионы. Мы видели, чего стоила России необдуманная политика резкого насаждения рынка в начале девяностых. Мы видим сейчас, как страдает Украина из-за ослепленной ненавистью к России политической верхушки, стремящейся «назло маме отморозить уши» и тем поставить свою страну на грань гибели.

Но это еще цветочки. Страшно представить, что могло бы произойти с миром, прислушайся к советам Солженицына вожди двух сверхдержав!

Возможно, вам уже не довелось бы читать этой книги – равно как и всех других...

БЕЗ ЗЕМЛИ И БЕЗ НЕБА

Шло время. В ненавистной Солженицыну стране назревали перемены. В марте 1985 года генеральным секретарем ЦК КПСС был избран 54-летний Михаил Горбачев, представлявший относительно молодое поколение партийных руководителей, осознававших необходимость обновлений в СССР и вывода страны из экономического и социального кризиса. Ясной программы первоочередных действий у них не было, но они были убеждены, что Советскому Союзу необходимо отказаться от конфронтации с Западом, выйти из международной изоляции и сосредоточиться на решении задач экономической модернизации.

Борясь за власть со сторонниками «старого курса» в Политбюро, Горбачев все больше опирался на поддержку антигосударственных сил, целью которых было достижение состояния «управляемого хаоса» в стране и разрушение государства. Именно с их подачи в самом начале 1987 года была провозглашена политика т.н. «гласности». Целью ее было разрушить идеологические основы существующе-

го строя путем сначала критики недостатков социализма с целью его очищения, а потом и вовсе – полного отказа от социализма в пользу капитализма. Главный идеолог этого проекта, «архитектор перестройки» секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев дал добро на то, чтобы в СМИ стали появляться материалы о преступлениях сталинского режима и необходимости возвращения к «ленинским нормам» партийной и государственной жизни.

Именно тогда в стране вспомнили и о главном борце с кровавым режимом – Александре Солженицыне.

В конце июня 1989 года состоялось заседание Политбюро, на котором было принято решение о реабилитации Солженицына, сразу после чего вышло постановление об отмене решения об исключении автора «Архипелага» из Союза писателей. В том же году журнал «Новый мир» опубликовал «Нобелевскую лекцию» и главы из «Гулага». А в 1990 году произошел самый настоящий обвал публикаций. В стране выходят все основные произведения Солженицына: «В круге первом», «Раковый корпус», «Август Четырнадцатого», «Октябрь Шестнадцатого», первый том «Марта Семнадцатого», «Бодался теленок с дубом».

17 августа 1990 года Солженицыну было возвращено советское гражданство, после чего глава правительства РСФСР Иван Силаев пригласил его в Россию. Солженицын ответил: «Для меня невозможно быть гостем или туристом на родной земле. ... Я не могу обгонять свои книги»⁴⁷³. И ненавязчиво

---

473. Солженицын А.И. Ответ главе российского правительства. 23 августа 1990 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. С. 345.

выразил желание опубликовать в Советском Союзе только что законченную им статью «Как нам обустроить Россию». Именно «нам» – будто бы строкой выше не отказался вернуться во вскормившую его страну.

18 сентября статья с претенциозным заголовком была опубликована в «Комсомольской правде», а затем в «Литературной газете», ее суммарный тираж составил 27 млн экземпляров. Начинаясь она словами: «Часы коммунизма – свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами»⁴⁷⁴. Тому, как этого избежать, и были посвящены «посильные соображения» автора.

Солженицын начинает с самого главного вопроса – национального. С самого начала он выступает за распад СССР и освобождение «от пространно-державного мышления, от имперского дурмана»: «Нет у нас сил на Империю! – и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель»⁴⁷⁵.

Вот так. Америка весь мир стремится контролировать и эксплуатировать, Европа объединяется в Евросоюз, а нам надо ужаться до границ Московской Руси, нам, оказывается, надо нацию, нам надо национализм вместо империализма...

Знает, гад, в какое место целить!

Единственное, что может развалить многонациональную страну – это национализм. За идеи социализма или либерализма никто уже кровь проливать не будет, а вот за нацию – запросто. И имен-

474. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. С. 538.

475. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? С. 542.

но этот опасный вирус Солженицын предлагает запустить. Ведь империя – это не просто амбиция, империя – это высшая форма государства, призванная объединить разные народы во имя общей миссии, форма государства, стоящая над национализмами и семейно-клановой кровяной системой государства. Империя – это чисто-идеальное государство, а не кровно-земное, как государство-нация. Собственно, кровно-земной проект государства осуществляли фашисты с их лозунгом «крови и почвы». Империя – это крайняя противоположность фашизма, с одной стороны, – и маленького национализма мелких неисторических наций – с другой.

Но этого «пророк» не понимает, он говорит: откажитесь от амбиций, и будете жить как в Японии! Да неужели нам и впрямь можно поставить Японию в пример? Кто из русских согласился бы стать японцем, норвежцем, прибалтом, чехом? А ведь там везде жить комфортно, уютно, и «сбережение народа» будет...

Именно это подчеркивал в свое время богослов Александр Шмеман, когда упрекал Солженицына в любви к старообрядчеству. Дело в том, что спор между Никоном и Аввакумом – это и есть спор о том, быть России великой империей – или быть маленькой фольклорной страной. Никон хотел, чтобы наше христианство не отделяло нас от остального мира, а объединяло нас с ним, хотел, чтобы Россия стала лидером всего христианского мира, а не исповедовала какое-то особое христианство, которым можно гордиться наряду с другими непохожими ни на кого феноменами: балалайками, матрешками, самоварами, лаптями...

Наш народ, в отличие от мелких народов и народиков, не ставит своей целью «сбережение», такая цель достойна мокриц и тараканов, которые настолько хорошо приспособлены к сбережению, что выживают даже при ядерной катастрофе. Наш народ привык жертвовать собой и рисковать в имя великого, и именно поэтому мы, а не японцы, были первыми в космосе, мы, а не прибалты, уничтожили Гитлера, под которого легла вся Европа в порыве «самосбережения», именно мы, а не норвежцы, победили Наполеона, именно мы, а не чехи, покорили и освоили шестую часть Земли, чего не смог сделать ни один народ в мире.

Не будем приводить тут экономические аргументы в пользу империи. Евросоюз объединяется недаром – сегодня экономика, чей рынок менее 500 млн человек, обречен на отставание и низший уровень жизни в сравнении с другими такими же экономиками. СССР с Восточной Европой имел шансы стать такой мировой конкурентоспособной агломерацией, сейчас распавшееся пространство пользуют чужие транснациональные корпорации.

Но, однако, вернемся к статье Солженицына. Помимо роспуска империи он дает в ней еще несколько чудесных советов: уничтожить вооружение и военный флот, который нам не нужен, отказаться от финансирования космоса, который «пождет».

Надо сказать, что в своем космоборчестве Солженицын был не одинок. Советская космическая программа в те годы воспринималась либеральной общественностью как один из инструментов коммунистической пропаганды и пережиток холодной войны. К «антикосмической» кампании присоединились известные политики и деятели культуры.

Так, в своей предвыборной программе, выдвигаясь в 1989 году в народные депутаты СССР, Борис Ельцин предлагал «отложить на 5-7 лет реализацию ряда космических программ, таким образом за 2-3 года существенно повысить жизненный уровень советских людей».

На «неподъемности» для страны космических программ настаивал и писатель Чингиз Айтматов: «Смею считать, что необходимо крепко подумать об астрономических расходах на космические исследования. Стоило бы на некоторое время воздержаться от экономически непосильной пока задачи интенсивного освоения космоса. То же самое можно сказать об одной из многомиллиардных программ – челночном космолане “Буран”. Приоритетность данной программы отнюдь не поддерживается широким общественным мнением».

Ему вторили Даниил Гранин («Не подошла ли нужда пересмотреть дорогие программы – космическую, строительство весьма сомнительных, не-престижных сооружений, вроде ленинградской дамбы? Все это может подождать») и Виктор Розов («На кой черт летит куда-то во Вселенную эта гигантская штука. “Фобос”, кажется? А за ней еще одна! Ведь стоят-то они, наверное, миллиарды рублей!»)⁴⁷⁶

Секретность, традиционно окутывавшая космическую деятельность СССР, не позволяла хулителям советского космоса объективно оценить ее масштабы. Даже на пике своего финансирования со-

---

476. Хозин Г.С., Лесков Л.В. и др. Космос и человек. Исследование перспектив российской космонавтики с учетом геополитической обстановки потребностей регионов России в результатах космической деятельности. Труды московского космического клуба. Вып. 2. М.: Московский космический клуб, ЦНИИМАШ, 1995. С. 23.

ветская космическая программа обходилась СССР в сумму менее 1% его ВВП. Однако вряд ли этот факт, будь он известен авторам вышеприведенных суждений, заставил бы их снизить градус критики советского строя.

Между тем, тогда, в конце 1980 – начале 1990-х годов в области освоения космоса мы опережали американцев по большинству направлений, обладали самыми совершенными ракетами-носителями, имели самую многочисленную спутниковую группировку на орбите и были готовы к наращиванию своего преимущества в сфере спутниковых коммуникаций.

Но «подождать – так подождать». Новым властям космос оказался не нужен, и развитие отрасли было фактически заморожено на десять долгих лет. Оставшись без «лишней» земли, страна чуть не лишилась и неба!

Хорошо хоть «пророк» не посоветовал нам и от компьютерной революции отказаться, а то тоже могло бы «подождать».

Сейчас мы много говорим об инновациях и хайтеке, но именно эти области, а они были тогда сосредоточены в оборонке и в космосе – именно эти локомотивы экономики Солженицын и предложил для начала пустить под откос для «экономии денег».

Мы уж не говорим о «психологической пользе» вооружений. Вот США – когда-то зарабатывала эта страна своим трудом, но сегодня она вся в долгах, и живет только за счет того, что весь мир так или иначе платит ей дань. И, казалось бы, скинуть это ярмо с шеи всему миру, а – нет, именно вооруженные силы и только вооруженные силы и обеспечивают

Америке ее нынешнее положение. Всех бунтарей ждет судьба Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии... Американцы всегда знали, что добрым словом и пистолетом можно добиться больше, чем одним только добрым словом – нам же Солженицын предлагает пользоваться только добрым словом...

Еще одно «посильное соображение» светоносца касается многомиллионной партийно-государственной номенклатуры, которая «десятилетиями бессовестно жила за счет народа – и хотела б и дальше так»⁴⁷⁷. Эта номенклатура «не способна добровольно отказаться ни от какой из захваченных привилегий»⁴⁷⁸, а стало быть – «кончаем кормить! Пусть идут на полезный труд, и сколько выручат. При новом порядке жизни четыре пятых министерств и комитетов тоже не станут»⁴⁷⁹.

Какие были привилегии в конце 1980-х? Спецпайки? Черные «Волги»? Не видел он нынешних привилегий... Разгон государства, невмешательство бюрократов в экономику, везде частный интерес, невидимая рука рынка – весь этот ряд советов мы тоже опробовали в 1990-е. Впрочем, Солженицын понимает, что все может кончиться анархией, и даже ратует за некую сильную власть, но вот как она может сохраниться в условиях предлагаемых им реформ всего и вся, он не говорит. Стабильная власть – это ведь не нечто, что можно потрогать руками, это, прежде всего, символ, символ, который у нас в голове, нечто, чему мы все решили подчиняться для порядка, может быть даже для кого-то нечто святое, но, во всяком случае – нечто стабиль-

---

477. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? С. 565.

478. Там же.

479. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? С. 552.

ное. И вот эту-то стабильность Солженицын и хочет разрушить всеобщей заменой всех руководящих кадров, всеобщим покаянием за некое прошлое, массой политических и экономических реформ, многие из которых есть простая смена названия.

Не приводим опять экономических аргументов, но известно, что какой-нибудь паровоз в начале XX века состоял из трехсот деталей, а нынешний мобильник китайского производства состоит из тысяч. И делаются нынешние товары в разных концах света или на разных заводах, тогда как раньше был полный цикл на одном предприятии. За сто лет изменилась экономика и разделение труда. И СССР страдал не от избытка менеджеров, а от их огромного недостатка, наши транзакционные издержки постоянно вносили сбои в плановую систему. Дефицит и огромные потери были не из-за слабого производства, которое больше, чем сейчас в России, а полки магазинов при этом не пусты, а из-за дефектов системы распределения, доставки, торговли и массы всяческих транзакционных недостатков. Но именно квалифицированных управленцев, которых экономике и так не хватало, Солженицын и хочет отправить на тяжелые работы. Так ведь почти и сделали, и в отсутствие государства разграбили народное хозяйство целыми отраслями!

Поговорим про земельную реформу. Вот выступает он за частную собственность на землю и за фермерство... Ну это же по третьему кругу обсужденный вопрос, наши предки были не дураки, и знали, как в наших условиях хозяйствовать на земле, они поэтому и вели хозяйство общиной,

миром. Столыпинская реформа поэтому и прошла неудачно, что хуторское хозяйство для наших условий ограничено годно. Потому и объединили всех опять в общины при Сталине, что так было эффективнее, чем когда каждый просто работает на свой двор и не работает на город и на рынок, которому нужен хлеб.

Именно потому, что коллективная форма эффективнее – и высвободились рабочие руки нужные для индустриализации.

Да, Солженицын прав, хлеб сеять разучились, но именно поэтому утопично всех горожан сейчас привлечь на землю простой раздачей этой земли – не поедут. А развал колхозов по его совету и пропаганда фермерства привела только к 60%-й зависимости нашей страны от импорта продовольствия за эти годы. Так что и здесь советы «пророка» – пальцем в небо!

Что еще? Выборность «снизу доверху»?

Это уже при Горбачеве начали практиковать: выбирали и директоров, и ректоров, и бригадиров, и редакторов... Когда навывирали – в ужас пришли, кого выбрали – всех мерзавцев и краснобаев, а профессионалы стали не у дел, так что даже Ельцин и другие демократы эти процессы тихонечко свернули. Что касается выборов в поселениях и «земствах», как любит писать Солженицын, то вот ввели у нас закон о местном самоуправлении и местных поселениях, так ведь попали в ту же ловушку, что с дореволюционными всеобщими выборами. Как известно, тогда крестьяне в большинстве своем отрядили своими представителями тех, «у кого семьи нет и кому делать нечего», вплоть до уголовников,

так ведь и сейчас на выборах в сельских поселениях кто только не побеждает: и студенты-недоучки, и судимые, и алкоголики...

Выступает Солженицын и против партийных списков, и это тоже нами опробовано в 1990-е, привела эта мера не к мифической ответственности перед народом, а к полной безответственности, поэтому сейчас вернулись к партийным спискам, чтобы у депутатов появилась ответственность хотя бы перед партией...

Вообще, та часть работы «Как нам обустроить Россию», где про демократию (которую он, безусловно, признает лучшей системой, потому что она лучшее из зол), наиболее запутана. Он рассуждает про опыт разных стран, про демократические институты, цитирует не читанных им Монтескьё и Аристотеля... По уровню все это напоминает... как бы вам сказать.... Зайдите в Яндекс, найдите на любом из сайтов студенческих шпаргалок реферат с названием типа «Теории демократического устройства в политической философии Нового времени». Вот такой вот реферат, а точнее отрывки из такого реферата студента-третьекурсника, и представляет из себя теоретическая часть солженицынской программы. Во всей этой главной политической работе «пророка» нет ни одной по настоящему интересной и оригинальной идеи, не читанной нами прежде у русских классиков аж позапрошлого века или в современных учебниках по политологии. Всё – либо банальности, либо, как показала практика, – совершенно вредные предложения, которые привели к катастрофе.

ПРОРОК – В ОТЕЧЕСТВЕ

Брошюру Солженицына с двумя сотнями советов по обустройству России по цене три копейки за экземпляр продавали во всех газетных киосках от Москвы до самой глухой глубинки, и большинство советских граждан, не знакомых с самиздатом, получили свое первое впечатление о писателе именно по этой статье. По словам Роя Медведева, «впечатление это было не очень благоприятным, ... вызывал возражение сам тон его критики – грубой, предельно резкой, безапелляционной, размашистой и полной преувеличений»⁴⁸⁰.

Не спешили воспользоваться высокомудрыми советами Солженицына и новые «вожди Советского Союза». Осень 1990 года Верховный Совет СССР провел в обсуждении целого множества проектов экономических и политических реформ, в т.ч. «500 дней» Явлинского. «Посильные соображения» Солженицына были, однако, проигнорированы. «Предложения великого писателя неприемлемы, –

---

480. Медведев Р.А. Солженицын и Сахаров. М.: Права человека, 2002. С. 82-83.

заявил на одном из пленарных заседаний Михаил Горбачев. – Он весь в прошлом, прошлая Россия, монархия. ... Солженицын не должен ходить по этой земле с ножницами и плугом и не должен пытаться разделить ее и размежевать»⁴⁸¹.

Позднее, уже в Москве, выступая по телевизору, Солженицын искренне недоумевал, почему его гениальный план, опубликованный сумасшедшим тиражом, не был принят во внимание руководством страны?

«Разводя руками, он воскликнул:

– Сорок миллионов! Сорок миллионов тираж! И – ничего!.. Все заболтал Горбачев!

Не обида звучала в этом его возгласе. И не возмущение, не раздражение, не гнев, а – искреннее и даже какое-то наивное недоумение.

Как могло такое случиться? Ведь все же было расписано – подробно, по пунктам и параграфам. Цели ясны, задачи определены. Только одно оставалось теперь – принять этот его план к исполнению и начать действовать.

– И – ничего! Все заболтал Горбачев!»⁴⁸²

Однако один из вопросов, поставленных в солженицынской статье, обсуждался широко. Это был вопрос о будущей судьбе СССР. Жить в прежних границах великой стране оставалось недолго.

К середине 1990 года почти все республики СССР провозгласили государственный суверенитет. В апреле 1991 года Горбачевым были подписаны соглашения с руководителями 10 союзных республик о совместной подготовке проекта нового

481. Мороз О.П. Так кто же развалил Союз? М.: Агентство печати «Столица», 2011.

482. Сарнов Б. Феномен Солженицына. С. 384-385.

Союзного договора, призванного сохранить Советский Союз. Подписание Договора было назначено на 20 августа, но произойти этому было не суждено.

19 августа 1991 года председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов выпускает указ о низложении (по состоянию здоровья) Михаила Горбачева и введении в стране чрезвычайного положения. ГКЧП под руководством Геннадия Янаева стремится предотвратить развал Союза, предусмотримый договором о Союзе суверенных государств, укротить идеологический хаос, приостановив деятельность всех политических партий, заморозить и снизить цены и бесплатно раздать земельные участки по 15 соток. Горбачев был изолирован на даче в Форосе.

Что делали в эти дни друзья Солженицына? Ростропович, все бросив, написав только завещание, прилетел защищать Белый дом. Известна его фотография тех дней: пожилой интеллигентик в очечках с автоматом Калашникова. Солженицын же все это время сидел за забором в Кавендише, все выжидал, чья возьмет, наблюдал – как Пастер за микробами.

«Ну, хоть бы слово сказал, – укоряет Исаича писатель Григорий Бакланов. – Он тогда был подобен легенде, слово его тогда много значило. Нет, постыдно отмолчался, живя в Америке. А решалась судьба России. Но он был занят куда более важным делом: “Красное колесо” писал»⁴⁸³.

Попытка насадить народу свою волю вооруженным путем закончилась поражением уже на третий

---

483. Бакланов Г. Кумир...

день путча. Столкновение с войсками унесло жизни трех совсем молодых людей. Вернувшись в Москву после провала путча, Горбачев сложил с себя полномочия Генерального секретаря ЦК КПСС.

Вскоре после подавления путча Солженицын направил Ельцину поздравительное письмо, в котором писал: «Горжусь, что русские люди нашли в себе силу отбросить самый *вцепчивый* и долголетний тоталитарный режим на Земле. Только теперь, а не шесть лет назад, начинается подлинное освобождение и нашего народа и, по быстрому раскату, – окраинных республик»⁴⁸⁴. Так Александр Исаевич приветствовал не только начавшийся переход власти к группировке Ельцина, но и первые симптомы грядущего распада СССР.

Не вернулся Солженицын и после полученной 17 сентября 1991 года телеграммы от генпрокурора СССР Николая Трубина, в которой сообщалось о закрытии уголовного дела, возбужденного в отношении писателя в 1974 году. Отделался формальным ответом – вернусь, де, когда закончу свои «ранее начатые литературные произведения»⁴⁸⁵.

Как и раньше, Солженицын намеревался отсидеться в сторонке. Страна погружалась в пучину кризиса, а он спокойно наблюдал из своего теплового вермонтского поместья за тем, как сбываются его мечты.

Как 6 ноября 1991 года была запрещена ненавистная ему Коммунистическая партия.

Как 8 декабря 1991 года был распущен ненавистный ему Советский Союз, а несколькими дня-

484. Цит. по: Медведев Р.А. Солженицын и Сахаров. С. 118.

485. Прокуратура признает общепризнанное // Известия. 1991. 19 сентября.

ми позже американский президент поздравил свой народ с победой в «холодной войне».

Как 9 октября 1993 года окончательно ушла в прошлое эпоха советской власти: после трагических событий в Москве президент Ельцин прекратил полномочия Верховного Совета, а с ним и Советов всех уровней.

Коммунистический колосс был повержен, пришла пора с триумфом вернуться на родину. Это событие должно было занять первые полосы всех мировых газет, а потому было продумано до мелочей. Высланному на Запад Солженицыну полагалось возвращаться с востока, как бы обогнув планету. Пунктом же высадки был символически выбран Магадан – «столица Колымского края». Именно здесь 27 мая 1994 года сел вылетевший из Анкориджа самолет с Солженицыным и с членами его семьи. Привет, немытая Россия!

Следующим пунктом стал Владивосток, отсюда началось двухмесячное путешествие по России на арендованном телекорпорацией ВВС спецпоезде с ресторанами, салонами, многочисленной службой и свитой из журналистов и операторов. На каждой станции Солженицын произносил речь перед своим сбежавшимся к поезду добрым народом, что подробно фиксировалось журналистами.

Возвращение Солженицына в Россию было оставлено как величайшее историческое событие. Поездки первого космонавта Юрия Гагарина, пожалуй, и то были более скромны. 21 июля долгожданный спецпоезд, наконец, прибыл в Москву. На Ярославском вокзале его встречало 20 тысяч человек во главе с мэром города Юрием Лужковым.

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ, АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ!

Милые соотечественники! В этот день, 10 октября 1990 года, исполнилось 50 лет со дня рождения Александра Исаевича Солженицына. Это был день, когда в мире впервые появился Солженицын. Солженицын родился в семье интеллигентов в Москве. Он окончил Московский университет, работал в различных учреждениях, был участником Великой Отечественной войны. После войны он был арестован по обвинению в антисоветской агитации и отправлен в лагеря. Там он написал свои знаменитые произведения: «Архипелаг ГУЛАГ», «Красное Колесо», «В круге первом», «Судьба человека». Его произведения были запрещены в СССР, но они получили мировую известность. Солженицын эмигрировал в Западную Европу, где он продолжал писать и публиковать свои произведения. Он был лауреатом Нобелевской премии по литературе в 1970 году. В 1990 году он вернулся в Россию. Его возвращение стало событием, которое привлекло внимание всего мира к судьбе Солженицына и к положению свободы слова в России.

ВОЗДУШНЫЕ ТЕРРОРИСТЫ ЗАДЕРЖАНЫ, ЗАЛОЖНИКИ ОСВОБОЖДЕНЫ

В ночь с 10 на 11 октября совершено было покушение на самолёт, летевший из Москвы в Ленинград. По сообщению источников «Вестей», террористы захватили в заложники 10 человек. Похищенные пассажиры были освобождены в аэропорту Ленинграда. По сообщению источников «Вестей», террористы захватили в заложники 10 человек. Похищенные пассажиры были освобождены в аэропорту Ленинграда. По сообщению источников «Вестей», террористы захватили в заложники 10 человек. Похищенные пассажиры были освобождены в аэропорту Ленинграда.

РОССИЙСКАЯ МАФИЯ ТРЕВОЖИТ АМЕРИКУ

Прибытие Солженицына в Россию после 20-летнего отсутствия стало центральной темой для всех российских газет

Всемирное шоу состоялось. Казалось бы, то ли еще будет!.. Однако уже 28 октября, выступая в Государственной Думе, Солженицын видел перед собой полупустой зал: немногие присутствующие депутаты, непочтительно шептались, хихикали, бродили меж рядов и поворачивались к Пророку задом. И – ни одного вопроса. Политобозреватель журнала «Коммунист» Игорь Дедков вспоминал: «Могли бы ведь и встать, подумал я, когда Солженицын поднимался на трибуну Государственной думы... Могли бы и встретить его приветственной речью председателя Думы. Встречали жидки-

ми аплодисментами, слушали с кислыми лицами и проводили теми же жидкими хлопками»⁴⁸⁶.

Властителем дум Солженицыну стать уже не удастся, несмотря на то, что имел для этого все возможности: в апреле 1995 года ему было предоставлено время на телеканале ОРТ для собственной передачи, чтобы он спокойно мог проповедовать народу и поучать власть. Передача «Встречи с Солженицыным» оказалась злой и скучной, и через полгода ее закрыли.

**Президент Владимир Путин
в гостях у Солженицына в Троице-Лыково.
20 сентября 2000 г.
Фото ИТАР ТАСС**

Зато писателю было предоставлено целое имение – бывшая дача Кагановича в Троице-Лыкове (этот курортный поселок находится в черте Мо-

---

486. Дедков И. Как трудно даются иные дни // Новый мир. 1996. №4. С. 173.

сквы, напротив знаменитого Серебряного Бора). В свое новое *укровище* Солженицын выписал из вермонтского поместья свой громадный письменный стол, который возил с собой из квартиры в квартиру еще до высылки из Союза, а потом взял в собой в эмиграцию. Теперь его дом был здесь – на 14 последних лет его чрезвычайно долгой жизни.

Его советы по-прежнему пропускали мимо ушей, но само его присутствие в стране как-то успокаивало: пускай в России не все в порядке, спивается население и разваливаются заводы, зато у нас живет и работает живой классик, великий гуманист и христианский подвижник Александр Солженицын.

В СМУТНОСТИ ДУХА

По утверждению Синявского, в русском зарубежье бойко продавались иконки Спаса и Пресвятой Богородицы с автографом Солженицына: «На хребте славы земной» (это нобелиат о себе так решился)⁴⁸⁷. По всему выходило, что эти иконки в оборот запустил сам Солженицын. Такое уже бывало.

В 1960-х среди диссидентов широкое распространение получила «Молитва» Солженицына, которую он написал сразу после шумного успеха «Иван Денисовича». Она начиналась словами: «Как легко мне жить с Тобой, Господи! Как легко мне верить в Тебя!» Далее он с благодарностью повествовал о том, как руководил им Господь в прошлом, и выражал надежду, что и дальше Он пребудет его вожатым в жизни⁴⁸⁸.

В 1976 году в интервью японской телекомпании NET-ТОКЮО Александр Исаевич расскажет, как предназначавшаяся для личного использования

---

487. Синявский А. Открытое письмо А. Солженицыну. С. 160-161.

488. Эриксон Э. Мировоззрение Солженицына // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974-2008. М.: Русский путь, 2010. С. 50.

«Молитва» пошла в народ: «Она случайно вырвалась, я не собирался ее печатать. Я как раз дал той женщине, у которой потом “Архипелаг” нашли, дал просто перепечатать. Она взяла, начала показывать, и ушло из рук, не остановить. Я не собирался пускать, это было – личное»⁴⁸⁹.

Однако все говорило о том, что писатель допустил эту утечку сознательно, чтобы покрепче связать себя в народном сознании с темой религиозности, представить себя человеком высокодуховным, истово верующим.

Религиозность, как борода и ватник – фирменный знак Солженицына. Чуть ли не в каждом зарубежном интервью он рассказывал, насколько труден и тернист был его путь к Богу. О том, как, *двуправдый*, делил он поначалу в своем сердце веру в Бога и верность Ленину. Как, начитавшись в институте Маркса-Энгельса, отвернулся от икон и охладел к церкви. И лишь повоевав и посидев, он вернулся к своему исходному состоянию, обогащенный новым жизненным опытом. «Я вернулся бы к вере во всяком случае – за пределами лагеря или в лагере, – утверждал Солженицын. – Просто лагерный опыт открыл мне глаза раньше. Лагерь самым радикальным образом обезглавливает коммунизм. Идеология там полностью исчезает. Остается, во-первых, борьба за жизнь, затем открывается смысл жизни, а затем Бог»⁴⁹⁰.

Свою религиозность Солженицын подчеркивал и к случаю и без случая. Вся хронология «Теленке»

---

489. Солженицын А.И. Телеинтервью японской компании NET-ТОКЮ, 5 марта 1976 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. С. 375.

490. Солженицын А.И. Интервью журналу «Ле Пуэн», декабрь 1975 г. С. 322-323.

выстраивается на православных праздниках: «Шла Вербная неделя», «под православную Троицу», «в Духов день», «на Успенье», «на Рождество», «тихая теплая Пасха» и так далее. Комментируя эту особенность литературных воспоминаний Солженицына, Владимир Бушин пишет: «Ах, как это похоже на нынешних новых русских, надевающих **нагельный крест поверх дубленок**»⁴⁹¹.

В годы своего самопиара, перед высылкой, когда Солженицын тачал открытые письма по всем адресам, он не постеснялся написать открытое письмо и Патриарху, и даже поучил Святейшего уму-разуму, слегка пообвинял, посудил чуть-чуть, по плечу похлопал – как равного.

Уже в эмиграции, Солженицын, неистовствуя, тряся бородой и меча из глаз молнии, обвинял Запад в том, что он утратил Бога. «Если бы от меня потребовали назвать кратко главную черту всего XX века, то и тут я не найду ничего точнее и содержательнее, чем: “Люди – забыли – Бога”»⁴⁹², – приглашал он в лондонской лекции по случаю получения им престижной Темплтоновской премии.

Стратегема № 14

Объявите себя приверженцем традиционных ценностей, глубоко религиозным человеком, средоточием духовности. Подчеркивайте это при каждом удобном случае.

491. Бушин В. Гении и прохиндеи. С. 105.

492. Солженицын А.И. Темплтоновская лекция, 10 мая 1983 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. С. 447.

Но не была ли религиозность Солженицына таким же фарсом с переодеванием, как и его показная нищета, языковое расширение и фальшивый традиционализм? Давайте разберемся.

Начнем с того, что верующий воцерковленный человек узнается по языку, дело в том, что он каждый день читает молитвенное правило, Библию, жития святых, псалмы, раз в неделю на службах слышит много молитв, акафистов и прочего. Естественно, хочет он того или нет, он вплетает в свой язык характерные обороты, сыплет цитатами и аллюзиями. Вот, даже Сталин во всевозможных речах на партийных съездах и то постоянно вплетал характерные обороты то из Ветхого Завета, то из посланий Апостолов. Оно и понятно, человек воспитывался в религиозной семье и учился в семинарии, а это никакой идеологией не выбьешь.

Солженицын рос в стране воинствующего атеизма, его никогда никто из близких не видел ни за молитвой, ни в церкви, ни за чтением Евангелия, поэтому в его книгах начисто отсутствуют и соответствующие аллюзии. Практически не дает он и точных цитат, пересказывая по памяти и весьма приблизительно, от чего зачастую грубейшим образом искажается смысл. Для воцерковленного человека это, конечно, совершенно невозможно.

Да что там цитаты! Троице-Сергиеву Лавру, это святое для каждого православного место, он называет «Троицко-Сергиевской лаврой»! Вы можете себе представить профессионального физика, который фамилию Эйнштейна пишет как Витгенштейн, Крузенштерн или Эйзенштейн? Нет? Вот так же

невозможен и православный человек, который пишет «Троицко-Сергиевская лавра».

Не имел Солженицын и никакого представления о православных традициях. Ну, яйца к Пасхе он, возможно, и красил, но дальше этого его эрудиция не простиралась.

«Если бы он хоть чуточку был верующим христианином, как пытается сам себя убедить, он хотя бы немного уважал церковные каноны, – утверждает Евгений Гнедин⁴⁹³. – А своими действиями он доказывает нечто противоположное. Одну из поклонниц своего литературного таланта он обратил в православную веру⁴⁹⁴. Она согласилась креститься, а он, в соответствии с христианским обычаем, стал ее крестным отцом. Через какое-то время он решил на ней жениться. По церковным канонам это запрещается: крестный отец не может вступить в брак со своей крестницей, так как с точки зрения церкви это кровосмешение. Но что законы церкви для Солженицына! Церковные правила запрещают? Кому? Солженицыну? Какие правила и что они могут ему запретить?..

– Я протестую!.. Я требую!.. Где свобода личности?..

И литературный самодержец Солженицын потребовал от православной церкви повенчать его со своей крестницей Наталией Светловой. Ну и повенчали»⁴⁹⁵.

---

493. Евгений Гнедин – сын известного деятеля российской и германской социал-демократии Александра Гельфанда (Парвуса), дипломат, бывший зек, близкий друг Льва Копелева.

494. Речь идет о Наталии Дмитриевне Светловой, второй жене Солженицына, еврейского происхождения.

495. Цит. по: Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. С. 179.

Пожалуй, одним из самых авторитетных православных богословов XX века был Александр Шмеман, не найти ни одного православного интеллектуала, кто бы не уважал этого человека. Потомок эмигрантов и антикоммунист, поначалу он восхищался Солженицыным, но более близкое знакомство заставило его изменить свое мнение. Вот как он описывает в своем дневнике одну из встреч:

«Понедельник, 12 мая 1975 ...

Итак, снова четыре дня с Солженицыным, вдвоем, в отрыве от людей. Постепенно мысли и впечатления приходят в порядок. ... Какой же все-таки остается “образ” от этих четырех дней, в которые мы расставались только на несколько часов сна? Великий человек? В одержимости своим призванием, в полной с ним слитности – несомненно... Но (вот начинается “но”) – за эти дни меня поразили:

1) Некий примитивизм сознания. Это касается одинаково людей, событий, вида на природу и т.д. В сущности он не чувствует никаких оттенков, никакой ни в чем сложности.

2) Непонимание людей и, может быть, даже нежелание вдумываться, вживаться в них. Распределение их по готовым категориям, утилитаризм в подходе к ним.

3) Отсутствие мягкости, жалости, терпения. Напротив, первый подход: недоверие, подозрительность, истолкование *in malam partem*.

4) Невероятная самоуверенность, непогрешимость.

5) Невероятная скрытность.

Я мог бы продолжать, но не буду. ...

В эти дни с ним у меня все время было чувство, что я “старший”, имею дело с ребенком, капризным и даже избалованным, которому все равно “всего не объяснишь” и потому лучше уступить (“ты старший, ты уступи...”) во имя мира, согласия и с надеждой – “подрастет – поймет...”. Чувство, что я – ученик старшего класса, имеющий дело с учеником младшего класса, для которого нужно все упрощать, с которым нужно говорить “на его уровне”. ...

Из запомнившихся разговоров:

– нелюбовь к Тургеневу; ...

– “я сейчас Америку наказываю...”;

– Израиль сейчас наш союзник. Насколько нужно бороться с “еврейским” духом нашей интеллигенции, настолько же важно поддержать Израиль; ...

– “платоновщина” (синоним неправильного, ложного подхода к России – Андрей Платонов);

– про отдельных людей в России: “Это мои, те не мои...”;

– в свободной России я буду в стороне от дел, но руководить ими “направляющими статьями”. В этом – то есть в призвании руководить и направлять – ни малейшего сомнения;

– семья, дети не должны мешать. “Что это вы все женам звоните?”;

– с эмиграцией – каши не сварить;

– Николай Второй – преступник (отречение).

“Ну да, его расстреляли, но разве его одного расстреляли?” ...

Суббота, 31 мая 1975 ...

Цель, задача Солженицына, по его словам, – восстановить историческую память русского народа.

Но, парадоксальным образом, эта историческая задача (“Хочу, – говорит он мне в Париже, – написать русскую революцию так, как описал 12-й год Толстой, чтоб моя правда о ней была окончательной...”) исходит из какого-то радикального антиисторизма и также упирается в него. Символ здесь: влюбленность – иначе не назовешь – в старообрядчество. При этом теоретическая суть спора между старообрядцами и Никоном его не занимает. Старообрядчество есть одновременно и символ, и воплощение “русскости” в ее, как раз, неизменности. Пафос старообрядчества – в отрицании перемены, то есть “истории”, и именно этот пафос и пленяет Солженицына. Нравственное содержание, ценность, критерий этой “русскости” Солженицына не интересует. Для него важным и решающим оказывается то, что, начиная с Петра, нарастает в России измена русскости – достигающая своего апогея в большевизме. Спасение России – в возврате к русскости, ради чего нужно и отгородиться от Запада, и отречься от “имперскости” русской истории и русской культуры, от “нам внятно все...”. В чем же тут соблазн? В том, что С. совсем не ощущает старообрядчества как тупика и кризиса русского сознания, как национального соблазна, а Петра, скажем, как – при всех его трагических недостатках – спасителя России от этого тупика. “Русскость” как самозамыкание в жизни только собою и своим – то есть, в итоге, самоудушение...

Солженицыну, как Ленину, нужна, в сущности, партия, то есть коллектив, безоговорочно подчиненный его руководству и лично ему лояльный... Ленин всю жизнь “рвет связи”, лишь бы не быть

отождествленным с чем-либо чуждым его цели и его средствам. Лояльность достигается устрашением, опасностью быть отлученным от “дела” и его вождя. И это не “личное”, не для себя, только для дела, только для абсолютной истины цели. ...

Пятница, 17 октября 1975

Читаю с захватывающим интересом солженицынского “Ленина в Цюрихе”... Но тут же почти с каким-то мистическим ужасом вспоминаю слова Солженицына – мне, в прошлом году, в Цюрихе – о том, что он, Солженицын, в романе – не только Саня, не только Воротынцев, но прежде всего – сам Ленин. Это описание изнутри потому так потрясающе живо, что это “изнутри” – самого Солженицына. Читая, отмечаю карандашом места – об отношении к людям (и как они должны выпадать из жизни, когда исполнили свою функцию), о времени, о целеустремленности и буквально ахаю... Эта книга написана “близнецом”, и написана с каким-то трагическим восхищением. Одиночество и “ярость” Ленина. Одиночество и “ярость” Солженицына. Борьба как содержание – единственное! – всей жизни. Безостановочное обращение к врагу. Безбытность. Порабощенность своей судьбой, своим делом. Подчиненность тактики – стратегии. Тональность души... Повторяю – страшно»⁴⁹⁶.

Человек проникательный, тонко мыслящий, Александр Шмеман ставит Солженицыну неутешительный диагноз: перед нами – глупый избалованный ребенок, нарцисс с манией величия, рассматривающий других людей как пушечное мясо для своего догматически и схематично понятого дела.

---

496. Шмеман А., прот. Дневники. 1973-1983. М.: Русский путь, 2005. С. 183-185; 192-193; 215.

Подобный же диагноз ставит своему бывшему другу и профессор Кирилл Симонян, и диагноз этот – уже медицинский: «Я смотрю на Солженицына с точки зрения своей профессии, глазами врача. Как индивидуум, Солженицын наделен комплексом неполноценности, который, нуждаясь в порядке, выливается в агрессивность, а та в свою очередь порождает манию величия и честолюбие»⁴⁹⁷.

Может ли человек злобный, самовлюбленный и высокомерный быть настоящим христианином? Писатель Владимир Лакшин, хорошо знавший Александра Исаевича по «Новому миру», уверен, что нет: «В христианство его я не верю, потому что нельзя быть христианином с такой мизантропической склонностью ума и таким самообожанием»⁴⁹⁸.

Как согласуется с христовыми заповедями его бешеная ненависть к людям? Для христианина смерть любого человека – трагедия. Но посмотрите, как радуется Солженицын, узнав о смерти Сталина, какие слова он находит, описать свои чувства: «Умер, азиатский диктатор! Скорей же, злодей!»⁴⁹⁹; «Остановилась медленная старая грязная кровь в жилах низкорослой рябой личности»⁵⁰⁰.

Потом расстреливают Лаврентия Берия, и Солженицын вновь ликует: «С жестяным грохотом, как пустое ведро, покатила кубарем еще одна личность – с самой верхушки лестницы да в самое навозное болото»⁵⁰¹.

497. Цит. по: Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. С. 29.

498. Цит. по: Бушин В.С. Александр Солженицын: Гений первого плевка. С. 61.

499. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 283.

500. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 190.

501. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 7. С. 190.

А как бы он сам расправился со Сталиным, попадись он ему при случае, какой бы казни подверг? Рассказывая очередную страшилку о расстреле шести крестьян за то, что они накопили на колхозном лугу немного сена, Солженицын признается: «Если бы Сталин никогда и никого больше не убил, – то только за этих шестерых царскосельских мужиков я бы считал его достойным четвертования»⁵⁰².

Рука бы не дрогнула – Солженицын без обвиняков характеризует себя в «Архипелаге»: «**вполне подготовленный палач**». И рассуждает: «может быть у Берии я вырос бы как раз на месте, ... да ведь это только сложилось так, что палачами были не мы, а они»⁵⁰³.

Требует наказать Солженицын и **четверть миллиона человек**, так или иначе причастных к Гулагу – да еще с оговоркой, «может быть, и хватило бы?» «Всех разыскать и всех судить!»⁵⁰⁴ – кричит Великий Гуманист. Откуда же цифра такая дикая – четверть миллиона? Оказывается, Солженицын с удивительным цинизмом произвел ее от 86 000 нацистов, осужденных в ФРГ к 1966 году (у нас надо втрое больше!), и, таким образом, требует за каждого эсэсовца троих советских людей.

А вот Солженицын делится хорошими известиями в «Теленке»: «Две – но не малых – политических радости посетили меня в конце сентября в мое гощение у Чуковского... Одна была поражение индонезийского переворота, вторая – поражение шелепинской затеи»⁵⁰⁵. Шут с ним, с Шелепиным,

---

502. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 312.

503. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 124.

504. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. МСС. Т. 5. С. 130.

505. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С. 85.

но что касается Индонезии, то речь здесь идет о попытке государственного переворота 30 сентября 1965 года. Подавив восстание, генерал Сухарто обвинил во всем коммунистов и начал массовый террор, унесший жизни **700 тысяч индонезийцев**. Вот такая-то «политическая радость» была у человека, мнящего себя христианином!..

«Солженицын не понял и не хотел понять, что зло преодолевается не злобствующим, а противоположным ему духом добра, – отмечал отец Всеволод Шпиллер, настоятель Николо-Кузнецкой церкви в Москве. – Солженицыну не хотелось понять, что зло и ложь обличаются правдой, а противостоящая им правда открывается человеку только в любви, а не в злобе, которая заполнила душу и разум Солженицына...

Между тем именно злоба и только злоба была во всем, с чем выступал Солженицын, с маниакальной уверенностью в собственной непогрешимости в чем бы то ни было. Его выступления просто поражают полным отсутствием любви к кому-нибудь и к чему-нибудь, и поражают не одних христиан. И отсутствие любви (а вместо нее злобу) Солженицын прикрывает мудреными словесными узорами, стараясь превратить свою злобу в какую-то надуманную “зрячую любовь”. Восприятие же мира, человека, жизни сквозь призму бушующей злобы с христианством несовместимо.

В духе злобы правда не утверждается, а гибнет. Сначала становится полуправдой, потом и неправдой. И служит в мире уже не добру, а злу. Такой писатель христианским быть не может»⁵⁰⁶.

---

506. Шпиллер В. Злой не имеет будущности // В круге последнем. С. 144-145.

Но может быть, Солженицын воспринял христову заповедь слишком буквально и любил лишь «ближних»?

О его отношении к первой жене Наталье Решетовской мы уже писали выше. Была она ему чем-то между прислугой, секретаршей и удобной мебелью, на ее деньги он жил, ей же изменял, когда пришла у нему слава. И об ученой женщине из Ленинграда, и о других неназванных и неузнанных, и о притязаниях мужа возродить на русской земле полигамию «по творческим соображениям» Наталья Алексеевна потом напишет в книге «В споре со временем».

О низости Солженицына по отношению к Наталье Решетовской рассказывает и Лев Копелев: «В 1970 году Солженицын разошелся со своей первой женой. На пороге старости покинутая женщина, посвятившая десятки лет жизни своему идолу, приняла яд. Конечно, это должно было взволновать христианина Солженицына и в самом деле взволновало. Но любопытно, что о боге он даже и не вспомнил. В письме, которое она получила в больнице, он писал совсем в другом духе: “никогда не простит” ей того, что она сделала, так как ее смерть могла бы испортить репутацию ее более счастливой соперницы. Мысль о боге ему вовсе не пришла в голову. Ему также не пришла в голову мысль, что ему не дано прощать или не прощать, а что он должен молить бога, чтобы тот простил ей этот грех»⁵⁰⁷

Чем-то типично солженицынским попахивает и история с его противостоянием с Алексан-

---

507. Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. С. 180.

дром Трифоновичем Твардовским, который за всю жизнь не сделал Солженицыну ничего плохого и всегда старался ему помогать, рискуя порой не только своей карьерой, но и своим журналом. Своего «литературного отца» Солженицын рисует в «Теленке» трусливым и аморфным человеком, дескать, и рукопись Хрущёву передал поздновато, и момент упустил, и вообще чуть все не проморгал, и «Новый мир» пытаюсь спасти, *«топырился покурячи»*⁵⁰⁸ (фразочку-то какую подобрал, а?), да не смог, и тот умер у него «с согнутой спиной». И все это в своем неизменном прокурорском тоне.

В 1971 году Солженицын посетит в Красной Пахре умирающего от рака Твардовского – лишь для того, чтобы вложить ему в руки свой вышедший на Западе двухтомник. В нем полупарализованный, немой, ожидающий смерти советский классик должен был... отметить закладками разного цвета, что понравилось, а что – нет...

Потрясает и отношение Солженицына к Корнею Чуковскому, который осенью 1965 года предоставил «угрожаемому автору» кров, купившись на рассказы о якобы грозившем ему аресте, а потом еще и отписал ему по завещанию изрядную часть наследства. 28 октября 1969 года Корнея Ивановича не стало, но Солженицын не посчитал нужным проводить его в последний путь. Проигнорировав похороны Чуковского, он лишь произнес: **«Страшно умирать неопальным»**⁵⁰⁹...

Не лучше относился Солженицын и к своим добровольным помощникам. Поразительна история

508. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №7. С. 126.

509. Решетовская Н.А. Отлучение. С. 170.

с Елизаветой Воронянской, помогавшей перепечатывать «Архипелаг» и хранившей у себя один из его экземпляров. Почувствовав его возможное изъятие комитетчиками, Солженицын потребовал у Воронянской уничтожить рукопись. Однако та не успела это сделать – 23 августа 1973 года ее задержал КГБ и вынудил сдать тайник. Терзаемая раскаянием, женщина покончила с собой. По свидетельству писателя Владимира Максимова, «реакция нашего героя, большого человеколюбца, душеведа и христианина, на эту трагедию была библейски лапидарной: **“Она обманула меня – она наказана”**»⁵¹⁰.

«Даже заблуждения Толстого были заблуждениями гения, они пронизаны болью и покаянием, – напоминает писатель Григорий Бакланов, – а тот, кого пытаются равнять с ним, занят самоутверждением и сводит, сводит счеты с теми, кто когда-то помогал ему и даже жизнь за него положил, как тот несчастный Вадим Борисов, который бросил свое дело, пошел целиком в услужение Солженицыну, публиковал его книги в первые годы перестройки, а потом потребовали от него строгой бухгалтерской отчетности, которой и быть в те годы не могло, и обвинили его в мошенничестве, и он вскоре умер. Но и мертвого, не способного себя защитить, чтоб и на его детей пал позор, Солженицын припечатал словом в своем ныне публикуемом “Зернышке”, которое никак не затерялось “меж двух жерновов”, а наоборот, эти жернова отлично сумело использовать: **“Ошибку – можно простить и миллионную. Обмана – нельзя перенести и копеечного”**»⁵¹¹.

---

510. Максимов В. История одной капитуляции // Правда. 1994. 28 декабря.

511. Григорий Бакланов. Кумир...

Да что там Решетовские, Твардовские, Чуковские да Воронянские! Он своих, солженицынских, детей не жалел, собираясь ради идеи, ради правды пожертвовать жизнями трех малолетних сыновей. Описывая события, предшествовавшие изданию своей главной книги, он вспоминает в «Теленке», что на той случай, если бы встал вопрос: жизнь детей или издание «Архипелага», им и его женой Натальей Дмитриевной было принято «сверхчеловеческое» решение – **«наши дети не дороже памяти замученных миллионов, той Книги мы не остановим ни за что»**⁵¹².

Вот это мы понимаем – христианская самоотверженность! Наверняка Солженицын уже и иконку со своим ликом заказал написать, готовясь к канонизации...

В 1994 году, вернувшись на родину, Солженицын сложил новую молитву (на сей раз о России). Эта молитву, которая также немедленно стала достоянием общественности, Солженицын произносил каждый день до самой смерти. В ней он просил Бога: «Отче наш Всемилостивый! Россиюшку Твою многострадную не покинь в ошеломлении нынешнем, в ее израненности, обнищании и в смутности духа. Господи Вседержитель!»⁵¹³.

Смутность духа – это ведь больше про самого Солженицына, чем про ельцинскую Россию! Пережив нелегкое десятилетие, Россия поднялась, сосредоточилась, вернулась на свой трудный и славный путь. Солженицын пребывал в смутности духа до гробовой доски, и не бывало у него даже ред-

512. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №8. С. 46-47.

513. Эриксон Э. Мировоззрение Солженицына. С. 50.

ких минут просветления. Все, что двигало им всю жизнь, было: гнев, ненависть, ложь, тщеславие и гордыня.

Но если христианство было внутренне чуждым для Солженицына, если не желал и не умел он следовать христовым заповедям, не находил в себе душевных сил для любви, прощения, терпимости, то зачем ему вообще этот маскарад с крестами и молитвами? Да все для того же самопиара, для придания себе в глазах людей облика мудреца и праведника, для того, чтобы впредь каждый его поступок или высказывание расценивались как априори высоконравственный. (Да и просто модно это было – вспомним, время-то было какое, все иконы коллекционировали). В общем, Солженицын был христианин для пользы дела.

В записных книжках Варлам Шаламов приводит диалог с одним писателем:

«– Для Америки – быстро и наставительно говорил мне мой новый знакомый, – герой должен быть религиозным. Там даже законы есть насчет этого, поэтому ни один книгоиздатель американский не возьмет ни одного переводного рассказа, где герой – атеист, или просто скептик, или сомневающийся.

– А Джефферсон, автор Декларации?

– Ну, когда это было. А сейчас я просмотрел бегло несколько ваших рассказов. Нет нигде, чтобы герой был верующим. Поэтому, – мягко шелестел голос, – в Америку посылать этого не надо...

Небольшие пальчики моего нового знакомого быстро перебирали машинописные страницы.

- Я даже удивлен, как это вы... И не верите в Бога!

- У меня нет потребности в такой гипотезе, как у Вольтера.

- Ну, после Вольтера была Вторая мировая война

- Тем более.

- Да, дело даже не в Боге. Писатель должен говорить языком большой христианской культуры, все равно – эллин он или иудей. **Только тогда он может добиться успеха на Западе»**⁵¹⁴.

По всему выходило, что для собеседника Шаламова религиозность была не выстраданным и выношенным убеждением, а просто товаром, за который хорошо платят.

Собеседником этим был Солженицын.

Уехав на Запад, он успешно капитализирует свой образ богомольца. Западные критики и философы будут сравнивать Солженицына с Достоевским, называть его «вторым, Истинным правительством» своей страны и радоваться, что политика в его трудах не заслонила их подлинного, духовного значения.

Александр Солженицын был нужен Западу именно таким – не злобствующим фанатиком, брызжащим слюной из-под бороды, а степенным, крепко верующим в Бога духовидцем. Таким они хотели его видеть, и та премия Темплтоновская нужна была, чтобы укрепить положение Солженицына как духовного лидера эпохи. Они старались...

---

514. Шаламов В.Т. Записные книжки. С. 362.

На пресс-конференции в Стокгольме по поводу получения Солженицыным Нобелевской премии лауреату задали вопрос:

– Господин Солженицын, являетесь ли вы сами христианином?

– Я думаю, что это ясно из моих книг⁵¹⁵, – ответил лауреат.

И все понимающе закивали головами, мол, к чему этот вопрос? неужели не заметно, что с каждой страницы солженицынских книг льется божья благодать? Однако когда в 1983 году было решено вручить Солженицыну премию Темплтоновского фонда, его эксперты столкнулись с неожиданной проблемой: в творчестве соискателя не было совершенно ничего, что можно было хоть за уши притянуть к формулировке «За прогресс в развитии религии». Не приложишь ведь к заявке нательный крест и крашеные яйца. После долгих поисков решено было «положить в присуждение» (выражение А.С.) коротенькое стихотворение из «Архипелага» и ту самую «Молитву», которая гуляла по самиздату.

Пророк и религиозный мыслитель оказался из Солженицына дутый, на Западе это смекнули быстро. А вот в новой России он пришелся ко двору и по сердцу. Свежеокрещенная интеллигенция приняла его как носителя Самых Главных Истин, не столько идеализировав, сколько идолизировав вернувшегося на родину вермонтского затворника.

Этих постсоветских людей легко понять, им нужно мировоззрение. В советском, коммунистическом

---

515. Солженицын А.И. Пресс-конференция в Стокгольме, 12 декабря 1974 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. С. 200.

мировоззрении они разочаровались, в либерально-демократическом еще раз разочаровались уже в девяностые годы, что остается из этой «троицы» Нового времени (либерализм, социализм, консерватизм)? Остается консерватизм, поэтому в России начала XXI века такой невиданный спрос на консерватизм и такой невиданный религиозный подъем!

А тут и Солженицын – в самый раз! Кто еще так вдохновенно воспевал старую российскую Империю и критиковал равно и февральских революционеров, и октябрьских? Не случайно и хоронят Солженицына в Донском монастыре, куда недавно перенесены останки консерватора-философа Ильина, не случайно и самый модный религиозный журнал «Фома» посвящает Солженицыну целые номера, и слова «пророк» там звучат на каждой странице.

Искренне жаль всех наивных верующих людей, которые купились на фальшивую солженицынскую бороду и религиозность. Хотя это, безусловно, их выбор.

Так уж устроено: где появляется Пророк, там создается секта. Секта Солженицына – это типичная тоталитарная секта. Вся жизнь ее адептов посвящена Главному Делу – воплощению в жизнь заветов Пророка. Пророку подражают во всем – перенимают его привычки, манеру говорить. Вдову Солженицына Наталью Дмитриевну сегодня уже и понимают с трудом – настолько въелись в ее язык пресловутые «языковые расширения».

Стратегема № 15

Создайте секту.

Члены этой секты убеждены в непогрешимости своего лидера и не терпят иных мнений, кроме единственно верного. Чуть что, едва только кто-то обронит хотя бы одну неосторожную фразу, выразит малейшее несогласие с Генеральной Линией – начинается травля.

Так было совсем недавно с Юрием Поляковым. Опубликованный на портале газеты «Культура» (20.09.2014) комментарий главного редактора «Литературной газеты», где он называет «неуместным» заблаговременный предъюбилейный ажиотаж в связи с приближающимся столетием Солженицына и призывает не возвеличивать сверх меры писателя, призывавшего американцев начать войну против СССР, вызвал у «свидетелей Солженицына» настоящую истерику. Свое возмущение выразили и Наталья Солженицына, и Людмила Сараскина, и актер Евгений Миронов, назвавший Полякова подлецом, и, разумеется, Дмитрий Быков – куда же без него! Полякова заклевали, портал «Культура» удалил его комментарий, но солженицынцы не успокоились и продолжают вертеть головой по сторонам в поиске новой жертвы.

Непонятно только, чем все это отличается от того Гулага, который описывал Солженицын? И не та ли самая это цензура, которую так ненавидел и с которой так яростно боролся Учитель свободы?

ПОБЕДИТЬ ЕЩЕ РАЗ!

Эта книга дописывается в самом начале 2018 года. Этот год имеет все шансы официально стать Годом Солженицына – именно с такой просьбой планирует обратиться в ЮНЕСКО наше Министерство иностранных дел. «В случае принятия ЮНЕСКО положительного решения, 11 декабря 1918 года – день рождения Александра Солженицына – будет включен в список памятных дат ЮНЕСКО, имеющих особое значение для всего человечества», – сообщил журналистам на пресс-конференции вице-премьер – руководитель аппарата правительства РФ Сергей Приходько.

Можно сколько угодно негодовать по поводу очередной благоглупости нашего правительства и обвинять его в воспевании предателей и врагов нашей страны. Можно выходить на одиночные пикеты, замазывать краской мемориальные доски и публично сжигать перед зданием МИДа «Архипелаг Гулаг». Но можно поступить иначе – и самим признать 2018 год Годом Солженицына, но в ином смысле – а именно как важную веху на пути освобождения страны от оков солженицынской лжи.

Солженицын был, от этого никуда не деться. И как ни парадоксально это прозвучит, мы должны быть ему за это благодарны. Просто за то, что он был – а если бы его не было, то его следовало придумать, причем придумать именно такого, какой он есть, насквозь лживого и продажного мерзавца, разрекламированного на весь мир.

Не нами подмечено, что история развивается по законам драмы. Эти законы были открыты еще Аристотелем. Драма – трехчастна, в ней есть завязка, кульминация и развязка. Причем, в развязке должна произойти перипетия, то есть «перемена участи»: положительный персонаж может оказаться главным негодяем, а отрицательный – героем. То есть, в любом сюжете должно присутствовать внутреннее движение, обусловленное теми или иными противоречиями.

Так и в истории. Всякое великое дело должно быть не просто воспринято и понято в своей позитивности – оно должно пройти горнило испытаний, **оно должно пройти через свое отрицание**, а потом через отрицание отрицания. Это соответствует знаменитой схеме Гегеля, согласно которой развитие идеи проходит три стадии: тезис – анти-тезис – синтез, или положение – отрицание – отрицание отрицания. При этом последний акт – отрицание отрицания – самый важный.

Другой немецкий философ, во многом противоположный Гегелю – Фридрих Ницше, также говорил о необходимости «утверждения утверждения», то есть **удвоения любого действия воли**, его повторения, если оно хочет быть настоящим.

Историю послевоенной России тоже можно рассматривать как трехчастную драму.

Когда мы победили фашистов в 1945 году, это был первый акт драмы, это говоря словами Гегеля, был тезис. И мы, конечно, стали петь песни об этой победе, снимать фильмы, писать книги... Но это все напоминает действия человека, который помог детскому дому и всем об этом рассказывает целый год. Это очень нравится ему самому, но это не работает на внешнюю публику, и это не работает на будущие поколения. Скажите, как должны реагировать европейцы на наши фильмы о войне и наши книги о солдатах-героях, если европейцы – это мелкие трусы, которые испугались Гитлера? Да каждый такой фильм – это удар по их самолюбию, поэтому они старались игнорировать наши саги и былины, в лучшем случае.

Теперь возьмем молодое поколение в нашей стране, которое не воевало. Им рассказывают, какие молодцы были их отцы и деды. А читается: «не то, что вы», «не то, что нынешнее племя, богатыри – не вы!»...

Был такой феномен, получивший название «дети победителей». Эти дети героев выросли «забитыми по шляпку» своими харизматичными отцами, они были одержимы «эдиповым комплексом», тайно ненавидели жестких и властных отцов и хотели только одного – чтобы надоевшая ненавистная отцовская пропаганда уже когда-нибудь кончилась: «Ой, опять фильм про войну... Давайте лучше посмотрим про ковбоев...».

Именно эти «закомплексованные европейцы» и эти «сынки победителей» и стали первыми жадны-

ми и благодарными читателями солженицынских книг. Это была сладкая месть отцам-победителям в СССР. А в Европе это была месть русским, которые единственные не легли под Гитлера, и теперь кичатся этим.

Книги Солженицына и вообще вся «холодная война» – это не что иное, как второй акт всемирной драмы, или, говоря гегелевским языком, это «**этап отрицания**». И это отрицание доходит до самой страшной кульминации: **антигерой фактически побеждает героя**, тот лежит поверженный, а антигерой-злодей наслаждается тем, что делает наложницами жен и дочерей героя, грабит его имущество, оскверняет его святыни...

Развал СССР – это и есть такое унижение. Кто не придет в отчаяние от того, что стало с нашей страной, победившей зло полвека назад и спасшей мир? При этом антигерой, взять того же Солженицына как его воплощение – это просто глумливый предатель-дезертир-стукач, вся добродетельная маска которого шита белыми нитками, и достаточно внимательного взгляда, чтобы увидеть его сущность.

Антигерой и антисила – Америка, которая называла нас «империей зла», сама ведь и оказалась таковой «империей зла», как только ей дали волю. Она понаставила везде военных баз, поработила Европу, она меняет власть в суверенных государствах, она бомбит мирных жителей, она убивает собственных граждан ради того, чтобы сделать всемирное шоу с разрушением небоскребов-близнецов, чтобы только получить карт-бланш на установление нового мирового порядка. Это ведь

то же самое, что и поджог фашистами собственного рейхстага для того, чтобы был повод начать преследовать коммунистов в Германии. Новый американский фашизм в новом облики устанавливается на планете...

Но вот, что важно понять: это все только второй акт, только кульминация, проиграна не холодная война – проиграна битва, и впереди еще третий акт!

Впереди еще **«отрицание отрицания»**, впереди еще «утверждение утверждения»! Мы должны выиграть войну у мирового фашизма еще раз, мы должны выиграть ее в головах у всего человечества!

И это должно произойти **через разоблачение антигероев и негодяев**, тем более что эти негодяи только и созданы для того, чтобы их разоблачали.

Если бы Солженицын был настоящим героём-фронтовиком, настоящим «невино пострадавшим от репрессий», действительно прошедшим через страшную каторгу, как Достоевский, если бы вся его дальнейшая жизнь была полна метаний, исканий, страданий, а не самопрезентаций и клеветнических выступлений, сопровождающихся овациями и гонорарами, то воевать с таким святым было бы невозможно. Собственно, это бы и означало, что наше дело и было неправое, раз такие люди выступили против него. **Но раз выступали законченные мерзавцы, типа Солженицына, значит «дело было правое»**, и значит, в основе, в фундаменте лежит добрый камень, без дыр и трещин.

Когда пиарщики пишут сценарии и сами планируют «нападки на себя», они специально подбирают на роль негодяев людей с явным или скрытым

пороком, каких-нибудь судимых, скандалистов, извращенцев, именно для того, чтобы потом показать, что все разоблачения из уст такого субъекта ничего не стоят.

Тут ничего придумывать не надо: Солженицын – идеальный скандалист и прохвост. И он тем больше подходит для этой роли, чем лучше он маскировался, и чем более высоко он забрался на поприще общественного признания. Чем выше залез – тем больнее падать. Перипетия в отношении к нему, а, следовательно, и в отношении «дела всей его жизни» должна быть максимально крутой: **пик признания должен смениться пиком падения** в крутую и бездонную пропасть.

Вообще, если бы руководство СССР не было помешано на науке и технике, а больше внимания уделяло гуманитарному знанию, то оно бы само придумало этого Солженицына, вело бы его по всем дорогам судьбы и, в конце концов, привело бы к великому и окончательному разоблачению.

Для чего?

Во-первых, для того, чтобы победить в «холодной войне», ведь будь Солженицын разоблачен уже в начале 1980-х, то никакой перестройки бы не было, и все история бы пошла иначе. Естественно, здесь имеется в виду весь комплекс спецопераций холодной войны.

Во-вторых, это надо было для того, чтобы показать драму в трех актах, а не в одном акте. Это надо для того, чтоб не повторить судьбу несчастных троянцев, которые выиграли войну с греками, потом бездарно бросили свою победу, и о ней никто не узнал за три тысячи лет.

Но если нечто появилось само собой и работает «втемную», то это получается более настоящим. Лучшего негодяя, чем тот «естественный Солженицын», который есть – не придумаешь. Если бы он еще и был педофилом, это был бы дурной тон и перебор. Мы должны быть благодарны ему за то, что он сделал сам всей своей судьбой, за свой счет (имеется в виду не денежный счет, а экзистенциальный) огромный подарок России – он сыграл большую роль во втором акте пьесы, может быть, без него был бы и невозможен этот акт. Он сделал так, что Россия была в повестке дня в течение второй половины XX века. Да, пусть с отрицательной стороны, но, как известно, отрицательные упоминания тоже важны.

Наши остолопы, стоявшие у руля страны, проспали второй акт, Солженицын работал за них. Проблемы «мирового коммунизма» определяли всю мировую политику в течение послевоенного периода времени, весь мир также внимательно следил и за перестройкой и за нашими бурными девяностыми. Мы стали неинтересны только после 11 сентября 2001 года, когда стала меняться мировая повестка дня, в которой нам уже не было места.

Теперь нам вместе предстоит поставить следующий акт драмы, **еще раз поставить себя в повестку дня**, рассказав всему миру, как все было на самом деле и как нас оклеветали, а заодно и напомнить о себе и своих великих заслугах. Это должен быть большой государственный проект, это третий акт той же самой Мировой войны, и мы не имеем права не участвовать в нем, как не могли отказаться

наши деды. Они победили, и мы также обязаны победить, если хотим быть достойными их подвига. Может история и не знает сослагательного наклонения, но она знает повелительное! Вот наша историческая задача.

Это как если бы во время выборов, мы помогли бы людям, потом подали бы на себя в суд от имени бомжа, а потом выиграли этот суд. Только в отличие от такого спектакля речь идет о всемирно-исторической драме, и мы должны выиграть исторический суд. Но нелепо будет, если мы бы остановились на полпути, дали нашему же «историческому бомжу» выиграть против нас суд и снять нас с исторической дистанции. Сейчас прошел этот второй акт, но кульминация слишком затянулась, она не может длиться долго, зрители просто перестают смотреть. Мы упускаем время, хотя оно еще не до конца упущено. Сейчас Европой, например, правят люди, которые знают, кто такой был Солженицын. Все, кто старше 40 лет, знают это. А если учесть, что Европа в принципе это сборище стариков, то мы еще можем работать с половиной населения. В России публике, которая знает Солженицына, больше 30 лет. Со всеми ними можно работать. Но через десять лет будет поздно, особенно насчет Европы и остального мира. Может получится так, что мы будем объяснять что-то про войну, про сталинские репрессии, про Солженицына, про холодную войну, а нам в ответ будут говорить: «о чем вы это?». Может получится так, что мы будем иметь дело с людьми, которые не видели второго акта пьесы. Очень плохо, если люди посмотрели только первый акт, но еще хуже – если люди посмотрели

только два акта. И хуже всего, если они вообще не видели ни одного.

Самое страшное сейчас это наша историческая демобилизация. Мы, вместо того, чтобы понять, что нам дан уникальный исторический шанс ввести перипетию в мировую историю, сидим под впечатлением собственного поражения. Мы ведем себя не как главный герой, которому надо подняться и победить, а как зритель, который видит упавшего героя и думает, что фильм уже кончился и никакого хэппи-энда не предусмотрено. Пораженчество господствует повсюду: «Мы проиграли холодную войну», «Нам теперь ни за что не вернуть Украину», «Нам надо представить себя как самый пострадавший от тоталитаризма народ»...

На самом деле, нет ни одного поражения, которое нельзя было бы превратить в преимущество и сделать основой успеха.

И первым делом для напоминания всему миру о нашей великой победе, надо... Нет, не эксгумировать тело Солженицына и отправить его с земли Донского монастыря в Америку, которой он служил всей своей жизнью. Надо сначала провести соответствующую подготовку.

Дело в том, что шокирующее пиар-событие, информационный повод, который является выстрелом стартового пистолета для всех СМИ – писать о той или иной теме, подобно зажженной спичке, которая подносится к бочке с порохом. Но прежде, чем зажигать спичку, нужно подготовить бочку сухого пороха.

А именно, нужно создать в мире ядро специалистов-экспертов по Солженицыну, его биогра-

фии, по истинным цифрам сталинских репрессий, по нашему вкладу в период войны. Это должны быть люди, которые на наши гранты напишут десятки солидных книг по этой теме. И только потом, когда случится стартовое событие – это ядро взорвется, то есть получит повод рассказать, все что они знают, а также трибуну и интерес зрителей.

Далее – и это самое важное! Начинать надо не с России. А именно с заграницы. Если мы сейчас у себя начнем ставить памятники Сталину, без предварительной обработки массового сознания в мире, то мы рискуем опять противопоставить себя всему миру: дескать, Россия опять вернулась на путь тоталитаризма и проч. Сначала им надо разъяснить (а это огромная кампания на весь мир, сделанная руками, прежде всего, мировых же ученых и публицистов), что Солженицын – это плод холодной войны, что все они были пятьдесят лет лохами, верящими в сказки и проч.

А вот после этого уже можно взрывать детонатор у нас, который бы спровоцировал общемировую дискуссию. Что может послужить в качестве такого знакового события и информационного повода?

Первым делом надо вернуть на карту великий город – Сталинград. Как только это будет сделано – это даст огромную волну публикаций по всему миру: что, зачем, кто? Им придется самим напоминать своим читателям и зрителям о той войне и той победе. И это будет хорошим информационным поводом для нас – написать правду.

Привычная, кочующая из книги в книгу формулировка – «битва под Сталинградом стала началом коренного перелома во Второй мировой войне» –

на удивление точно отражает подлинное историческое значение этого события: характер войны после Сталинграда действительно радикально изменился. И не только потому, что с началом контрнаступления советских войск в ходе битвы на Волге 19 ноября 1942-го и блистательным завершением этой операции, увенчавшимся капитуляцией сотен тысяч нацистов во главе с их фельдмаршалом, наша армия перехватила у немцев стратегическую инициативу. И в трагические дни начала войны, и во время обороны Москвы и Питера советские люди проявляли массовый героизм и беспримерное мужество. Но с наибольшей силой героизм проявился именно в Сталинграде: «За Волгой для нас земли нет!».

Если у вас есть знакомые подростки, наши (про американских мы вообще молчим) – спросите их: что они знают про Сталинград? В лучшем случае, вы услышите невразумительное мычание. Они лучше знают Роки, Рэмбо и Брюса Уиллиса, чем героев Сталинграда – Павлова, Зайцева, полководцев Чуйкова и Еременко. А ведь прошло всего 75 лет. Не века, не тысячелетия! Это меньше, чем жизнь одного человека!

В этом году исполняется 75 лет со дня великой победы под Сталинградом, а где напоминания, где торжества? Где воспитание молодого поколения? Продолжается хрущевщина...

Аргументы противников восстановления исторической справедливости, что, это, дескать, оскорбит память жертв политических репрессий, не выдерживают никакой критики. Во-первых, лишение

имени города-героя оскорбляет память павших в той битве, а их неизмеримо больше (цифры «пострадавших от репрессий», как мы помним, завышались в десять раз во времена Хрущёва и в «перестройку»).

Во-вторых, в городах демократической Европы, где к Сталину понятно с какими чувствами относятся, многие площади и улицы носят имя Сталинграда, и тамошним либералам и в голову не приходит менять таблички.

В-третьих, едва ли не одним из первых решений демократов после 1991 года в России было возвращение северной столице ее исторического имени. И все это приветствовали. Так отчего же такая избирательность? Что, Петр Первый был воплощением гуманизма? И можно ли забыть, что Северная Пальмира стоит на костях десятков тысяч крепостных?

**Реабилитация имени Сталина
постепенно и неспешно, но уже идет.
На фото – «Сталинский центр» в г. Пензе**

Понятно, что такое переименование – дело правительства, но массы могут высказывать свое мнение. Кроме того, это не единственная акция.

Нужно мобилизоваться и не ждать, когда государство и правительство сделает что-то за тебя. Сейчас наверняка многие из тех, кто читает эти строки, думают: «Эх, обидно, что так получилось в истории, нас оболгали, оклеветали перед всем миром, ну что же наши власти сидят и ничего не делают, надо всем объяснять, рассказывать...»

Во-первых, во власти в большинстве случаев еще находятся те, кто искренне верит в гений Солженицына, в миллионы убитых Сталиным и проч. Они сами еще нуждаются в просвещении, они, скорее, объекты, а не субъекты просвещения. Есть правда и те, кто все знает, но со всем смирился. Такие придумали себе иезуитскую логику: «Все равно весь мир не переубедить в том, что Сталин плохой, поэтому единственное, что мы можем делать – это говорить, да, вы все пострадали от Сталина, но больше всего пострадали мы же сами, поэтому не наказывайте и не обвиняйте нас, мы жертвы». Во как! И ведь ждут, когда их простят и пожалеют на Западе. А странный Запад вместо жалости говорит: «Так вам и надо за то, что вы нас обижали». А странный Запад, который в ножки нам должен кланяться за спасение и за то, что мы миллионы своих жизней отдали за их жизни и свободу, все продолжает выступать как прокурор... Никакая логика самоуничтожения не приведет к тому, что нас вдруг простят и уважают, наоборот, только больше будет претензий и презрения. В этих рассуждениях есть зерно истины: да, только мы имеем право судить

себя и свою историю, ваше же западное дело лишь благоговейно внимать стране героев. Гордость за героизм дедов, а не комплекс неполноценности надо воспитывать в нашем подрастающем поколении и в нашей будущей власти, а не ждать, когда сама власть что-то там сама из себя поймет.

И вообще, никогда не надо кивать на власть. Толстой, когда спустя больше полвека после войны 1812 года писал «Войну и мир», великую эпопею о нашей победе – не кивал на власть и не ждал, когда его попросят написать эту книгу, а потом продвигать ее на Запад. Он писал. А ведь были пораженцы, которые говорили ему и то, что это уже не актуально и не интересно, что это дело старое и забытое. А получилось так, что весь мир с интересом прочитал про эту забытую войну и не просто прочитал, а восхитился еще раз мудростью русских полководцев, мужеством наших солдат, человечностью наших людей. И он ответил на «загадку Наполеона»: как могла лапотная Россия победить высшее порождение Европы, которым вся Европа восхищалась и которому покорились? Толстой показал, что Россия была выше Европы, а не ниже, как в пылу самолюбования думали европейцы.

Кто мешает кому-то сейчас читающему эти строки, стать новым Толстым, который воспевает войну 1941-1945 и последующую историю? Кто мешает снять документальный фильм с интервью настоящих ученых о репрессиях? Кто мешает поднять кипы перестроечных газет с цифрами о миллионах убитых Сталиным и показать, как осуществлялась промывка мозгов 300 миллионам наших граждан?

Кто мешает сделать сайты в интернете на русском и иностранных языках с цифрами и фактами? Кто мешает написать истинную биографию Солженицына, не такую путаную и многословную, как у Бушина или Островского, а для массового читателя, и издать ее на всех языках мира?

Говорят, нужны деньги и время. А кто из наших дедов говорил в 1941 году, чтобы ему дали деньги, и тогда он пойдет воевать? Люди шли в добровольцы, в партизаны, каждый жертвовал и своим временем, и своими силами, и часто своей жизнью, и только поэтому и стала возможна победа.

Да, не все могут быть Толстыми, не все могут снимать документальные фильмы, и не все могут даже делать сайты. Но всем по силам писать блоги, где просто выдавать эту и подобную ей информацию, каждый может распространять эту и подобные ей книги. Причем, не откладывая на завтра, а просто взять и сделать это сейчас, сейчас на этом месте в эту самую секунду ты можешь совершить свой маленький подвиг в этой большой мировой войне: просто дать кому-то ссылку, просто посоветовать прочитать, просто подарить кому-то эту книгу.

Совокупностью таких маленьких действий и большими действиями отдельных личностей только и можно сделать историческое событие. Никаким другим, более легким способом, это не сделать.

Потому что даже такой моральный отщепенец как Солженицын, разрушая и клеветца, что зачастую легче, чем созидать и защищать, – и то, даже

он вынужден был совершать своеобразный жизненный подвиг, посвящая всю свою жизнь этому делу.

Величие человека определяется не его личными качествами, величие определяется тем делом, в котором он участвует. Если человек участвует в великом историческом деле, неважно, на какой стороне и в какой роли, то оно, это дело, сделает его великим. Участвовать в великом деле просто, это может каждый – надо просто отдаваться этому делу, а не ждать когда тебя позовут, когда тебе заплатят, не задавать вопрос «а что я с этого буду иметь?» и «зачем мне это?». Великое – это всегда жертва собой, своей жизнью, своим временем, своими силами, жертва без всякой надежды на какую-то «прибыль» и вознаграждение, Великое потому и великое, потому что возврат от инвестиций приходит очень не скоро, а в далеком будущем и не самому инвестору.

ПЯТНАДЦАТЬ СТРАТАГЕМ САМОПИАРА

1. Убедите себя в собственной исключительности. Поставьте перед собой грандиозные задачи.
2. Станьте соавтором эпохи, постарайтесь не во вред себе поучаствовать во всех ее важнейших событиях. Бравируйте своим уникальным жизненным опытом.
3. Придумайте себе сверхспособность. Поражайте рассказами о ней аудиторию.
4. Ваша заявка о себе должна быть яркой. Уже потом можно будет расслабиться и подогреть к себе интерес скандалами, интригами, преследованиями.
5. Не разменивайтесь на мелочи. Берегите себя для Главного Дела.
6. Изображайте себя жертвой – режима, обстоятельств, людского непонимания. Опальных жалеют, гонимых привечают.
7. Пишите письма – создавайте шумиху вокруг своего имени.

8. Прибедняйтесь, создавайте себе образ нищенствующего праведника, заботящегося не о себе, но лишь о людских судьбах.
9. Любите и умеете дружить. Приобретайте выгодные знакомства, которые можно использовать «для пользы дела».
10. Изобретите свой язык – своеобразный и неповторимый, звучание которого не позволит спутать вас ни с кем.
11. Высказывайте все свои «истины» с железобетонной уверенностью, а если они расходятся с фактами – тем хуже для фактов! Никогда не оправдывайтесь и не осторожничайте в суждениях. Правы – только вы, и правы вы – во всем!
12. Перепишите историю. Уличите всех в неправде и расскажите, как, по вашему мнению, все было на самом деле. Возможно, именно ваша версия событий мировой истории будет преподаваться в школах.
13. Публично высказывайтесь по любому поводу. Станьте экспертом по всем вопросам – от международной политики до «литья из вагранок».
14. Объявите себя приверженцем традиционных ценностей, глубоко религиозным человеком, средоточием духовности. Подчеркивайте это при каждом удобном случае.
15. Создайте секту.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН: ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

- 11 декабря 1918.** Александр Исаевич (Исаакиевич) Солженицын родился в г. Кисловодск.
- 1924.** Переезд семьи Солженицыных в Ростов-на-Дону.
- 1936.** Окончание школы. Поступление на физико-математический факультет Ростовского университета.
- 1939.** Поступление на заочное отделение Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ).
- 1940.** Солженицын удостоивается Сталинской стипендии.
- 27 апреля 1940.** Женится на однокурснице Наталье Решетовской.
- Май 1941.** Окончание Ростовского университета.
- Сентябрь 1941.** Распределение школьным учителем в г. Морозовск Ростовской обл.
- 18 октября 1941.** Призыв в армию. Служба в Приволжском военном округе рядовым на конюшне обозно-гужевого батальона.

Март 1942. Солженицын получает направление в Костромское артиллерийское училище.

Ноябрь 1942. Окончание училища. Лейтенант Солженицын зачисляется в 9-й Запасной разведывательный артиллерийский полк, расквартированный в Саранске.

13 февраля 1943. Солженицын попадает на фронт в войска артразведки. Боевой путь – от Орла до Восточной Пруссии. Был награжден орденами Отечественной войны и Красной Звезды, 15 сентября 1943 г. Солженицыну было присвоено звание старшего лейтенанта, 7 мая 1944 г. – капитана.

12 мая 1943. Встреча на фронте с одноклассником Николаем Виткевичем. Начало переписки.

9 февраля 1945. Арест Солженицына. Солженицын пишет доносы на Виткевича, Симоняна, Ежерец, Решетовскую и Власова.

7 июля 1945. Суд выносит Солженицыну приговор по двум статьям: 58 пункт 10 (антисоветская агитация) и 58 пункт 11 (создание антисоветской организации). Срок наказания – восемь лет исправительно-трудовых лагерей.

Август 1945. Осужденный Солженицын направляется в Ново-Иерусалимский лагерь.

9 сентября 1945. Перевод в лагерь №121 (Москва, Калужская застава).

Декабрь 1945. Солженицын дает согласие на сотрудничество с лагерной администрацией. Под псевдонимом «Ветров» он обязывается писать доносы на заключенных.

Июнь 1946. Переведен в систему спецтюрем 4-го спецотдела МВД.

- Сентябрь 1946.** Направлен в закрытое КБ при авиамоторном заводе в Рыбинске (ныне НПО «Сатурн»).
- Февраль 1947.** Переведен в закрытое КБ в Загорске.
- 9 июля 1947.** Переведен спецтюрьму в Марфине на северной окраине Москвы (НИИ Связи).
- Декабрь 1948.** Заочный развод с Решетовской.
- 19 мая 1950.** Солженицын был этапирован в Бутырскую тюрьму.
- Август 1950.** Перевод в Степлаг – особый лагерь в Экибастузе.
- 20 января 1952.** «Ветров» пишет донос о готовящемся выступлении украинских националистов.
- 29 января 1952.** После усмирения лагерного бунта Солженицын направляется в лазарет в связи с обострением опухоли яичка.
- 1952.** Второй донос на Кирилла Симоняна.
- 27 декабря 1952.** По истечении срока заключения Солженицын отправляется в ссылку. Место назначения – казахский городок Кок-Терек.
- Январь 1954.** Онкотерапия в Ташкенте.
- Февраль 1954.** Возвращение в Кок-Терек, покупка дома.
- Июнь 1956.** Освобождение от ссылки со снятием судимости.
- 24 июня 1956.** Прибытие в Москву из ссылки.
- 30 июня 1956.** Поступает на работу в Межиновскую сельскую школу (Владимирская обл.)
- 2 февраля 1957.** Повторное заключение брака с Решетовской.

Июль 1957. Переезд в Рязань. Солженицын устраивается учителем физики и астрономии среднюю школу №2.

1957. Реабилитация Солженицына.

1958. Солженицыну вручена медаль «За взятие Кенигсберга».

1958. Начало работы над «Архипелагом Гулаг». Из-за нехватки материалов дело быстро заглохло.

1959. Первая публикация Солженицына: фельетон «Почтовые курьезы» в рязанской областной газете «Приокская правда».

Октябрь 1959. Окончание работы над повестью «Щ-854» об одном дне из жизни советского заключенного Ивана Шухова.

9 ноября 1961. Лев Копелев передает рукопись «Щ-854» сотруднице журнала «Новый мир» Анне Берзер.

8 декабря 1961. Редактор «Нового мира» Александр Твардовский знакомится с повестью Солженицына. Восторг!

12 декабря 1961. Солженицын получает аванс за публикацию повести – 1800 рублей.

12 октября 1962. На заседании Президиума ЦК КПСС принято решение о публикации «Одного дня Ивана Денисовича» – такое название дал повести Твардовский взамен невнятного «Щ-854».

Декабрь 1962. Повесть «Один день Ивана Денисовича» выходит в 11-м номере «Нового мира». Солженицын представлен Хрущёву и Суслову. Прием Солженицына в Союз писателей РСФСР.

Январь 1963. Публикация в «Новом мире» рассказов «Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка».

1 января 1963. Уход из школы. Солженицын полностью посвящает себя литературе.

Июль 1963. Публикация в «Новом мире» рассказа «Для пользы дела».

28 декабря 1963. Имя Солженицына – в «шорт-листе» кандидатов на соискание Ленинской премии.

14 апреля 1964. Комитет по Ленинским премиям назвал лауреатом Олеса Гончара. Возмущение Солженицына.

Октябрь 1964. Вадим Леонидович Андреев тайно вывозит за рубеж ряд антисоветских произведений Солженицына.

Октябрь 1964. Первая публикация за рубежом произведения Солженицына, отвергнутого в СССР – во франкфуртском журнале «Грани» выходят «Крохотки».

Июль 1965. Покупка «Борзовки» – дачи в Нарофоминском районе на реке Истье.

11 сентября 1965. У семьи Теушей и их приятеля Ильи Зильберберга КГБ изымает рукописи романа «В круге первом», поэмы «Пир победителей» и ряда других произведений.

Ноябрь 1965. Западные газеты сообщают об обыске и изъятии архива Солженицына. Тот торжествует: «Это и было то, чего я жаждал минувших два месяца!»

24 октября 1966. Выступление в Институте атомной энергии им. Курчатова с чтением отрывков из «Ракового корпуса» и «В круге первом».

- 30 ноября 1966.** Выступление на вечере в Институте востоковедения в Москве.
- Март 1967.** Солженицын передает Павлу Личко рукопись «Ракового корпуса» для публикации в ЧССР и дает ему разрешение на публикацию романа в Англии.
- Апрель 1967.** Лев Копелев хлопочет перед Ольгой Карлайл, связанной с западными элитами, о Нобелевской премии для Солженицына.
- 17 мая 1967.** Рассылка делегатам IV Всесоюзного съезда писателей СССР «Письма к съезду». Солженицын обличает цензуру и жалуется на недостаточное к нему уважение.
- Июнь-июль 1967.** Западная пресса публикует «Письмо к съезду», привлекая к писателю всеобщее внимание.
- 22 сентября 1967.** Выступление Солженицына перед заседанием Секретариата Правления Союза писателей СССР. Отречение от «Пира победителей» и «от себя прежнего».
- 27 сентября 1967.** Подписание договора с «Новым миром» на публикацию романа «Раковый корпус». Аванс – 6000 рублей.
- Весна 1968.** Окончание работы над «Архипелагом Гулаг» – произведением о стране, в которой половина населения сидела, а другая – охраняла.
- 26 июня 1968.** «Литературная газета» критикует Солженицына за его склонность «использовать общественное мнение Запада как инструмент давления на Союз писателей».
- Сентябрь 1968.** Выход в Лондоне романа «В круге первом». Вал зарубежных публикаций Солженицына.

- 1968.** Солженицын был назван в числе кандидатов на Нобелевскую премию.
- Август 1968.** Знакомство с аспиранткой МГУ Натальей Светловой.
- 12 ноября 1969.** Солженицын исключается из Союза писателей. Солженицын отвечает бывшим коллегам своим «Открытым письмом», которое вызывает широкий резонанс у западной общественности.
- 30 декабря 1970.** Рождение от Натальи Светловой сына Ермолая.
- 8 октября 1970.** Присуждение Солженицыну Нобелевской премии по литературе «за нравственную силу, с которой он продолжил извечную традицию русской литературы».
- 11 июня 1971.** В Париже вышел роман «Август Четырнадцатого».
- 23 сентября 1972.** Рождение от Натальи Светловой сына Игната.
- 22 июля 1972.** Развод с Решетовской. Наталья Алексеевна реагирует на разрыв попыткой суицида.
- 1972.** Солженицын пишет «Великопостное письмо» Патриарху Пимену о проблемах Церкви, в поддержку выступления архиепископа Калужского Ермогена (Голубева).
- 1973.** Рождение от Натальи Светловой сына Степана.
- 20 апреля 1973.** Заключение брака с Натальей Светловой.
- 23 августа 1973.** Самоубийство Елизаветы Воронянской, выдавшей КГБ рукопись «Архипелага Гулаг».

5 сентября 1973. Солженицын распоряжается о публикации «Архипелага» в парижском издательстве YMCA-Press и отправляет руководству страны «Письмо вождям Советского Союза» с призывом отказаться от коммунистической идеологии.

Декабрь 1973. Выход в свет 1-го тома «Архипелага Гулаг».

11 февраля 1974. Солженицын арестован, обвинен в измене Родине и лишен советского гражданства.

12 февраля 1974. Прямо из Лефортовской тюрьмы Солженицына доставляют во Франкфурте-на-Майне. Начало изгнания.

14 февраля 1974. Приказ начальника Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР «Об изъятии из библиотек и книготорговой сети произведений Солженицына А.И.».

Лето 1974. На гонорары от «Архипелага Гулаг» Солженицын создал «Русский общественный Фонд помощи преследуемым и их семьям» для помощи политическим заключенным в СССР.

Сентябрь 1974. Выход в свет 2-го тома «Архипелага», в котором Солженицын признался в сотрудничестве с лагерной администрации. Начало прозрения в отношении Солженицына со стороны эмиграции.

30 июня 1975. Речь в Вашингтоне перед представителями профсоюзов АФТ-КПП. Обвинение Запада в потакании Москве, призыв активнее вмешиваться во внутренние дела СССР.

2 апреля 1976. Переезд в США.

- 30 июля 1976.** Въезд в «Пять ручьев» – новое поместье Солженицына близ Кавендиша, шт. Вермонт. Поместье обнесено огромным забором с... колючей проволокой.
- 8 июня 1978.** Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета. Критика либерализма, призыв продемонстрировать СССР свою решимость начать войну.
- 1983.** Получение премии Темплтоновского фонда.
- Июнь 1989.** Заседание Политбюро ЦК КПСС принимает решение о реабилитации Солженицына. Отмена решения об исключении автора «Архипелага» из Союза писателей.
- 1989.** Публикация в «Новом мире» «Нобелевской лекции» и глав из «Гулага».
- 1990.** Вал публикаций произведений Солженицына в советской прессе.
- 17 августа 1990.** Солженицыну возвращено советское гражданство. Отказ Солженицына вернуться на родину.
- Сентябрь 1990.** Суммарным тиражом в 27 млн экз. в «Комсомольской правде», а затем в «Литературной газете» выходит статья «Как нам обустроить Россию». Солженицын призывает страну отказаться от имперских амбиций, отказаться от освоения космоса, уничтожить оружие и т.д.
- 1990.** Выход «Русского словаря языкового расширения».
- 20 сентября 1990.** А.И. Солженицыну присвоено звание Почетного гражданина города Рязани.

- 27 мая 1994.** Солженицын с семьей прилетает в Магадан, оттуда – во Владивосток, где пересаживается в поезд, который везет его в Москву через всю страну.
- 21 июля 1994.** Прибытие в Москву.
- 29 мая 1997.** За создание «Словаря языкового расширения» Солженицын избран действительным членом Российской академии наук.
- 1998.** Солженицын представлен к Ордену Святого апостола Андрея Первозванного – за выдающиеся заслуги перед Отечеством и большой вклад в мировую литературу. От награды отказался: «От верховной власти, доведшей Россию до нынешнего губительного состояния, я принять награду не могу».
- 2006.** На телеэкраны выходит сериал «В круге первом» (режиссер Г. Панфилов). Солженицын является соавтором сценария и читает закадровый текст от автора.
- 3 августа 2008.** Александр Солженицын скончался на 90-м году жизни, в своем доме в Троице-Лыкове.
- 6 августа 2008.** Солженицын предан земле с воинскими почестями в некрополе Донского монастыря рядом с могилой историка Василия Ключевского.
- 12 августа 2008.** Правительство Москвы приняло постановление «Об увековечении памяти А.И. Солженицына в Москве», которым переименовало улицу Большую Коммунистическую в улицу Александра Солженицына.

СОДЕРЖАНИЕ

Лицедей на сцене истории.....	3
Как стать звездой.....	8
Между Толстым и Достоевским	18
Рожденный революцией.....	26
Страдания молодого Ветрова	48
Рукопись, спрятанная в бутылке	71
«Автор, которого ждали».....	80
Смеешь выйти на площадь?.....	100
Этика «главного крика»	114
Изображая жертву	124
Пишите письма!	135
Философия нищеты.....	151
Артель «Солженицын».....	163
Маламзя с расщепырей	175
Архипелаги лжи.....	190
Непридуманный Гулаг.....	222
Литературный власовец.....	230

Апология предательства	253
Советы постороннего.....	262
Без земли и без неба	281
Пророк – в отечестве	292
В смутности духа.....	300
Победить еще раз!.....	321
Пятнадцать стратагем самопиара	337
Александр Солженицын: основные даты жизни и творчества	339

Анатолий Владиславович БЕЛЯКОВ
Олег Анатольевич МАТВЕЙЧЕВ

ВАТНИК СОЛЖЕНИЦЫНА

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. №436-ФЗ

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 11.
Тираж 1000 экз.

«Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru